

Рекс Стаут

УБИТЬ ЗЛО (ПОДОБНЫЙ БОГУ)

А

Он осторожно закрыл за собой дверь парадного и оказался в полной темноте. Нашупывая ногой первую ступеньку знакомой и такой ненавистной лестницы, левой рукой отыскал в кармане брюк ключ от квартиры, расположенной двумя этажами выше; правая же, с зажатым в ней пистолетом, была засунута в карман пальто. "Да, - подумал он, - вот до чего я дошел! Только представить себе!" Он чувствовал, что, если бы что-то понимал в своей жизни, ему не пришлось бы сейчас подниматься по этой лестнице, отпирать дверь и нажимать на спуск пистолета.

Она, наверное, сидит в голубом кресле, обложенная подушками, и читает - обычная ее поза. Его так трясло, что он чуть не потерял равновесие, когда заносил ногу на следующую ступеньку.

Неожиданно его мозг загудел от непривычной и бешеной нагрузки, словно какой-то гигантский коммутатор.

Беспорядочное и противоречивое нагромождение доводов и оправданий... Он говорил себе: "...ты робкий, нерешительный, безответный, ты осторожен, и, значит, тебе ничто не грозит, но ты пропадешь, даже если будешь в безопасности. Ничтожный, жалкий, нелепый грешник, как ты глуп!" Невероятные переплетения воспоминаний внезапно обрушились на все его существо, в то время как он осторожно нашупывал в темноте третью ступеньку.

Их синхронный гул оглушил его...

1

"Безответный".

Ты еще носил короткие штанишки, когда впервые узнал это слово. Тогда бесконечное количество слов в книгах, которые ты читал, были непонятны и волнующи. Ты знал множество слов, и множество стерлось в памяти, но это, когда-то написанное в одном из детских стихотворений, неожиданно попало на глаза учительнице Дэвис. Оно застряло в твоей памяти.

Она объяснила тебе, что это слово нельзя повторять так часто. Оно обезличивает все, что ты пишешь.

Тогда ты уничтожил свои стихи.

Ты ненавидел себя за это, всегда подсознательно ненавидел себя; малейшей искры было достаточно, чтобы разжечь эти тлеющие угли недовольства собой. Джейн, обладавшая способностью предугадывать события, из самых лучших побуждений всегда заботилась о тебе, но

эта доброта была опасна и могла сломать тебя. Понимала ли это Джейн? С годами, конечно, поняла, выйдя замуж за Виктора и став матерью. Но тогда она была лишь неловкой двенадцатилетней девочкой. Неужели даже тогда она каким-то загадочным образом понимала, что надо делать с людьми? Бывало, она чистила картофель и с серьезным видом советовала матери:

- Дай Биллу печенья. У него что-то случилось в школе.

- Оставь меня в покое! - чуть не плакал ты от возмущения.

А мать, с претензией на якобы существующее равенство родителей и детей, которую сын, сам не зная почему, так ненавидел, говорила:

- Ты не хочешь помочь сестре чистить картофель?

Всегда хотелось отказаться от печенья, но ты ни разу не делал этого. Если вдуматься, для этого не было причин, но почему-то, когда ты протягивал к нему руку, это всегда выглядело как уступка, как сдача крепости. В юности вообще поводов для стыда было гораздо больше, чем теперь, они подстерегали тебя повсюду, а может, ты был просто слишком чувствительным.

Самым ужасным и мучительным испытанием детских лет в Огайо была игра в пятнашки на лужайке за Элмстрит. Почему ты вбил себе в голову эту дикую затею?!

Начинались приступы сомнений. Колеблясь, ты пропускал решающий момент и позже всех бросался бежать.

Пугала не сама пробежка - бегать ты умел, - а яркая картина, возникающая в воображении: вот поскользнешься и упадешь лицом вниз - сплошной синяк, вывихнутая лодыжка, подвернутая нога... Самое главное - отчаянный и точный рывок. Ты знал, каких качеств он требует, но не обладал ими. Всего в ярде от "дома" тебя "выбили". И вот со всех сторон уже несутся победные крики ребят. Окажись там Джейн, она наверняка предложила бы тебе печенье, и в тот момент ты убил бы ее!

И такое случалось сплошь и рядом!

В тот период атмосфера странной гнетущей робости обычно держала его в маленьком домике на Купер-стрит.

Неосознанное чувство ее притягательного центра - старшая сестра Джейн.

Отца и мать ты воспринимал весьма смутно, казалось, они парят, подобно бесплотным теням. Остальные братья и сестры существовали лишь как досадная помеха.

Ларри было всего лишь пять лет, а Маргарет и Роза недавно только выбрались из колыбели.

Ты стал старше, и однажды, во время набега банды враждующего района на мирную Купер-стрит, тебе разбили нос, и, запрокинув голову, чтобы унять хлеставшую кровь, нащупывая дорогу в ванную, ты неожиданно застал там обнаженных мать и сестру... Опять неразрешимая задача - броситься назад и закапать ковер кровью или, сгорая от стыда и застенчивости, сделать шаг вперед... Однако они сразу же помогли тебе. Джейн или мать, кто-то быстро подал полотенце. Но душа твоя еще долго мучалась и страдала. Даже воспоминание об этом было постыдно. Ведь Джейн даже не подумала одеться.

И в ту ночь стоило закрыть глаза, как перед глазами словно наяву возникало нежно-розовое тело Джейн. Ты ни разу не представил себе нагой мать. Застенчивость?

Тебя пугала одновременно и жажда и боязнь запретного видения. Сестра не испытывала бы всего этого! Интересно, смутилась ли она в тот день? Ты постоянно размышлял об этом, пока новые, пугающие впечатления не загнали внутрь воспоминание об этом случае.

По отношению к отцу ты испытывал робость, которая была приправлена легким презрением. Даже ты не мог быть по-настоящему робким с этим маленьким, неприметным человечком, неизменно приветливым и мягким, который временно пребывал на земле, всегда готовый услышать призыв вечного колокола. Во всем подлунном мире не найдешь столько доброты,

сколько отец хранил в своем сердце. Когда его дела и здоровье пришли в упадок, ты был одновременно поражен и польщен тем, что тебя восприняли как старшего члена семьи. И тогда смутная мечта впервые коснулась твоего сердца.

- Билл, теперь все зависит от тебя, - сказал отец, когда мать вытерла слезы и вывела младших детей из комнаты. - Док ничего не соображает, я встану уже через месяц. Тебе уже девятнадцать, и ты достаточно взрослый парень, чтобы управлять двумя аптеками, не говоря уже о ларьке. Рецепты может выписывать Нейдл, а если ты будешь работать там днем и по субботам...

- Он не сможет этим заниматься, - сказала Джейн, приехавшая на лето из Нортвестерна.

Она уже закончила учебу и временно преподавала в школе латинский. Джейн заявила: "Он не сможет это делать". Когда ты что-то пробурчал в возражение, добавила:

- Билл, ты сам это знаешь. Это не в твоём характере, к тому же ты еще очень молод. Я-то смогу с этим справиться, и папа должен мне доверить заниматься аптеками.

Но отец, проявив здесь необычную для него настойчивость, пригласил мистера Бишопа и уполномочил тебя подписывать чеки. Этот жалкий символ власти никого, кроме твоей матери, не обманул. Лето, заполненное бестолковой деятельностью ведущих аптек, бурно развивающегося Огайо, тянулось бесконечно. Ты горько сетовал на Джейн, и она умело расправлялась с оптовиками. И тебе было доверено только смешивать лед с крем-содой и мыть стаканы; и к началу июня ты уже не пробовал возражать ей. Именно тогда миссис Дэвис уехала в Кливленд - тебе и сейчас интересно, как обо всем стало известно Джейн. Весь мир для тебя опустел. Но отец, к счастью для семьи, посрамил пророчества дока Уотли.

Он встал на ноги и, "слегка похудевший, но все еще в форме", как заметил редактор еженедельной "Мейл и курьер", сам принялся за работу, а ты отправился учиться на второй курс колледжа.

В этот год произошло событие, сделавшее тебя известной персоной. Ты так и не понял значения того эпизода, тем более что уж слишком он противоречил твоей застенчивости и неуверенности. Что произошло бы в твоей жизни, если бы в годы обучения в колледже миссис Моран не стирала тебе белье и не посылала бы два раза в неделю забирать его свою маленькую дочку Миллисент? Ты обратил на нее внимание не сразу, но постепенно стал сознавать, что этот бледный ребенок имеет дело с твоей одеждой. Почему возникло чувство неловкости, невозможно объяснить и трудно себе представить, ведь ей было десять лет, то есть ровно вдвое меньше, чем тебе. Едва грамотная, с мертвенным, анемичным лицом, она невозмутимо и сосредоточенно заворачивала твои грязные рубашки. Было какое-то ужасающее знание в том, как она это делала, совершенно бесстрастная, и вместе с тем в ее поведении чувствовалось глубокое, непостижимое бесстыдство. Ты испытывал только одно: необъяснимый дискомфорт, ерзал на стуле, не в силах усидеть на месте, поспешно вскакивал и предупредительно открывал перед ней дверь.

- Я верну белье в пятницу, - говорила Миллисент.

Месяца через три случилось так, что, когда она пришла, у тебя в комнате собрались друзья из колледжа. К этому времени ты приобрел привычку покупать для нее конфеты. В тот день ты не захотел угощать ее в присутствии друзей, и каким-то образом она сумела показать, что разделяет твое чувство.

Когда она ушла, кто-то из ребят пожалел, что такой худенькой малышке приходится таскать тяжелые свертки с бельем.

- А, вы имеете в виду эту маленькую шлюху! - сказал Дик Карр, по прозвищу Мул. - Нечего о ней беспокоиться. Она пойдет по скверной дорожке.

Двое или трое моих одноклассников стали защищать невинного ребенка. Никто не замечал дрожь твоего негодования.

- Все вы безмозглые идиоты! - Мул сплюнул табачную жижу. - Раньше она приходила за моим бельем, но я сменил ее на Чинка. Честное слово, я ее боялся. Черт возьми, Билл, она может тебя соблазнить!

Сам того не желая, ты вскочил на ноги и бросился к нему:

- Карр, ты мерзкая скотина!

Сами по себе слова были не так уж грубы и часто употреблялись между друзьями, но мой тон и угрожающая поза заставили всех раскрыть рты от изумления.

Мул, закаленный хавбек, которому смешно было доказывать свое превосходство надо мной, продемонстрировал ленивое удивление, явно смешанное с презрением, но нисколько не оскорбился:

- Господи, уж не собираешься ли ты с ней переспать?

А, Билл?

Ослепленный гневом, ты влепил ему пощечину. Он взвился на стуле, но десяток рук сдержали его. И тут вступила в права старая добрая традиция времен Дикого Запада. Со всей церемонной вежливостью, предписанной традицией, секунданты определили время и место вашего поединка. Никого особенно не волновал его исход, так как полагалось бесспорным, что первым же ударом Мул собьет тебя с ног и станет наблюдать, как ты истекаешь кровью.

Позднее никто не мог в подробностях описать эту стычку. Верно то, что Мул ударил первым и у тебя сразу хлынула кровь из носа, но долго еще, ослепший от вздувшихся на лице кровоподтеков, ты продолжал тыкать рассеченными в кровь кулаками в маячившую перед тобой огромную фигуру, которая должна была быть уничтожена прежде, чем твои ребра оторвутся от позвоночника и ты потеряешь сознание. Ты не испытал ни слабости, ни боли, хотя до поединка только об этом и думал. Наверное, Мулу ничего не стоило сразу покончить с тобой, но, казалось, ему это было противно, возможно, до него наконец дошло, что на самом деле ему противостоит не твое истекающее кровью тело, а нечто иное, бесплотное. Бить тебя больше не имело смысла.

Наконец тебя избавили от борьбы и унижения. Мул остался на месте, утирая лицо носовым платком и тяжело дыша. Тебя почти внесли в комнату, где ты окончательно обессилел. В ту ночь, слишком измученный, чтобы двигаться, ты бессмысленно смотрел, как твои восхищенные посетители поедали конфеты, купленные для маленькой Миллисент.

Костлявый Портер, который теперь работает здесь, в Нью-Йорке, статистиком в страховой компании, сообщил, что поединок длился восемнадцать минут, но за несколько месяцев легендарные слухи превратили их в целый час. Во всяком случае, еще никто не мог продержаться в схватке с Мулом хоть сколько-нибудь значительное время, и ты прославился. Пришлось проваляться в постели с неделю, но на третий день тебя навестил сам Мул.

- Ах ты, Билл, старый негодяй! - нежно сказал он.

Вскоре по его же просьбе ты стал называть его Диком и таким образом стал заметной личностью не только потому, что дрался с самим Мулом, а потому, что он выбрал именно тебя на роль самого близкого друга. Теперь уже не узнаешь, существовала ли тогда между вами настоящая привязанность. Насколько можно судить за давностью лет, тебе это давало возможность при случае глупо и самодовольно ухмыляться. Дик был самым прославленным атлетом года, всеобщим любимцем, снискавшим любовь Засушенной Сливы. Сказочно богатый, на вечеринках он размахивал сотенными банкнотами и щедро тратил их, ничем не оскорбляя своих однокашников.

Весь весенний семестр вы были неразлучны, и в июне, уезжая на каникулы домой, ты обещал приехать к нему летом. Дома было скучно. Джейн уехала в Европу, стремясь приобщиться к старой культуре. Ларри, Маргарет и Роза были еще сопливыми малышами; мать и отец воспринимались как естественные содержатели.

Не то чтобы тогда это четко отмечалось сознанием, но в то время еще считалось, что ты будешь учиться в фармацевтическом колледже. И ты без всякого отвращения размышлял о спокойной и надежной карьере владельца самой крупной аптеки в быстро растущем Огайо. И не пытался искать другого пути. Кроме того, эти первые недели лета ты жил в ожидании поездки к Дикю Карру в Кливленд. А в твоей записной книжке вот уже год хранился кливлендский адрес миссис Дэвис.

Но не успел ты и сутки пробыть в Кливленде, как миссис Дэвис была забыта окончательно и бесповоротно.

В день приезда, когда Дик представил тебя своей сестре Эрме, ты так оробел, что у тебя затряслись губы и руки! Да, ты всегда трепетал перед Эрмой Карр, черт ее побери! Может, отчасти потому, что они жили в фешенебельном доме со множеством легковых автомашин, сверкающих фонтанов, стальных шкафов для одежды из дорогого душистого кедра? Возможно, но бог видит, что и самой Эрмы было достаточно. Сейчас ты вспоминаешь, как в тот первый день тебя оскорбляла ее холодность и самоуверенность. Но, невероятно скованный и застенчивый, ты был полностью околдован ею.

К концу третьей недели пребывания у Карров она предложила жениться на ней. Да, черт побери, она сделала это и предоставила тебе самому решать этот вопрос. Сколько раз ты ломал голову над загадкой, почему вдруг Эрма избрала тебя. Фламинго иногда бросается на мелкую рыбешку, предпочитая ей всех остальных. Ну не смешно ли, что вот уже больше двадцати лет ты бьешься над разрешением этого волнующего вопроса!

Да, в своем роде ты был очень привлекательный юноша, с большими кроткими карими глазами, немного угловатый, с густыми выющимися волосами и отнюдь не глупым выражением тонких черт худощавого лица. У тебя была, да так и осталась, легкая непринужденная походка. В первые же минуты встречи Эрма сказала, что у тебя очень красивая походка. Но все это не отвечает на вопрос. Что ее привлекло, так это, вероятно, твоя застенчивость - застенчивость оленя, который, не решаясь сбросить свои роскошные рога, побаивается носить их гордо и открыто.

В тот день вы с Эрмой поехали в машине покататься к озеру, и в ваше отсутствие пришла телеграмма: "Отец серьезно заболел, немедленно возвращайтесь. Уотли".

Торопливо запихивая вещи в чемодан под сочувствующими взглядами Эрмы и Дика, ты вдруг с ужасом вспомнил, что Джейн еще в Европе. Наконец после полуночи ты добрался до дома, но отец уже умер; фактически он скончался в момент отправления телеграммы.

Встреча с матерью оказалась более тяжелым испытанием, нежели утрата отца: она вдруг с негодованием выплеснула на тебя тысячу неожиданных упреков. Мать жестоко и несправедливо обвиняла тебя. Всем своим видом она словно говорила: "Ты не тот человек, чтобы управлять семейным кораблем". Ларри, который даже тогда был гораздо решительнее и увереннее тебя, предложил союз, но ты снова проявил малодушие. И в результате власти мужчин в этом доме пришел конец.

Появление Джейн напоминало возвращение Наполеона с Эльбы. Мать успокоенно удалилась в свои туманные мечты и с того дня заметно поблекла. Маргарет и Роза заключили временное перемирие, а Ларри ушел в себя. С невероятной чуткостью Джейн определила трудности твоего положения, и с того момента твое восхищение ею значительно возросло.

Тебе не обязательно прямо сейчас решать, стоит ли связывать себя аптечным бизнесом. Прежде всего ты обязан закончить колледж. Пару лет я смогу сама управлять аптекой. Она стала приносить больше дохода. Пожалуйста, Билл, просто заканчивай учебу. Для некоторых людей это не имеет такого значения, как для тебя.

В письме на бумаге с гербом Карров, которое ты отправил Джейн из Кливленда, ты очень много рассказывал об Эрме. Джейн с интересом расспрашивала тебя о ней, а ты ни словом не обмолвился о вашей помолвке.

Ты был уверен, что твое место за стойкой аптеки, и настоящая правда заключалась в том - вот еще один из твоих излюбленных зигзагов, - что ты смирился с тем, что тебя лишили замечательного занятия! Джейн просто и легко занялась всеми делами, как будто ей предстояла обычная прогулка, а ты упаковал вещи и отправился доучиваться.

Тебе не дано было тогда понять, что той мощной силой, которая непреодолимо тянула тебя вернуться, было желание услышать, как стучит в дверь маленькая Миллисент! Это понимание ничего не изменило ни в прошедших и потерянных годах, ни в твоих теперешних терзаниях; и хотя в это совершенно невозможно поверить, но ты и сейчас веришь, что именно она неотвратимо притягивала тебя.

В то время ты мечтал лишь об одном. Приняв великодушное предложение Джейн и покоровшись необходимости отложить выполнение своих семейных обязанностей, ты намеревался стать писателем. Твои стихи уже были опубликованы в местном еженедельном журнале, и на втором курсе колледжа ты участвовал в выпуске студенческой газеты. Известные писатели женятся на самых богатых и красивых женщинах. И даже отказываются от женитьбы, потому что их дело важнее! Даже если со временем вы с Эрмой поженитесь (хотя для нее эпизод в Кливленде мог быть обычным летним увлечением), успех к тебе как к писателю мог прийти не так скоро. Тебе исполнился двадцать один год, ей шел двадцать третий. В год можно легко писать по книге. К тому времени как ты напишешь восемь книг (из них может оказаться удачными лишь половина), ей будет тридцать один, а тебе двадцать девять. И все будет в порядке, если к тому времени ты не обнаружишь, что ваш брак был ошибкой.

В ту зиму, написав два-три рассказа, ты как-то прочел один из них Миллисент, с которой был уже связан странной, болезненной связью. И все же ты трогательно предпочитал называть ее Миллисент, хотя ей это не нравилось; Милли она тоже отвергала, тогда ты назвал ее Мил, вот на это имя она всегда с готовностью отзывалась. Когда ты читал ей свой рассказ, она сидела с видом матери, снисходительно наблюдающей, как ее малыш забавляется глупой игрой, и потом сказала:

- Мне он понравился, но я бы, пожалуй...

Она никогда не была многословной.

Перенесемся через два года к очередному важному и судьбоносному случаю твоей нерешительности. Ты сидишь с Диком Карром в кафе на Шериф-стрит в Кливленде после игры в футбол и продолжаешь спор, который длится вот уже почти месяц.

- Не понимаю, Билл, как ты этого не видишь. И дураку ясно, что это нужно сделать.

- Это значит, что мне придется отказаться от сочинительства, - в сотый раз возражал ты.

Два рассказа уже были опубликованы в одном чикагском журнале. Целыми днями ты любовался заголовком одного из них, когда он появился в печати, положил журнал раскрытым на этой странице, чтобы видеть ее во время одевания, и до сих пор перед тобой встает этот заголовок, набранный крупным шрифтом:

"ТАНЕЦ НА ЛЕНИВОЙ У"

Уильям Бартон Сидни

- Черт, да пойми ты, эта игра не стоит свеч. Думаю, ты действительно можешь стать писателем, но это ничего не значит. Если ты пишешь ради денег, то больших денег ты не заработаешь, а если не ради денег, то вообще какого черта? Так или иначе, я прошу тебя об этом больше ради себя самого, чем ради тебя. Мне уже исполнился двадцать один год, и я собираюсь работать на Перл-стрит, но мне хотелось бы, чтобы мы работали вместе. Если бы папа не умер, когда я был еще ребенком, наверное, сейчас я бы учился в Йельском колледже и играл бы себе в поло, но не получилось. Понимаешь, я вижу, где идет настоящая драка, и намерен в ней участвовать.

- Разве есть необходимость так уж напрягаться, когда у тебя пять миллионов долларов?

- Успокойся, придется. Старый Лейтон вчера сказал мне, что вот уже два года, как дела банка идут все хуже и в дело требуется влить свежую молодую кровь. Сейчас я, конечно, ничего не смыслю, но скоро вникну в дело и оживлю его. Через год начнется потеха, когда пух полетит с этих старых воробьев! Я хочу, чтобы и ты, Билл, был со мной. Там может начаться настоящая схватка, но это нормально. Я должен знать, что и ты не против побороться.

О, вот оно! Дик больше тебя гордился легендой о Храбром Билле в Вестоувере, возможно, у него были для этого основания. Твое молчание побудило его пуститься в дальнейшие подробности:

- Положение таково, что половина акций принадлежит мне, а вторая половина - Эрме. Она охотно предоставляет мне заниматься бизнесом при условии, что будет получать свои дивиденды. На следующей неделе состоится собрание, на котором меня изберут в правление и назначат президентом компании. Я намерен все дело забрать в свои руки. Большую часть зимы я проведу на заводе в Карртоне, а тем временем ты как следует ознакомишься с делом здесь, в офисе. Сначала будешь получать любую сумму в пределах разумного - скажем, пять тысяч в год. А позднее можешь занять в компании любую должность, кроме моей. Можешь быть уверен, что, если придется, я всегда тебя поддержу.

Дику уже тогда была свойственна энергичная, решительная манера говорить, какой и сейчас отличается сорокалетний директор Ричард М. Карр. Уже тогда он упомянул про "пределы разумного" - но это не упрек, - его предложение было великодушным и щедрым. Для тебя тогда и сто долларов в неделю означали богатство и роскошь. Следовало или немедленно принять это предложение, или сказать: "Лучше положи мне для начала две тысячи, хотя с первых шагов я и этого не стою. Когда стану стоить больше, соответственно буду и получать". Или отказаться: "Нет, Дик, я знаю, что мое призвание - литература, и хочу стать писателем, но, ради бога, не забывай обо мне, потому что мне, быть может, придется голодать". Или тебе стоило... Да что там говорить! Эти пять тысяч заманили тебя ступить еще на один ненадежный мостик!

Но ни один из мостов на самом деле не провалился - до сих пор, до этого самого момента.

Это было в стиле Эрмы - больше никогда не вспоминать ту сцену в саду. Ты предпочитал об этом не задумываться. Во время своей первой поездки в Европу она, видимо, подумывала со временем взять тебя в мужья, а может, и нет. Долго тебя мучило любопытство, хотелось посмотреть на ее невероятного мужа, которого она подцепила где-то на пляже, недалеко от Марселя. В ту зиму, которую молодые супруги провели в Нью-Йорке, ты еще жил в Кливленде.

Женился бы ты на Эрме или нет ввиду предстоящего призыва в армию? Казначей "Карр корпорейшн" - одной из самых крупных металлургических компаний страны, безусловно, ты был бы освобожден от воинской повинности; и вместе с тем нужно признать тот факт, что, несмотря на это, мысль пойти в армию тебя соблазняла. Для казначея "Карр корпорейшн", живущего только на зарплату, было заманчивым жениться на пятидесяти процентах его акций.

Ты был настроен не придавать значения прелести и очарованию самой Эрмы, и все же она была поразительно хороша в то декабрьское утро, когда появилась в твоём нью-йоркском кабинете. Как всегда, без шляпы, и легкие золотистые волосы живописно обрамляли ее раздумавшееся лицо. Вы не виделись почти три года.

- А вот и я! Ну разве это не глупо?! Вернуться из Прованса в это время года! Должно быть, я старею - мысль о предстоящем Рождестве заставила меня вернуться. В прошлом году в Тунисе было ужасно - у Пьера пошла по всему телу какая-то сыпь, он ничего не мог есть, кроме сыра. Жалко, что Дик в отъезде - мне только что сказали. Как тебе нравится работать в Нью-Йорке? Господи, да ты потрясающе выглядишь! Такой элегантный!

Ты, конечно, так и не увидел бесподобного Пьера, потому что предыдущей весной он скончался где-то на Средиземном море. В редких письмах Эрмы, которые Дик обычно давал тебе

прочсть, она никогда не касалась подробностей. Однажды за ленчем Дик передал тебе ее письмо и, когда ты закончил его читать, с усмешкой сказал:

- И почему же вы с сестренкой не закончили то дельце, которое когда-то затеяли в Кливленде? Вот так! А ты и не подозревал, что Дика известят о вашей помолвке.

Теперь стало очевидно, что Эрма все-таки решила закончить то "маленькое дельце". Прошла лишь одна неделя ее пребывания в Нью-Йорке, когда она сказала тебе, что "по горло сыта дамским обществом"; может, так оно и было, и все-таки это не объясняло, почему она снова выбрала тебя. На этот раз ты был смелее, чем в Кливленде, и в то утро за завтраком ты напрямик спросил ее об этом.

- Понятия не имею, - беззаботно ответила она. - Не хочешь ли ты сказать, что считаешь себя недостойным меня?

- Я серьезно тебя спрашиваю, - сказал ты.

- Вот как! А ты спроси у цветка, почему он раскрывает свои лепестки для пчелы, или у семги, почему она проплывает тысячу миль, чтобы метать икру именно в данной реке. Если она прилично воспитана, она ответит тебе, но правдой это не будет.

- Такие отговорки меня не устраивают. Я действительно не могу себе представить, почему ты выбрала в мужья именно меня.

Этого было достаточно, чтобы вызвать ее раздражение, и ничего удивительного: ты выглядел настоящим дураком. Чтобы положить конец спору, она взяла дело в свои руки, и на следующую осень наступила кульминация того, что газеты называли "юношеским романом".

Дело было улажено, тебе не пришлось принимать никаких решений. Звучит нелепо, но так оно и было. Ты никогда не давал своего согласия жениться на Эрме и не предпринимал никаких шагов, чтобы жениться на ней. Это было еще хуже, чем просто робость, это был поступок слабоумного дебила.

Если при такой позиции ты подсознательно нащупывал прочную основу в том нереальном мире, в котором существовал, ты ничего не выиграл, а только нажил себе проблемы и переживания. И по сегодняшний день акции Эрмы остались у нее, и сегодня вечером или завтра (о да, будет и завтра!), а ты пожизненно будешь казначеем с зарплатой в сорок тысяч. Эрма платит шестьдесят тысяч ренты за жилище, которое вы с ней называете домом. В год ты откладываешь по двадцать тысяч.

Все шесть автомобилей, стоявшие в гараже, куплены Эрмой, хотя есть еще один, о котором ей не известно.

Господи, сейчас у тебя в заглашнике двести пятьдесят тысяч! Эрма платит слугам, коих число пятнадцать, не считая слуг в загородном доме. В прошлом году ее дивиденды... О, черт! Только начни эти подсчеты и никогда не закончишь. На самом деле тебе наплевать на деньги. Доказать это будет трудно, но это чистая правда.

Был еще один момент, когда ты мог, как выражается Дик, взять дело в свои руки. Еще один раз... в тот вечер около года назад... тогда еще было не слишком поздно... Но здесь кроется столько горечи, что, когда ты об этом думаешь, ты стараешься делать это с максимальной осторожностью и отстраненностью, иначе ты рискуешь потерять своего единственного и последнего друга, а с ним и рассудок.

Таков приблизительный портрет человека, который намеревается претворить в жизнь отчаянный и безнадежный план. Что ты делаешь, совершая еще один шаг в последней попытке произвести впечатление на самого себя? Она этому не верит, а она знает тебя гораздо лучше, чем ты сам. Вчера ночью она сказала:

- В общем-то я побаиваюсь, но не того, что ты вот так обидишь меня. Назови это презрением, все равно.

В тебе нет ничего, что поставило бы тебя вровень с остальными людьми. Не спрашивай меня снова, что нам делать дальше, мы ведь не два колеса в одной тележке.

Мы были созданы для того, чем с тобой занимались, но я была собой, а ты - собой. И сейчас ничего не изменится, сколько бы ты ни говорил. Ты знаешь, я всегда тебе лгала и буду лгать. И тебе нужна от меня вовсе не моя правдивость и честность.

Ты впервые слышал, чтобы она так долго говорила.

Когда в конце этой речи она выразительно приподняла руку, а выражение ее глаз, полускрытое веками, смягчилось, ты отпрянул назад, словно испугавшись собственных угроз. Рука ее упала, и она терпеливо и успокаивающе улыбнулась:

- Возвращайся завтра вечером.

В

Не достигнув и середины первого пролета лестницы, он остановился и прислушался. Внизу с шумом захлопнулась входная дверь. Это миссис Джордан выставила наружу бутылки для молока. Он едва не окликнул ее. В ответ она спросила бы, что ему нужно, таким тоном, что расхотелось о чем-либо ее просить.

Он вытянул правую руку из кармана пальто и схватился за перила; когда он выпустил из нее пистолет, его рукоятка была теплой от его пальцев. В мозгу у него непрерывно раздавался назойливый гул.

2

А собственно, чего ты ожидал достичь? Одна из твоих излюбленных и четко сформулированных идей - это бесполезность всего, что мы можем сделать для других людей. Имеет значение только то, что делается для нас, особенно то, что мы сами для себя делаем. Конечно, наши собственные поступки чаще всего отзываются рикошетом, но это не относится к тому фатальному поступку, который ты сейчас замыслишь. Не сомневаясь, что сможешь его исполнить.

Вся бесполезность советов Джейн, например, происходила не из твоего сопротивления или демонстрации независимости. Бесполезность была в самом материале, с которым ей приходилось иметь дело. Вопрос о мотивах здесь и не заходил. Какие бы соображения ею ни двигали, они были совершенно бесполезными в том, что касалось тебя.

Дело в том, что для тебя она была женщиной. Да, женщиной, несмотря на традиционное отношение к этому вопросу общества, впервые открывшееся тебе в тот день, когда какой-то рыжий мальчишка (чье имя ты давно забыл) дразнил тебя за то, что ты прячешься за юбку сестры. И потом постоянно орал через улицу, пока не возмутились соседи: "Он сосет молоко у своей сестры!"

Он сосет молоко у своей сестры!"

Ну и пусть ты действительно прятался за ее юбкой.

Разве это хуже, чем быть привязанным к роскошной ночной рубашке Эрмы, приобретенной на рю де ля Пэ, или быть прикованным сталью к черной непроницаемой броне женщины, живущей здесь, наверху? Ба! Конечно, каждый хоть раз в жизни думает об инцесте, только не смеет в этом признаться. Отвращение к проявлениям инцеста заложено в людях физиологически, но кто говорит о физиологии? Только не ты. Ты не виноват в том, что тебе снилось, когда ты был ребенком или мальчиком, но ты знаешь, о чем ты думаешь, став мужчиной, когда говоришь, что

Джейн была для тебя женщиной. Ты имеешь в виду то ощущение надежности и покоя, которое испытывал в те редкие блаженные часы довольства жизнью, ту замечательную уверенность, которая приходила от прикосновения ее руки и от звука ее голоса. Эти чувства ничего не стоит истолковать таким образом, чтобы намарать о них дешевый роман того сорта, что продаются в любой подворотне.

Но ты никогда не был благодарен ей за это, и вся исходящая от нее благодать не принесла тебе пользы. В тот раз, когда, приняв предложение Дика, ты приехал в Кливленд забирать свои вещи, Джейн вместе с остальными членами семьи молча выслушивала грандиозные планы, о которых ты разглагольствовал с преувеличенным энтузиазмом. В тот вечер она усадила тебя за стол на место, раньше принадлежавшее отцу, и ты обратил внимание, что мать восприняла это спокойно, даже с удовольствием, только потому, что так решила Джейн.

На следующее утро Джейн застала тебя за укладкой чемодана.

- Билл, боюсь, ты решился на это, потому что должен помогать семье. Но ты не должен, правда не должен. Торговля идет гораздо лучше, и мне действительно нравится это дело. Тебе нужно сходить в аптеку и посмотреть на все мои новшества. Увидишь, фонтан просто прелесть. Мне всего лишь двадцать пять лет, и, пожалуйста, не думай, что я собираюсь здесь состариться.

Если дела пойдут так и дальше, через несколько лет мы сможем продать магазин с большой выгодой.

Ты бы ни за что не признался в настоящих причинах своего решения и сделал вид, что оскорблен:

- Господи, может, ты думаешь, что я нанялся чистить улицы! Это настоящее дело, Джейн. Пять тысяч в год для такого юнца, как я, - это тебе не кот начихал!

- Дело в том, что это не для тебя. Я очень рада и горжусь, что тебе сделали такое предложение; представляю, как эта новость поразит всех ребят в городе. Но я так же горжусь тем твоим вторым рассказом. Он кажется мне очень удачным.

Ты зарделся от похвалы, но возразил:

- Я написал уже около двадцати рассказов, и большинство их ужасно.

- Я имею в виду тот второй опубликованный рассказ. Билл, не давай им проглотить себя! Может, ты думаешь, что я уговариваю тебя, потому что сама хочу заниматься магазином. Но это не так. Если бы ты был старше меня, может, все пошло бы по-другому. Магазин может вполне прилично содержать всех нас. Что, если ты не добьешься успеха за два-три года или даже за пять?

Все было бесполезно! У тебя в кармане лежали пятьсот долларов, которые Дик выдал в качестве аванса, таких денег ты еще не видел. Большая часть этой суммы ушла на уплату старых долгов, о которых не знала даже Джейн.

Она сделала еще одну попытку отговорить тебя от деловой карьеры через четыре года, когда магазин был продан и ты приехал помочь "снять с крючка простака", как сама выразилась в письме. На самом деле тебе пришлось только подписать несколько документов; Джейн блестяще провернула эту сделку. Она была в полном расцвете сил, сияющая и уверенная, и, хотя ее собственное будущее рисовалось совершенно неопределенно, она не испытывала ни малейших сомнений.

- Я еду в Нью-Йорк и забираю с собой Розу и Маргарет. Мама хочет остаться здесь с тетей Корой. Благодаря твоей щедрой помощи Ларри сможет со следующего месяца ходить в колледж и ни о чем не беспокоиться.

Вот так, ясно и четко. В ту ночь у вас с Джейн состоялся очень долгий и самый откровенный разговор за всю вашу жизнь. Ты признался ей в своих сожалениях, и она взывала к тебе со слезами на своих прекрасных глазах. Тебе невероятно хотелось сказать: "Возьми меня с собой в Нью-Йорк."

Давай будем жить вместе. Во всем мире только ты одна что-то значишь для меня. Я буду писать или найду еще какую-нибудь работу. Может, когда-нибудь ты сможешь мной гордиться".

А почему бы нет? "Привязанный к переднику своей сестры". Нет, не совсем так. Тебя одновременно и тянуло к ней, и что-то отталкивало. Дно этой соблазнительной уютной гавани было усеяно опасными подводными камнями. Может, за всем ее так-том, компетентностью и замечательной силой тебе виделось властолюбие, которое со временем сделает тебя жалким и нерешительным рабом ее воли и сострадания. Или это было какое-то простое чувство, из тех, которые так трудно облечь в слова.

Ее попытка оказалась бесполезной. Когда на следующий день ты уезжал в Кливленд, все, кроме Ларри, плакали; этот отъезд не был похож на предыдущие; он означал начало конца вашего дома и семьи.

В этом смысле еще более бесполезными оказались твои собственные попытки помочь Ларри. Конечно, в таких внешних моментах, как место в жизни, его кратковременные приятели и интеллектуальные интересы, эти попытки оказывали на него некоторое воздействие.

Однажды Ларри даже охотно последовал твоему совету в выборе костюма, а быть ближе к человеку, чем его одежда, невозможно. Но в менее существенных вопросах твоя личность не оставила в нем ни следа.

Как поразительно, что он иначе, чем ты, перешел от сумрака колледжа к яркому дню самостоятельной жизни! Он примчался с запада в Нью-Йорк, как теленок, доверчиво и требовательно толкающий мать в живот в поисках молока. Прошло около недели после того, как Эрма вернулась из Европы, потеряв своего бесподобного Пьера, и мы только что встретились с ней за ленчем.

Ларри был приятно поражен роскошной обстановкой офиса, но вовсе не испытывал благоговейного восторга. Почти сразу же он заявил, что ни разу должным образом не поблагодарил тебя за то, что ты дал ему возможность закончить колледж, но невероятно благодарен тебе и что возместит все добром, как только сможет, как страшно он рад, что все уже позади.

- В основном вся эта учеба ерунда. На самом деле никто не знает того, что преподает, за исключением футбола. Я рад, что закончил колледж. Ты уже решил, с чего мне начать разносить на части это здание?

Он предоставил решать все тебе. А ты этому радовался, не подозревая, что при юношеской энергии, бьющей фонтаном, его просто не интересовали подробности устройства. Кроме того, все было уже решено. Дик проявил исключительное благородство и отнесся к Ларри благожелательно и сердечно, как если бы он был его младшим братом.

Полгода Ларри проработал на заводе в Огайо, еще шесть месяцев провел в мичиганских рудниках, потом несколько недель в Нью-Йорке, а затем его работу прервала война.

Письма Ларри и Джейн были той единственной живой связью с конечными потребителями несущих смерть стальных игрушек, поставка которых приносила Эрме по шесть тысяч долларов в день. Как казначей корпорации, ты имел возможность наблюдать за сумасшедшим приростом бессовестных доходов с подходящим случаю ироническим восхищением. Но, как цензор, ты считал, что рассказы Ларри из окопов послужили бы великолепным фронтисписом для толстеющих на глазах гроссбухов, которые каждый вечер запирались за массивными стальными дверьми в подвалах Бродвея.

Вернувшись с войны капитаном с множеством наград, Ларри как ни в чем не бывало уселся за свой рабочий стол. В глазах его читался вопрос, которого не было прежде, но он предоставлял тебе самому догадываться о его смысле. Смотрел ли он так на Джейн? Но что ты знал об отношениях Ларри и Джейн?

Еще очень молодым, он завоевал себе на фирме прочное положение, так как хорошо знал цену своим способностям и энергии. Но в течение многих месяцев, незаметно слагающихся в годы, ты почувствовал в отношении его некое загадочное смущение. Тебя мучила природа этой неловкости, ты пытался понять, почему тебе так тревожно, не подозревая, что его успехи в работе оправдывали твое согласие на деловую карьеру у Дика.

Взрыв произошел в неожиданно трудный момент. Незадолго до этого Ларри удалось с поразительным успехом завершить переговоры о поставках металлоконструкций для сооружения Кумберлендского моста в Мэриленде. Ты слышал, как Дик предложил ему значительное вознаграждение, гораздо больше тех премий, которые когда-либо получал ты. Трудность же момента заключалась в том, что накануне вечером Эрма впервые обнажила свои прелестные зубки, показав себя с совершенно новой, крайне неприличной стороны. В результате на следующий день захотелось посидеть за ленчем в одиночестве, и настойчивое желание Ларри составить тебе компанию было неприятно. Когда сразу после того, как вы заняли обычное место за угловым столиком в клубе, он объявил, что хочет уйти из "Карр корпорейшн", ты испытал лишь легкое раздражение, как если бы он сообщил, что намерен бросить в твою тарелку с супом муху.

- Ты, конечно, не серьезно, что это за шутки?

- Я не шучу. Я намерен уволиться.

- Господи, да ты с ума сошел! Что с тобой стряслось?

Что ты надумал?

Ларри отпил глоток воды и развернул салфетку, явно испытывая замешательство:

- Труднее всего, Билл, объяснить тебе, почему я принял такое решение. Ты был ко мне так добр, и с твоей точки зрения это выглядит каким-то безумием. Боюсь, я не смогу как следует все объяснить. Только эта жизнь не для меня. Бизнес - это не то, чем мне хотелось бы заниматься. Найду себе еще какое-то занятие - в наше время все ищут свою дорогу, - но эта колея явно не для меня.

- Ты должен был понять это еще семь лет назад, прежде чем мы с Диком позаботились о тебе, дали возможность...

- Я понимаю и ценю все, что вы для меня сделали.

Но я только недавно все осознал. И при этом не думаю, что в долгу у компании. Если бы я только мог рассказать тебе, Билл, что я чувствую, думаю, ты понял бы меня. У тебя настоящий дар понимания людей.

Он продолжал свои объяснения, которые, по сути, ничего не объясняли, впрочем, ты едва его слушал. Тебя охватила злость и чуть ли не ужас, природу которых сейчас ты понимаешь гораздо лучше, чем в тот момент.

И неудивительно: ситуация и в самом деле складывалась незаурядная; для тебя его решение имело важный и трагический смысл. Оно означало, что Ларри с отвращением выплюнул то, что ты без особого труда проглатывал и переваривал. По сути, его поступок означал именно это, и тебя охватила настоящая паника. Ты всегда считал себя более тонкой натурой, слишком утонченной, чтобы комфортно чувствовать в этом логове гиен, но Ларри! Думать об этом было невыносимо.

Он сидел напротив и, несмотря на все выражения благодарности, сожаления и твою смущенную озабоченность, выглядел совершенно невозмутимым и непоколебимым. Ты с усмешкой спросил его:

- И что же ты собираешься делать?

- Не знаю. Благодаря вашей с Диком щедрости у меня есть приличные сбережения, так что, может, куплю ранчо Мартина в Айдахо, куда я ездил прошлым летом.

Он его дешево продает.

- Будешь разводить скот?

- Возможно. Или найду себе работу в лесничестве.

Пока не знаю.

Видимо, он не сегодня это задумал.

В тот же вечер он пошел навестить Джейн в ее доме на Десятой улице, где всегда, даже в присутствии хозяйки, чувствовал себя неловко, как свинья на шелковой подушке. Тебя постоянно возмущало это ощущение, и ты пытался его перебороть. Какого черта, убеждал ты себя, ты ведь не безграмотный невежда; ты читал Нормана Дугласа и Литтона Стречи, посещал концерты Международного союза композиторов. Но в этом интеллектуальном море на Десятой улице ты плывал с трудом, чаще оставаясь на берегу, потому что они с самого начала заплывали на слишком большую глубину; ты прислушивался к их жаргону со смущенным презрением и ненавидел Джейн, когда она принималась объяснять тебе, кто такой Павлов. Твои визиты становились все более редкими.

И в тот вечер ты ожидал застать у нее обычное общество, мужа Джейн (если он не читал где-нибудь лекции бог знает о чем), пару писателей, по меньшей мере одну начинающую актрису и разных радикалов, сотрясающих гостиные своими ожесточенными спорами. Ты собирался отвести Джейн в уголок и убедить ее, чтобы она привела Ларри в чувство. Но застал комнаты на первом этаже погруженными в темноту и поспешил подняться наверх, не обращая внимания на неуверенные протесты горничной. В комнате ты нашел только сестру и Ларри.

Ларри так вздрогнул при твоём появлении, как будто ты застал его копошащимся в твоём столе. Джейн, казалось, просто обрадовалась тебе:

- Билл! Ну вот, теперь почти вся семья в сборе.

За прошедшие шесть часов ты немного успокоился, к тому же еще не подозревал о глубине нанесенной тебе раны; поэтому подошел взглянуть на младенца Джейн, произнеся подобоающие случаю похвалы, после чего все спустились вниз, и только тогда ты заметил:

- Полагаю, Ларри сказал тебе, что решил начать новую жизнь.

- Да, конечно.

- Мы только что об этом говорили, - сказал Ларри. - Джейн считает, что это правильно.

- Значит, это настоящий заговор.

- Но не преступный же. - Джейн подошла и, усевшись на подлокотник твоего кресла, положила руку на твою. - Не сердись, Билл, милый.

- Если бы я сердился, все было бы иначе. Я только считаю это безумным и даже непорядочным поступком.

После всего, что я сделал...

- А что ты сделал?! - едва не взорвался Ларри, но тут же сменил тон:

- Я не то хотел сказать. Ты можешь подумать, что я подвел тебя. Но боже, я не так уж важен для компании. У вас там десятки таких же работников.

- У нас вовсе нет десятков работников, которые обладают такими же способностями и перед которыми открывается такое же блестящее будущее, как перед тобой.

А кто подготовил все это и облегчил тебе карьеру? Да, я знаю, ты много работал и добился отличных успехов.

Вполне возможно, что ты окажешься гораздо полезнее меня, но не только твои качества проложили тебе путь в компании.

Ларри хотел что-то возразить, но удержался. Джейн, чья рука все еще лежала на моей, вдруг встала и приблизилась к нему:

- Ларри, уходи и дай мне поговорить с Биллом наедине. Прошу тебя, уйди.

Он ушел, бросив на ходу, что увидится со мной утром в офисе. Джейн вернулась к твоему креслу.

- Надеешься, что сумеешь погасить мое детское раздражение, - язвительно заметил ты.

- Да, - неожиданно подтвердила она, снова погладив меня по руке. - Только не знаю, насколько оно детское. Ужасно жалко!

- Что я так нерассудителен?

- Не надо так, Билл. Вопрос не в том, что кто-то поступает неразумно. Это огорчило тебя. Я так и сказала Ларри, когда он впервые об этом заговорил, и тогда же сказала, что одобряю его решение.

- Значит, это все готовилось заранее. Представляю себе, как вы с Ларри прикидывали, сумею ли я оправиться от этого удара.

Ответа не последовало. Ты поднял голову и во второй раз в жизни увидел слезы на глазах Джейн, все таких же прекрасных. Ты неловко заерзал в кресле.

- Ты единственный человек, о котором я плакала, - наконец сказала она. - Не знаю, значит ли это что-нибудь. Я переживаю о том, как что-то не так отразится на тебе, больше, чем на мне, не говоря уже об остальных.

Например, с Виктором я могу подолгу спорить о том, что лучше для Ларри, притом довольно ожесточенно. Но с тобой это невозможно, потому что для тебя имеет значение только то, что Ларри собирается уходить, и это причиняет тебе боль. Думаю, я до тонкостей понимаю все, что ты чувствуешь.

Тебе нечего было на это сказать. Ты вдруг совершенно забыл о Ларри и едва подавил порыв рассказать Джейн о ссоре с Эрмой накануне. О твоём унижительном положении на работе, даже о твоём внутреннем чувстве униженности, в котором ты сам себе избегал признаваться. Ты промолчал; сдержанность стала слишком привычной для тебя. Минутой позже в холле послышались голоса Виктора, Розы, Маргарет и других гостей.

Через месяц Ларри уехал на Запад. Если даже Джейн не смогла добиться успеха, какими же бесполезными были твои попытки изменить его!

Ты мог вечно кружиться в этой клетке. Был такой человек, парень с большими худыми руками, от которого постоянно пахло смесью одеколона с потом. Это произошло в Кливленде много лет назад. Когда ты узнал, что через неделю он покончил с собой, ты был так потрясен, испытывал такие угрызения совести, что не спал две ночи. Это было твоей юношеской самонадеянностью.

Человек пошел на самоубийство только потому, что был уволен, так или иначе, должен был потерять работу. Еще была одна девушка, маникюрша, работающая в деловом центре города. Умная и вызывающая сочувствие, ты оплатил ей учебу в бизнес-колледже, дал работу в офисе и помогал всем, чем мог. Она вышла замуж за помощника управляющего твоего офиса, а через год его арестовали и обвинили в присвоении денег компании. Исчезли тридцать тысяч долларов, за которые вы никак не могли отчитаться, но умненькая маникюрша великолепно сыграла роль обманутой и потрясенной жены. Когда же начинается это осознание тщетности наших усилий?

Едва ли не с колыбели. Вероятно, существует постепенный прогресс приобретения иммунитета с момента твоего первого вздоха до того дня, когда твое эго твердо заявляет: "Больше я не могу переносить эти раны". Есть самые различные вариации. К кому-то это приходит с первыми попытками говорить, к другим - только к моменту полного физического созревания. Это уже крайности. Например, к тебе это определенно пришло к тому времени, когда ты в первый раз пришел домой к миссис Дэвис. Тебе было лет пятнадцать, может, семнадцать.

Ты охотно посещал воскресную школу, потому что испытывал там интеллектуальное возбуждение. Мистер Снайдер, учитель, ненавидел тебя, потому что ты добивался у него ответа о

том, как вода превращается в вино, что, по твоему утверждению, невозможно сделать даже в самой современной лаборатории. Ты высказывал и множество других скептических замечаний, ссылаясь на своего отца, который, как практикующий фармацевт и химик, возмущался этим чудом с редкой для него яростью. Ты приносил в воскресную школу технические термины, заимствованные у отца, и этим приводил мистера Снайдера в состояние колодной и беспомощной ярости.

Ты всегда гордился тем, что ты довел его до того, что он покинул класс. Так или иначе, но он ушел, и его место заняла миссис Дэвис.

Ее появление положило конец свободной игре интеллекта. Пару раз ты попытался затеять с ней спор, но она просто обращала к тебе взгляд своих огромных голубых глаз и говорила, что ведь, в конце концов, Библия глаголет истину, не так ли? Но ты не перестал посещать воскресную школу, и отец был этому рад, хотя мать проявила к вопросу моей религиозности полнейшее равнодушие. Ты продолжал приходить туда и большую часть времени молча сидел, разглядывая лицо и руки миссис Дэвис. Время от времени она просила ребят что-нибудь сделать в школе, и, когда ее выбор падал на кого-то другого, ты испытывал болезненное и неприятное чувство, совершенно незнакомое тебе прежде.

Однажды в понедельник, зимой, как только закончились занятия в школе, ты оказался на ее крыльце с зонтиком, который она забыла на днях у старой миссис Пул на другом конце города. Она сама открыла тебе дверь.

- Здравствуй, Уильям. Большое тебе спасибо. - Затем, пока ты застенчиво краснел и мял в руках шапку, она добавила:

- Может, зайдешь ненадолго? Пожалуйста, развлеки меня немного. Мама уехала на неделю в Чикаго, а муж вернется еще не скоро, так что я чувствую себя одиноко и далеко не в том настроении, которое подобает доброй христианке.

До этого ты уже несколько раз перескакивал через небольшую канаву, окружающую лужайку перед ее домом, и осмеливался приблизиться к парадному входу, но никогда не был в замке своей принцессы. У тебя захватило дух от необыкновенного приключения и волнения, и ты споткнулся о край ковра в гостиной с опущенными шторами, освещенной только огнем камина.

Ты был благодарен миссис Дэвис, которая сделала вид, что не заметила неловкости; мать сразу нахмурилась бы, а Джейн заботливо спросила бы, не ушибся ли ты. Но ты растерялся, когда миссис Дэвис заметила:

- Можешь присесть здесь, на диване, и посмотреть следующий урок. - Вероятно, заметив выражение моего лица, она почти сразу добавила:

- Или хочешь просто поговорить?

Ты пробурчал: "Просто поговорить" - и сел на край дивана рядом с ней.

Она начала расспрашивать тебя, и, хотя постепенно язык у тебя достаточно развязался, чтобы выражаться целыми фразами, ты не мог взглянуть ей в лицо, очень хотел, но не смел. Ты видел ее маленькие мягкие белые руки, лежащие на коленях, и думал о ее лице, тоже нежном и белом, с энергичным и выразительным ртом, голубыми глазами, опущенными длинными темными ресницами. Сэм Бойли как-то сказал, что у нее двойной подбородок, за что его чуть не убили, правда не ты.

Миссис Дэвис спрашивала тебя, о чем ты думаешь вне школы, когда играешь с ребятами, и ты все пытался решиться и рассказать ей о стихах, которые написал о ней, когда внезапно она, приподняв за подбородок, повернула твое лицо к себе:

- Господи, почему мы не можем смотреть друг на друга? Мне очень нравится твое лицо. Оно такое выразительное и сильное. Вот видишь, мы смотрим друг на друга. - Она убрала свою руку. - Ну, продолжай.

Но ты снова потерял дар речи. Ты чуть не потерял сознание от блаженства, когда она коснулась тебя рукой.

Теперь ты уже не мог говорить о стихах. Она не стала дальше мучить тебя вопросами и достала альбом с фотографиями, сделанными во время медового месяца, который она с мужем провела в Европе, почти десять лет назад. Вы вместе переворачивали листы альбома, ваши пальцы соприкасались, и внутри у тебя все пылало и вздрагивало. Ты чувствовал себя совершенно измученным и жалким, когда она наконец поднялась с дивана и сказала, что ей пора готовить обед мужу.

По дороге домой ты с восторгом размышлял о выпавшем на твою долю поразительном приключении! Ты весь был исполнен ожиданий и не испытывал стыда, хотя в то же время чувствовал себя неопытным и слабым. Все время гадая, сколько ей может быть лет, наконец остановился на двадцати семи.

В следующий раз, приглашенный без какого-либо предлога, ты выслушивал ее рассказы о своем муже. Оказалось, что этот достойный человек все-таки обманом завлек ее в брак, скрыв от девического незнания некоторые наиболее трудные и глубокие аспекты брака. Сейчас он изо всех сил старается загладить это предательство, но ей сложно заставить себя жить в полном согласии и доверии с таким человеком. Она много говорила об этом, но ты едва ли понимал треть сказанного. Постепенно, однако, ты стал догадываться, что ее слова к чему-то ведут, но тут в дверь позвонили, и миссис Дэвис, с Библией в руке, пошла открывать. Что было очень кстати, потому что визитером оказался пастор.

Через несколько дней ты принес ей свои стихи. Она обсудила их с литературной точки зрения, и ты изменил несколько строчек. Затем она попросила прочитать их еще раз, и ты послушно исполнил ее просьбу, сидя за столом, тогда как она сидела на диване. Когда ты закончил читать, сложил лист бумаги и спрятал его в карман, она тихо позвала:

- Подойди сюда.

Ты повиновался.

- Так я тебе нравлюсь?

Ты кивнул, весь дрожа, не в силах вымолвить ни слова.

- Сядь рядом. Положи голову мне на колени, вот так.

Тебе нравится сидеть со мной рядом и держать голову у меня на коленях? Ты очень милый мальчик и почти взрослый мужчина. Верно? Почему бы тебе не притвориться совсем взрослым и поцеловать меня? Не возражаешь, если я тоже тебя поцелую? А теперь ты...

Тогда ты понял, что девчонки в школе совсем не умеют целоваться, а ты сам и вовсе не имеешь об этом понятия. Хотя надо сказать, что не особенно этим интересовался. Миссис Дэвис обвила тебя руками, и ты крепко прижался к ней; она целовала тебя в шею и в глаза; ты целовал ее в глаза, в нос, в подбородок, горло, хотя от волнения не всегда попадал в желанную точку, но цель не так важна, когда идет обстрел шрапнелью. Сейчас легко смеяться над тем неловким мальчишкой, грубоватым и неуклюжим, припавшим к неведомому источнику, но как горело и страдало тогда все твое существо.

Принимая на веру твои четкие представления о тщетности, странно, что тебя никогда не интересовала природа и глубина привязанности к тебе миссис Дэвис.

Были ли для нее отношения с тобой одним из сотен подобных эпизодов, или она говорила правду, признаваясь тебе во время вашей связи в своих чувствах? Ты даже не задумывался об этом. Ты прошел у нее полный курс сексуального обучения, который занял больше двух лет; было много моментов, когда телесное слияние доставляло тебе пронзительное наслаждение и вместе с тем ужас; и тем не менее, за исключением этих моментов, ты относился к ней так, как будто она была одной из школьных учительниц, а ваша близость - частью курса физической культуры.

Как хитро она умела устраивать ваши свидания, с каким восхитительным хладнокровием отделялась от нежелательного посетителя, а главное, с какой благородной отвагой она держала себя, когда грянул гром и все открылось!

В течение долгого времени ты был уверен, что Джейн ничего не подозревает, тем не менее ты вздрогнул, когда она как-то сказала тебе:

- Билл, ты будь поосторожнее с миссис Дэвис. В городе об этом знает любая женщина, а сейчас уже и мужчины стали поговаривать. Папа услышал, как вчера в магазине кто-то что-то сказал, но он не понял и спросил маму и собирается поговорить с тобой, как только наберется духу. Я слышала, как сегодня ночью они с мамой говорили об этом.

Ты решил прикинуться невинным простачком.

Джейн фыркнула:

- Не будь дурачком, эта история может оказаться в газетах.

И правда, могла. Или на дверях здания суда среди других объявлений. Наконец слухи достигли даже мистера Дэвиса в его нотариальной конторе, расположенной напротив вашей аптеки на другой стороне площади. Тебя пригласили зайти к мистеру Дэвису, но твой отец посоветовал не ходить. Конечно, отец допрашивал тебя с непривычной для него строгостью, но тем временем ты уже успел повидаться с миссис Дэвис и поступал именно так, как она тебе советовала, отчасти даже чуть перехлестывая. Поэтому ты отрицал все факты своего физического существования, кроме того, что родился на свет и был мужского пола. Драматическая развязка наступила во время совещания, которое происходило в доме Дэвисов. Ты пошел на него с отцом, который, как ты подозревал, в глубине души наслаждался этой историей, как красочным происшествием, способным внести разнообразие в его такую монотонную и скучную жизнь. Между отцом и мистером Дэвисом состоялся очень серьезный разговор. Несмотря на довольно сильное давление и допрос юриста, ты придерживался своих показаний и, все отрицая, отказывался входить в подробности. Миссис Дэвис присутствовала недолго, заявив:

- Уильям, мне очень жаль, что люди так решительно желают превратить жизнь в кошмар. Мистер Сидни, сожалею, что вы вовлечены во все эти проблемы, и знаю, что вы так же об этом сожалеете. Джим, когда ты закончишь с этим глупым делом, я хочу поговорить с тобой.

И она удалилась.

Миссис Дэвис или ее муж наконец сочли давление пересудов слишком сильным и уехали в Кливленд всего с одним чемоданом; их мебель отправили позже по железной дороге, с непристойными и оскорбительными надписями на контейнере. Весь город узнал об этих добрых пожеланиях, и все горячо обсуждали, кто является их автором. Особенно смеялись над одной, которая гласила: "Кровать. Кантовать осторожно, под ней может оказаться Билл!"

Отголоски этой истории докатились до следующей осени, когда состоялись выборы. Почтенный доктор Калп, который все время отважно защищал миссис Дэвис и был кандидатом в городское Управление образования, едва прошел, несмотря на свою популярность.

Внешне казалось, что все дело поставило тебя в затруднительное и смешное положение, но в кругу твоих знакомых эффект был далеко не самый плачевный.

Подростки смотрели на тебя как на опытного мужчину, и настороженное отношение матерей, чьих дочерей ты провожал на вечеринки, только подчеркивало твою славу и льстило мужскому тщеславию. Были некоторые моменты, которые остро возмущали тебя, но в целом этот опыт не причинил вреда и был вовсе не неприятным.

А самая сердцевина, твое эго, эта упрямая, бесконечно малая сущность, которая не поддается никаким дефинициям и измерениям, эго, которое одно и есть "ты"? Что, собственно, сделала миссис Дэвис? Ничего. Что сделал бы ее муж, будь он иначе создан? Застрелил бы тебя? Так советовали ему сделать самые отчаянные горлопаны нашего городка. А что сделал он?

Ничего. Что ты сделаешь наверху, если выполнишь все, что задумало твое отчаяние, а она будет лежать перед тобой, мертвая, костенеющая в своей крови? Ничего.

Ничего... ничего...

С

Что, если миссис Джордан слышала, как он вошел?

Или даже видела его? Она вполне могла стоять у решетки забора с бутылками из-под молока, когда он появился из-за угла дома и поднялся на крыльцо. Ему следовало сначала проверить, все ли чисто, но в этом входе на первом этаже было так темно, что ничего не разглядишь.

Не отпуская перил лестницы, он обернулся. Собираясь окликнуть миссис Джордан, он даже приоткрыл рот.

Но тогда все станет невозможным. Правда, тогда он узнает, слышала ли она его, но все станет невозможным.

Он продолжал стоять, не решаясь двинуться дальше.

Застенчивый, безнадежный, нерешительный, безответный...

З

В твоей жизни не было ни одного серьезного случая, когда бы ты выступил атакующим. Ты избегал таких случаев. Говорят, на дне моря существуют организмы, около которых пища должна проплыть, если ей предназначено быть съеденной и переваренной, - странный и упрямый мазохизм в слое мутной слизи на дне океана. И здесь, на поверхности земли, этот мазохизм, только бесконечно более сложный и тонкий, свойственный двуногому повелителю природы, обеспечивает твое существование; без него ты давно перестал бы существовать.

Тот же механизм привел тебя к любовной связи с миссис Дэвис. Каждый кризис в твоей экономической и деловой жизни, которая проходила в "Карр корпорейшн", в столь малой степени зависел от тебя, что ты вполне мог оставаться дома и спать. Тот факт, что ты не женился на Люси Крофтс, был определен кливлендским автобусом, который отстал от расписания и не остановился, когда ты сигнализировал ему. Во всем калейдоскопе твоей жизни с Эрмой нет ни одной картинке, которая составила бы по твоей воле. Так же и с Джейн, так же и с Ларри; и с Диком - за исключением того поразительного эпизода с вашим поединком, который не только полностью противоречит твоей застенчивости и робости, но также является признаком проявления уникальной и необъяснимой агрессивности и жестокости твоей воли.

Этот случай обманул Дика и всех окружающих, но не тебя, тебя он только озадачил и до сих пор ставит в тупик. Просто невероятно, что это именно ты влепил Мулу пощечину, выстоял в схватке с ним и поставил ему синяк под глазом, в результате чего получил прозвище Храбрый Билл.

Любопытно, что Дик больше никогда не упоминал про Миллисент. Может быть, он тоже встречался с ней - но ни он, ни она не говорили тебе об этом, так что нет смысла ломать себе голову. А в то время ты ценил его молчание и тактичность.

Забавно также думать, что, несмотря на рыцарский пыл, с которым ты защищал честь маленькой Миллисент, она так ни разу не коснулась тебя самого и могла бесконечно долго продолжать складывать твои грязные рубашки, делая это с пугающей многозначительностью.

А если это произошло по чистой случайности, тогда ничто не имеет абсолютно никакого смысла, и жизнь есть не что иное, как непристойное надувательство. Хотя твоего избитого, в

синяках, лица она все-таки неожиданно коснулась, близко подойдя к креслу, где ты неловко пристроился.

- Мне жаль, что тебя побили, - сказала Миллисент своим тонким ровным голосом.

- Спасибо, мне тоже. Извини, что у меня нет для тебя конфет. В тот день ребята слопали.

Она осторожно потрогала мою распухшую скулу, ее пальцы оказались твердыми, уверенными и живыми.

- Мне все равно. Из-за чего вы дрались?

- Да он назвал меня лжецом, а потом сказал, что побьет меня.

- И побил?

Ты хотел усмехнуться, но лицо только перекошилось от боли.

- Разве по мне это не видно?

- Да, ты довольно плохо выглядишь.

- Очень приятно чувствовать твою руку. Когда вырастешь, тебе обязательно нужно стать медсестрой.

- Нет, терпеть не могу больных. Моя рука кажется тебе приятной не поэтому.

Вдруг ты понял, что не хочешь, чтобы она объяснила тебе почему. Ты слегка пошевелил головой, Миллисент судорожно вздохнула и убрала руку:

- Ну, мне пора идти.

С тех пор ваши отношения продолжали развиваться, медленно, исподволь, коварно и неумолимо. Подробности этого процесса со временем стерлись из твоей памяти, они были не такими волнующими, как другие события того времени, например дружба с Диком. Где же, собственно, таилась греховность? Если судить не на основании твоего скудного опыта, а с точки зрения того общеизвестного явления, которое свободно обсуждается на языке профессиональном и жаргоне простолюдинов.

Жизнь может создавать множество странных и разнообразных ситуаций, приносящих человеку лишь тревогу и волнение. Но отнюдь не бесчестие или проклятие. Но бог видит, в вашей связи с ней была греховность, и если не в порочной неподвижности ее бледного личика и не в постоянном, напряженном ожидании ее темных глаз, то, скорее всего, в невыразимо волнующих движениях ее рук и пальцев. Где же тогда она скрывалась? Может, в конце концов, греховность была в тебе? Тогда как она появилась? Кто и зачем вложил ее в тебя?

Объяснения нет...

Некоторые из тех подробностей не совсем забылись; в последующие годы ты так часто представлял их себе в фантазиях, что можешь точнее описать последовательность ее жестов, чем процесс своего одевания. Меньше двух лет назад, словно пораженный громом, ты пробудился, и смутные фантазии стали реальностью...

Пробуждение резко положило конец вашей связи.

Оно произошло независимо от тебя, исключительно благодаря существованию других, более важных реальностей. Ты был совершенно к этому не подготовлен в то солнечное утро, когда по вызову декана брел через двор колледжа к внушительному новому кирпичному зданию за рядом сосен и лениво размышлял о причине вызова.

За блестящим полированным столом восседал непривычно озабоченный Засушенная Слива, лицом к нему сидела бедно одетая, плотная и энергичная, но изможденная женщина, чье лицо показалось тебе смутно знакомым.

- Доброе утро, Сидни. Полагаю, вы знакомы с миссис Моран. - Голос Засушенной Сливы был резким. - Она предъявила жалобу, которая основана на информации, полученной ею от своей дочери.

Ты был ошеломлен. Женщина избавила тебя от объяснения, внезапно вмешавшись в разговор:

- Это не совсем жалоба. Как я сказала, если все это обман, то для Милли это не впервой. Я только хочу узнать об этом у мистера Сидни.

- Спрашивать буду я, миссис Моран. - И, обратившись к тебе, декан сказал:

- Вы признаете себя виновным в том, что не должным образом вели себя с этой девушкой?

Какое счастье, что принято считать естественной растерянность возмущенной невинности! Ты начал заикаться:

- Нет, сэр. Я... Я, конечно, угощал ее конфетами...

Нет, сэр.

- А, так, значит, это вы давали ей конфеты, - угрюмо сказала миссис Моран. - Тогда я снова ничего не понимаю, потому что она говорит, что джентльмен, который дарит ей конфеты, очень приятный и красивый, но никогда не сделал бы ничего такого, что не позволяет ему мама. Она назвала ваше имя, сэр, когда я дернула ее за ухо, и все время твердила его, хотя я только потом заметила, что оно было на свертке с бельем, который я приготовила для вас, и вот ей и пришлось в голову назвать ваше имя. Но оно еще было написано на одной из книжек, которые вы ей давали.

- Не давал я ей никаких книг! - сказал я таким тоном, который подразумевал, что у меня вообще не водятся дома книги.

- Не давали?! - Миссис Моран обескураженно осела на стуле. - Ясно, чертовка опять все спутала. - Она снова выпрямилась. - Ваше прозвище Осел?

- Нет, у нас никого не зовут Ослом. Правда, есть парень, которого прозвали Мулом.

Потом я никак не мог понять, кто меня дернул за язык.

Из дальнейших вопросов и замечаний миссис Моран выяснилось, что маленькая Миллисент так запутала все факты и личности людей, что в это дело можно было вовлечь любого человека, не исключая нескольких членов деканата. Засушенная Слива был неприятно поражен и выразил посетительнице свое недоверие. Он бы с радостью отправил миссис Моран домой, посоветовав ей запереть девчонку в подвале и заниматься своим делом, но эта история оказалась слишком опасной, особенно после того, как стало ясно, что миссис Моран уже побывала в кабинете ректора и там поведала свою историю.

В конце концов Засушенная Слива решил сам допросить Миллисент, и тебя отпустили чуть ли не с извинениями и со строгим приказом ни с кем не обсуждать щекотливую ситуацию.

У тебя на душе скребли кошки, и смутная неловкость, которая длилась уже много месяцев, теперь стала невыносимо острой. Ты сделал нечто, что казалось очень умным. Ты рассчитал, что если бы был невинным, то почти наверняка не хранил бы это в тайне, поэтому, если ты станешь соблюдать требование декана о молчании, это возбудит подозрение в твоей вине даже в самом декане. Поэтому то там, то здесь ты постарался упомянуть о кое-каких подробностях, тщательно отбирая поверенных, и за одну ночь слухи об этой истории разнеслись по всему студенческому общежитию и вернулись к Засушенной Сливе, чьей основной заботой было подавить невероятные рассказы.

Когда через несколько дней тебя снова вызвали в его кабинет, то с первого взгляда стало ясно, что бояться нечего. В основном он выговаривал тебе за болтовню, но он не мог этого доказать, и ему пришлось принять к сведению твои предположения о существовании других каналов огласки. Главное обвинение было с тебя снято быстро, с весьма горячими извинениями.

- Я расспросил девочку, - продолжал он, - и обнаружил в ней поистине великий талант к всякого рода мистификациям и интригам. Распутать тот узел, который она умудрилась сплести, выше человеческих сил. Я сообщаю это вам, потому что инцидент исчерпан, и надеюсь, слухи тоже утихнут.

Конечно, маленькая Миллисент исчезла из города.

Ты больше не слышал этого уверенного и тихого стука в свою дверь, которого в последнее время ждал с таким мучительно острым чувством. Тебе пришлось даже гадать о том, куда она делась; по городу носились самые разные слухи; один из них казался тебе наиболее вероятным: кто-то видел миссис Моран с девочкой, торопившихся на поезд, который отправлялся на Запад.

Если бы ты решился расспросить подробнее про их отъезд, но рисковать не стоило. Думать об этом уже вообще не имело смысла. Она уехала.

Все это произошло всего за месяц до получения диплома и прощания с колледжем, затем последовало возвращение домой и твой третий визит к Дику в Кливленд.

Ты не думал обвинять ни это бледное худенькое дитя, ни кого-либо другого; ты с радостью возложил бы вину на себя, если бы ..только чувствовал себя достойным этого обвинения. Ты был бы горд обвинить себя в преследовании и обладании этой бесстыдной маленькой жертвой. Но желание принадлежало ей, первые жесты были ее, она была автором и режиссером этого спектакля. Великолепного спектакля! Как это ни смешно, но жертвой оказался ты сам!

Так же было и с Люси Крофтс в Кливленде.

Самые первые дни в кливлендском офисе, до того, как Дик уехал на завод, прошли в каком-то тумане, поэтому их трудно восстановить. Разумеется, тебя представили руководителям всех отделов, но за эти первые недели ты не запомнил ни одного. С тобой почти постоянно находился Дик. Ты легко разбирался в предмете, о котором шла речь. Просто общался с представляемыми тебе людьми, и было заметно, что Дику нравились твои любознательность, заинтересованность и сообразительность. Проявленные тобой качества помогли ему наделить тебя определенными полномочиями и назначить перед своим отъездом на пост помощника президента. Ты возражал:

- Я слишком молод, Дик.

- Ты мой ровесник.

- Но хозяин здесь ты. Ты бог, наделенный неограниченными правами акций.

Дику не нравилась эта цитата из твоего рассказа, который он считал социалистическим. Он возразил:

- Тем не менее я должен работать.

- Кроме того, здесь чуть ли не каждый руководитель отдела годится мне в деды по возрасту. Твое назначение с самого начала превратит их в моих врагов.

- Они и так уже враги. Целых десять лет они ждали меня с неприязнью и подозрением, а теперь нас с тобой двое. Вот к чему все сводится. Сам по себе твой пост ничего не значит. Так или иначе, я еду не на Северный полюс и буду наезжать по меньшей мере раз в неделю.

Но поступай так, как считаешь нужным. - Он был слегка разочарован.

На следующий день на двери кабинета напротив приемной Дика была прикреплена табличка, на которой золотом было написано твое имя, но ты по-прежнему большую часть времени проводил в различных отделах.

Разделение отделов по их значимости сильно отличалось от теперешнего. Тогда, например, единственным человеком, занимающимся рекламой, был мужчина с усами, чей стол стоял в дальнем углу. Он по утрам пропадал в агентстве Симмонса, редактируя статьи для публикации в торговых журналах. Сейчас одно из самых красивых зданий в деловом центре города занимает Совет по связям с общественностью.

Изо дня в день ты назойливо торчал в бухгалтерии и со временем ясно усвоил основные принципы ее работы, не вникая в детали стоимости распределения, амортизации и тому подобных вопросов. От тебя ничто невозможно было скрыть; ты постиг сложности предоставления скидок, тонкости составления территориальных соглашений и контрактов. Тогда только начинали изучать возможности применения побочных продуктов; ты находил эту проблему самой интересной и перспективной - и ты еще раз упустил шанс действовать, потому что, несмотря на недостаток опыта, твои умственные способности и искренний интерес могли реально привести к каким-то осязаемым результатам. У тебя были идеи, но ты их испугался.

Отдел экспорта также заинтересовал тебя, но уже по-другому, он вызвал в тебе романтическое желание поработать с бумагами, в которых говорилось об отгрузках тысяч тонн стали для сооружения железнодорожного моста в глубине малайских джунглей. Ты даже написал об этом рассказ во время одиноких вечеров в своей комнате. Биография кусочка железной руды с того момента, как она покинула рудник в Мичигане, до того, как стала частью металлической фермы моста и на нее опиралась лапой предприимчивая пантера, которая решила использовать для засады это странное новое дерево. Рассказ тебе очень понравился, и ты даже захотел показать его Дикю, но решил, что лучше этого не делать.

На протяжении первых месяцев и даже годов ты служил каналом связи между Диком и сложными частями огромного механизма, который он собирал в единый кулак. Ты превосходно подходил для этой роли и великолепно справлялся с ней. Безусловно, бесконечная масса информации о событиях и персонале усваивалась им гораздо быстрее и легче, когда сопровождалась твоими короткими и свежими замечаниями, чем если бы он сам добывал ее из первоисточников. Самое важное для его целей было твое интуитивное понимание людей и их взаимоотношений, хотя Дик научился придавать им значение только после бесстрастной и разносторонней проверки фактов.

Обычно он приезжал с завода в Карртоне поздно вечером в пятницу, и вы с ним шли в кафе на Шериф-стрит, потому что он признался, что гораздо легче расслабляется там, чем дома; это тебя очень устраивало, потому что, к твоему смущению, Эрма часто по вечерам оставалась дома. Сцена в саду совершенно стерлась из ее памяти, и она проявляла по отношению к тебе полнейшее безразличие.

Заказав себе огромный бифштекс, Дик залпом выпивал кружку пива, вытирал с губ пену и, откинувшись на спинку глубокого кожаного кресла, удовлетворенно отдувался.

- Ну, как там древние динозавры на Перл-стрит? У меня была жуткая неделя - работал по двенадцать часов в день, - скоро придется вкалывать по все двадцать.

Словом, работал как черт и дьявольски устал. Хочу взять три из этих древних печей и забросить их к черту в озеро Эри, где они будут просто затычками в ванной. Для производства они не так интересны, все равно не осталось никого из стариков, которые умеют их разжигать.

Старый Скиннер тоже ушел, я назначил ему хорошую пенсию. Они с отцом пробрили первый двойной шурф на западе от Алледжинес или что-то в этом роде.

Он, однако, вовсе не выглядел истощенным, а напротив, свежим, полным энергии, как молодой бычок. Ты был ошеломлен.

К тому времени принесли бифштекс, и ты читал свои записи, аккуратно разложенные на столе:

- В Юте и Колорадо существуют девять компаний класса А. В 1900 году их было шесть, и три из них числились в наших книгах. Сейчас ни одной, только одна из них покупает небольшие количества нашего товара через маклера в Канзас-Сити. Три новые обходятся без нас, одна из них связана с Бетлхемом. Полная потеря двух, а практически - трех компаний.

- Кто ими занимается?

- В основном Байере из Сан-Франциско, но Харпер в 1907 году был в Денвере и на Соленом озере.

- А что говорит об этом Джексон?

- Он занимает свою обычную позицию: экспансия, естественное перераспределение, здесь теряешь одного покупателя, там где-то подбираешь другого.

- Что сделано в этом сезоне?

- Ничего, если не считать того, что Байере написал несколько писем. Джексон никогда не проверяет Байерса, мне кажется, он его побаивается. Он смутно намекал на предложение от Фэрелла, о котором как-то слышал. По этому вопросу у нас ничего нет, даже списка операций.

- Когда мы их потеряли?

- Последний заказ поступил от них в 1903-м, другой - в 1905-м.

Тебе пришлось потратить почти два дня, чтобы раскопать все эти данные; у Дика на ознакомление с ними ушло всего пятнадцать минут. Но обычно такие сведения сообщались не устно; он брал с собой твой меморандум в Карртон и по вечерам изучал его. Вы с ним чаще говорили о людях, об их отношении к делу, об их способностях и деловой энергии. Сейчас ты поражаешься, вспоминая, как нахально два юнца судили о старшем поколении и как редко они обычно ошибались в своих оценках. Недостаток скромности в твоих докладах, которые Дику казались смелыми и энергичными, на самом деле происходили из твоего незрелого презрения к сути вещей. В результате это создало тебе множество врагов.

И лишь нескольких друзей вроде Шварца, он по твоей рекомендации был назначен руководителем экспортного отдела, через голову старших и заслуженных.

Месяцы, год, два года ты находил во всем этом жизнь и интерес. За это время тебе редко приходилось проводить вечера в одиночестве, потому что обычно четыре-пять вечеров ты переваривал и раскладывал по полочкам проделанную за день работу, а остальные проводил с Диком. Самые счастливые дни твоей жизни? Вряд ли, но, по крайней мере, это были времена, когда ты ближе всего подошел к радостному ощущению, что в отношениях между тобой и жизнью чаще исполнял роль источника, чем приемника. Дик устроил так, чтобы во время его поездок в Карртон одна из его машин всегда оставалась в твоём распоряжении, и этот порядок сохранился даже после его возвращения на постоянное место жительства в Кливленд, но ты редко пользовался этим преимуществом. Он полностью игнорировал светскую сторону жизни, отказываясь появляться даже на те домашние приемы, которые устраивала Эрма, и всегда брал тебя с собой.

- Вы так и умрете детьми, - равнодушно замечала Эрма. - Демон и Пифия, жертвы Железного века - я поставлю ваши статуи на площади.

- Валяй, но делай это на свои дивиденды, - так же безразлично парировал Дик.

После окончательного возвращения Дика в Кливленд у тебя постепенно стало появляться все больше свободного времени. Эрма уехала в Европу. Дик запер дом и переехал жить в Клуб охотников за соколами. Большую часть вечеров он проводил в офисе, где обычно с ним бывал и ты, но вскоре он стал находить себе друзей из среды молодых банкиров и бизнесменов, а в этом кругу ты чувствовал себя не очень уютно, хотя тебя всегда приглашали и привечали.

Однажды они задумали устроить вечеринку у Куртни по дороге в Конниаут. Ты собирался поехать, хотя и без особого желания.

- Давай, Билл, поедем, ты должен поехать, - уговаривал тебя Дик. - Это мой первый загул за целых два года. Господи, подумать только, я не имел ни одной девчонки за два года! Думаю, и ты тоже. Едем с нами.

Ваша шумная компания отправилась в путь около полуночи на двух автомобилях Дика и еще четырех других.

В твоей машине оказались два молодых брокера, имена которых стерлись у тебя из памяти, и четыре или пять девушек из шоу "Райт-театра", который ты часто посещал. Ты сидел за рулем, и одна из девушек, коротенькая и пухленькая, уселась рядом и все время повторяла:

- Жаль, что не светит луна.

Когда ваши машины прибыли к Куртни, ворота закрылись, и все заведение было предоставлено в распоряжение вашей компании. Пары, уже определившиеся за время короткой поездки, начали разбредаться только для того, чтобы сразу же собраться в главной гостиной, где был приготовлен длинный узкий стол, полностью сервированный, сверкающий столовым серебром, хрустальными бокалами и украшенный букетами цветов.

Гости расселись, большая часть согласно традиции, но с некоторым замешательством, так как женщин оказалось гораздо больше, чем мужчин.

- Я бы ни за что не поехала, если бы меня не пригласили, - с вызовом заявила девушка, сидящая от тебя по левую руку.

- Тогда тебе лучше поехать домой, - язвительно у тебя за спиной прошептала ей другая, сидевшая справа.

Ты никогда не напивался пьяным, за исключением одного-двух раз с Диком во время учебы в колледже, и тогда чувствовал себя скорее больным, чем пьяным. В этот раз тебе совсем не хотелось пить. Ты не принимал никакого решения на этот счет, по отношению к собравшимся не испытывал никакого отвращения или чувства превосходства, просто не пил. Сидящие рядом девушки пытались влить в тебя спиртное, затем оставили свою затею и сами опустошили твой бокал. К этому моменту на коленях у Дика уже сидела какая-то рыжеволосая девица, и он вилок кормил ее супом.

Веселье разгоралось, время от времени звучали тосты, которых никто не слушал, кто-то начинал петь, гости пытались танцевать, все неувереннее держась на ногах, раздавались крики и визги, наконец они затеяли игру в прыжки лягушки. И снова пары начали понемногу исчезать, но Дик потребовал, чтобы они вернулись и увидели то, что, по его словам, было самым интересным на вечеринке. Он яростно стягивал чулки с рыженькой девушки, которая взвизгивала, хохоча и отбиваясь. Наконец она высвободилась и убежала.

- Эй, Билл, лови ее! - заорал Дик. - Хватай ее! Держи!

Он начал с возмущением объяснять тем, кто его слушал. Оказывается, девица согласилась танцевать на столе обнаженной за сто долларов, а теперь пытается нарушить контракт.

Она выкрикнула из угла комнаты совсем трезвым голосом:

- Я это сделаю за двести долларов.

- Сто пятьдесят!

- Двести!

Дик бешено кинулся к ней:

- Ах ты, рыжая чертовка! Да я все платье на тебе разорву!

Она отскочила от него на другую сторону стола и крикнула:

- Ладно, сто пятьдесят.

В сторону полетели ее платье, нижнее белье, корсет.

Кто-то заиграл на пианино марш. Бутылки с шампанским попадали, когда Дик легко поднял ее и поставил на стол. Все хохотали; кто-то бросил в девушку пучок сельдерея. Какой-то мужчина, пытавшийся схватить ее за ногу во время танца, получил удар в лицо и, согнувшись, отскочил. Раздались одобрителльные аплодисменты.

Ты одиноко стоял в стороне, злясь на себя за свою трезвость и отстраненность. Это же было смешно, по-настоящему смешно. Что же происходило с тобой?

Позже, когда ранним утром вы возвращались в Кливленд, ты находил до крайности отталкивающими бессильно распростертые тела твоих попутчиков, их помятые, опухшие лица, и ты завидовал им.

Приблизительно в это время Дик ввел тебя в Клуб охотников за соколами и предложил снять там номер.

Ты легко мог себе это позволить, так как твой заработок возрос вдвое по сравнению с первым годом, но тебя это не привлекало, хотя ты никогда решительно не возражал против. Дик не настаивал. Все чаще и чаще ты оказывался в одиночестве, много читал, время от времени посещал шоу с кем-нибудь из работников офиса, обычно со Шварцем. После ужина часто уезжал на берег озера или за город, в основном один. Но и это не доставляло удовольствия, жизнь казалась бессмысленной и пустой.

Однажды вечером, просматривая свою красную записную книжку, ты наткнулся на кливлендский адрес миссис Дэвис, шесть лет назад переписанный из ее единственного письма тебе.

Наверное, она давно переехала, подумал ты. В любом случае ты не мог запросто заехать к ней вечером, опасаясь застать дома ее мужа. Ты вспомнил о телефоне и из справочника выяснил, что она действительно поменяла место жительства, и выписал ее новый адрес и номер телефона. Но мысль связаться с ней по телефону была тебе неприятна - дайте мне такой-то номер, пожалуйста... щелк, и - вот он ты, через шесть лет со всем, что в них было. Нужно написать ей, подумал ты, и написал. Письмо было на бланке "Карр корпорейшн" с твоим именем в уголке; ты спрашивал, не пожелает ли она пообедать с тобой или пойти в театр.

Ответа не было. Два дня, три, четыре. На пятый день ты решился позвонить ей и застал ее дома. По тому, как дрожал от возбуждения твой голос, ты осознал, что она волнует тебя больше, чем казалось. Получила ли она твое письмо?

- Да, да, я его получила, с твоей стороны очень мило было послать его. Так приятно, что ты думаешь обо мне.

Не против ли она... то есть как насчет того, чтобы вместе пообедать?

- М-м.. Боюсь, что нет. Конечно, я могла бы, но у меня всегда столько дел, и обычно я обедаю дома с мужем...

Ты, как последний идиот, осведомился, как здоровье мистера Дэвиса.

Ты размышлял, что хористки из шоу, как бы они ни были уродливы и толсты в своей массе, в отдельности могут быть и интересны; некоторых ты даже находил весьма привлекательными. Когда Шварц заявил, что настала его очередь повести тебя на музыкальную комедию, объявленную на следующей неделе, под каким-то предлогом ты отклонил его предложение и позже купил себе один билет, чтобы таким образом оказаться как можно ближе к сцене. Твое место оказалось слишком близко, румяна и морщины на лицах девиц слишком бросались в глаза, но три или четыре из них были более чем сносными, они казались молоденькими и симпатичными. Ты даже был уверен, что одна из них улыбнулась тебе. Когда в конце первого акта на сцене упал занавес, ты решил, что настало время действовать. Ты остался сидеть на месте, решив послать записку с капельдинером, для чего запасся дюжиной своих визитных карточек, шариковой ручкой и несколькими маленькими конвертами, но оказался перед непреодолимой преградой. Нельзя же на виду у публики позвать капельдинера и объяснить ему свою просьбу. Началось второе отделение, и ты даже не написал записку.

Во втором антракте ты разыскивал капельдинера в вестибюле. Первый, которого ты обнаружил, был окружен людьми, второй, в одиночестве стоящий в углу, выглядел суровым и необщительным. Пряча записку в кулаке, ты пошел выпить воды, затем спустился в туалетную комнату, после чего возобновил поиски. Но удовольствие уже исчезло. Уподобившись охотнику с

промокшим патронташем, который все еще жадно прислушивается к шуму крыльев взлетевшей птицы, ты обошел здание театра и встал около служебного выхода, наблюдая, как в сумраке из него показывались темные фигуры. Двое знакомых мужчин вдруг вышли оттуда, держа под руки смеющихся девушек, а ты поспешно ретировался в тень. Показалось, что в первой ты узнал одну из девушек, которой предназначалась твоя записка, но, возможно, это была фантазия, так как уже стемнело.

Вероятно, ты так живо помнишь тот вечер, потому что все твое поведение было таким характерным для тебя. За эти три часа, как в миниатюре, отразилась вся твоя жизнь. Были и другие случаи, более продолжительные по времени, вроде той зимы, полностью посвященной Люси Крофте, или лета, всего четыре года назад, которое вы с Эрмой провели на ранчо Ларри.

Это была идея Эрмы, рожденная родео, которое она как-то видела в Нью-Йорке, вызванная ее вечной неугомонностью. В то время между вами установились довольно хорошие отношения, отчасти из-за твоей благодарности за дружескую поддержку, которую она оказывала тебе во время всех трудностей работы в офисе. Ты немного сомневался в Ларри, так как с тех пор, как он уехал на Запад, он знал о твоей жизни только из писем Джейн, но пришедший от него ответ своей сердечностью подтолкнул тебя поехать.

Больше всего ты занимался приготовлениями. Эрма взяла с собой семь сундуков, один из которых содержал три седла, красную кожаную уздечку с серебряными заклепками и еще одну, украшенную бирюзой.

Когда наконец во второй половине июля вы прибыли на ранчо, преодолев сотни миль в старом дребезжащем "форде" от ближайшей железнодорожной станции, ты был несколько озадачен простотой дома и отсутствием привычных удобств. Эрма находила в этом прелесть. По сравнению с остальными помещениями комната, отведенная вам, показывала, что Ларри очень старался, чтобы устроить все для вашего комфорта, и был явно доволен восторгом Эрмы. Эта комната с огромной кроватью на двоих была одной из причин твоего смущения. Дело в том, что вы с Эрмой никогда не спали в одной постели. Но она приняла это спокойно, как одну из неизбежных трудностей ковбойской жизни.

За исключением поварихи Мэгги, жены искалеченного ревматизмом индейца-метиса, который занимался починкой ограды корраля, сёдел и упряжи, вокруг на тридцать миль не было ни одной женщины. Эрма и в этом находила очарование. На третий день она совершенно освоилась, ездила на клеймение скота, заявила, что находит восхитительным запах паленого волоса, и упрашивала Ларри разрешить ей самой прижимать клеймо.

Для тебя это лето стало мирным и благословенным отрезком жизни, выделяющимся из остального времени.

По сути дела, ты оставался наедине с самим собой, среди холмов, бесконечных лесов и пустынных пространств.

Стало ясно, что вас с Ларри абсолютно ничего не связывает; и Эрма беззаботно забыла о твоём существовании. Она и Ларри, казалось, понимали друг друга. Ей была предоставлена лучшая лошадь, и обычно они уезжали кататься верхом или весь день пропадали на рыбной ловле, если ей удавалось его уговорить. По временам ты думал, что он флиртует с ней, но ты так долго подозревал Эрму, что это перестало тебя тревожить и стало продолжением твоего привычного состояния.

Таким образом, ты был там в одиночестве и все-таки не в таком полном, как Джейн, которая провела там предыдущее лето, подробно описывая в письмах все окрестности. Теперь ты легко узнавал ее любимые места. Разъезжая верхом по узким тропинкам, исследуя каменистое русло каньона, забрасывая удочку в середину Элк-Крик, ты всегда ощущал ее присутствие и слышал ее голос. Ты чувствовал, что все вокруг совершенно подходило ей, хотя эти места были для нее чужими и незнакомыми. Однажды на Элк-Крик, когда ты съел сэндвичи, выпил холодного кофе и

лег отдохнуть на траву, с тобой случилось нечто странное и неестественное. Ты погрузился в мечтания о Миллисент, чего давно уже не делал, и вдруг, почти в самый кульминационный момент, ты понял, что Миллисент исчезла, а ее место заняла Джейн! Ты страшно испугался. Ты вскочил, умылся в ледяной воде ручья, смыв масло с губ и пальцев, и, когда снова приготовил удочку, с возмущением заметил, что у тебя все еще дрожат пальцы.

Немного позднее, как-то за обедом, ты увидел, что Ларри и Эрма едва разговаривают друг с другом. Ты почувствовал лишь легкое удивление и такое же раздражение, потому что давно уже привык к способности Эрмы создавать проблемы, когда она находилась в соответствующем настроении. Эрма оживленно рассказывала о теленке, который съехал со склона холма и застрял около сосны, где отчаянно мычал и брыкался, пока его не вытащили наверх, обмотав веревкой. Ларри, спасший теленка, хранил молчание, время от времени усмехался для приличия. Вскоре после обеда он ушел спать, и вы с Эрмой последовали его примеру.

Ночью ты, как обычно, проснулся и, поплотнее завернувшись в одеяло, перевернулся, устроился поудобнее и через несколько минут снова начал засыпать. Неожиданно что-то тебе показалось странным, чего-то ты не понимал. Вперившись в темноту открытыми глазами, ты высунул ногу; Эрмы в постели не было.

Ты не встревожился, хотя сразу проснулся. Решил, что она пошла в ванную, но тут же вспомнил, что в этом доме ванной нет. Тебе послышался какой-то шум, слабые звуки человеческих голосов, проникавшие через тонкие, без ковров, стены. Ты хотел окликнуть ее, но вместо этого с минуту лежал молча, затем, не отдавая себе в том отчета, встал с постели, не зажигая света, добрался до двери и осторожно открыл ее.

Глухие звуки стали голосами, достаточно громкими, чтобы их можно было узнать. Босиком ты прокрался на цыпочках по узкому коридору, где было еще темнее, чем в спальне, к комнате Ларри. Через закрытую дверь, сквозь ее тонкие филенки и щели, можно было различить отдельные слова. Ты стоял прямо у двери, начиная дрожать от холода на ледяном полу.

- Ты просто дурочка, - говорил Ларри. - Боже мой, неужели тебе недостаточно просто намека?

Затем раздался голос Эрмы, громкий и спокойный:

- Ладно, Ларри, это ты глупыш. Зачем притворяться, будто я тебе не нравлюсь? Какая самонадеянность!

Неужели не помнишь, что я заставила тебя поцеловать меня, как только решила, что хочу этого?

- В первый и последний раз. Эрма, уходи, ради бога, уходи! У тебя отсутствуют понятия о приличиях.

- Мне будет приятно, если ты поцелуешь меня сейчас.

- Ты с ума сошла! Немедленно уходи! В любую минуту может проснуться Билл.

- Я сказала тебе, он не проснется. И даже если проснется, то перевернется на другой бок и снова уснет. А даже если он узнает - он не такой, как ты... Ну, Ларри, давай же!

До тебя донеслись звуки какого-то быстрого движения. Затем прозвучал голос Ларри:

- Я серьезно просил тебя уйти!

И сразу за этим послышалось нечто, что ты с удовольствием увидел бы собственными глазами, - громкий резкий шлепок тяжелой открытой ладонью, быстрый злобный вскрик Эрмы, кто-то наткнулся на стул...

Ты быстро промчался к себе в комнату, совершенно замерзший, весь дрожа, забрался в кровать и поплотнее закутался в одеяло. Через несколько секунд открылась дверь, и кто-то вошел. Ты лежал, дыша как можно тише и ровнее, и почувствовал, как сбоку натянулось одеяло и Эрма забралась под него.

Вот, сказал ты себе на следующий день, вот случай наконец что-то сделать. Эта женщина зашла уже слишком далеко. Она должна почувствовать, что это уже невыносимо, грубо и в высшей степени отвратительно.

Особенно здесь, в ярком солнечном свете, заливающим холмы. Да, ты скажешь ей об этом, и она, плутовка, может легко согласиться, а потом что? Собственно, не было смысла поливать оскорблениями Эрму и себя самого. Если ты не настолько к ней привязан, чтобы оскорбиться, когда она пытается изменить тебе, у тебя нет повода плакать. У тебя и без того достаточно причин для недовольства собой, нечего наживать себе еще и другие.

Не в ее силах было причинить тебе ни страдание, которое может растерзать сердце, ни подавленность, опасную своей способностью к взрыву. Что, если бы сейчас наверху была Эрма; представь себя на этих ступенях, вооруженным, отчаявшимся, со смертью в сердце! Ба, да ты ни разу даже по физиономии ей не съездил, как это сделал Ларри в ту ночь. Да и сможешь ли ты это сделать?

Горькая дилемма. Шварцевская теория о раскаленном железе. Невыносимая необходимость, слишком непостижимая, чтобы ее оспаривать, и в то же время безнадежная убежденность, что во всем твоём теле, костях и крови нет и следа жестокости...

D

Он стоял, пытаясь сосредоточиться и решить неотложную проблему: звать ли миссис Джордан, если он ее окликнет, все это решится легко, а если он не сделает этого, как узнать, заметила ли она его? Она все еще двигалась вниз, три шага в одном направлении, затем пауза и четыре шага в противоположном; ее присутствие страшно действовало ему на нервы, он молил, чтобы она перестала там слоняться и убралась в свою комнату.

Он застыл на месте, все еще на половине первого пролета, и вдруг услышал, как издали его зовет чей-то голос: "Ну что, ты идешь?"

- Идиот, - сказал он сам себе...

4

- Идиот, стоишь тут на краю ада и прислушиваешься к мертвому голосу, к ее мертвому голосу...

Хотя той ночью в Кливленде? ты действительно остановился на лестнице, и Люси Крофтс крикнула тебе, когда ты колебался, не вернуться ли, чтобы выключить свет в машине:

- Ну, ты идешь?

В то время голос Люси Крофтс казался тебе сладостнее любых звуков в мире.

После неудачи в театре ты решил, что невозможно подобрать подружку среди хористок. Лучше найти себе какую-нибудь девушку в Кливленде и сделать ее своей любовницей. Усмехаясь теперь решению двадцатипятилетнего юноши, каким тогда был, ты недоумеваешь. Не испытывая отвращения к браку ни теоретически, ни практически, ты вместе с тем, кажется, и не думал о женитьбе. Может, это было потому, что в душе у тебя продолжала жить надежда на то, что Эрма снова изменит свое решение, надежда, в которой ты сам себе не признавался. Она отправилась тогда в свою первую поездку в Европу. Ты еще подумал, что, будь она здесь, ты мог бы познакомиться с подходящей девушкой у нее в доме. Она написала тебе одно письмо. Ты тщательно припомнил весь список своих друзей и знакомых; бесполезно.

По вечерам, когда ты направлялся из офиса на Перлстрит в клуб, где иногда обедал с Диком, но чаще в одиночестве, на улице было полно девушек. Девушек, возвращавшихся с работы,

школьниц, в меховых шубках, пухленьких и стройных. С первого взгляда ты замечал их, оценивал, пожирал их глазами. Иногда, встречая девушек, чем-то напоминающих Джейн, на сердце у тебя одновременно становилось теплее и сиротливее. После ужина, когда ты ехал в машине или возвращался домой пешком, ты снова видел девушек, толпящихся у входа в театры, выходящих из ресторанов.

Из пятерых можно было подцепить троих, так говорил Дик. И проще всего было сделать это при помощи машины. Ты стал немного раньше уходить из офиса, садился в машину и ездил вокруг сквера, то вниз, то вверх по Эвклид-авеню, пересекая заполненные толпой перекрестки.

Ты часто видел, как это делается; человек медленно вел машину вдоль тротуара и, выбрав нужный момент, обменявшись с девушкой быстрым прямым взглядом, тихо и быстро, но ясно говорил: "Хотите прокатиться?"

Ты так и не смог внятно произнести этих слов. Они не шли у тебя с языка, хотя тысячи раз готовы были сорваться. Однажды женщина в красной шляпке улыбнулась, показав ряд здоровых зубов, и окликнула тебя:

"Привет, милый, возьмешь пассажирку?" Ты покраснел до самых ушей и сделал вид, что не услышал ее. Были и другие предложения, но тебя не интересовали женщины такого сорта. Ты решил, что сделать это сидя в машине - значит привлечь к себе слишком много внимания, и стал гулять пешком, но результат получался не лучше. Несколько попыток заговорить тоже окончились ничем. То ли ты произносил слова слишком тихо, то ли девушки думали, что ты сам с собой разговариваешь; казалось, никто тебя не слышал, за исключением одной юной особы в книжном магазине, которая ничего не ответила, но взглянула прямо на тебя с таким удивлением и отвращением, как будто на твоём месте увидела скребущую себя под мышкой обезьяну. Ты был возмущен и раздавлен.

Однажды дождливым апрельским вечером ты медленно ехал в машине по Седар-авеню, машинально отмечая блестящее мокрое шоссе в сгущающихся сумерках, лягг трамваев, целый лес покачивающихся разноцветных зонтов на тротуарах. Белые лица прохожих резко выделялись в густой тени под зонтами, некоторые находились так близко от тебя, что ты мог их коснуться, по тебе быстро скользили их взгляды, холодные и непробиваемо равнодушные...

Вдруг впереди послышался резкий вскрик и тревожные возгласы, тогда как твоя нога автоматически нажимала на тормоз, а задние колеса впритирку скользнули по бордюрному камню тротуара. Ты выскочил наружу.

Под передним колесом твоей машины люди помогали встать какой-то девушке. В мгновение ока ты оказался рядом с ней, помогая другим поддержать ее. Она не то смеялась, не то плакала. Вокруг начала собираться толпа зевак.

- Это моя вина, - говорила девушка. - Я не ранена. Просто шагнула прямо перед машиной. Где мои ноты?

В результате поисков в луже у тротуара был обнаружен круглый кожаный футляр. Ты поднял его и передал девушке. Могучий здоровяк с рыжими усами продолжал держать девушку под руку. Она вырвала у него руку:

- Я действительно ничуть не ушиблась. Спасибо, что вы нашли мои ноты. Господи, да они намокли!

- Ужасно сожалею, - сказал ты. - Я впервые сбил человека!

- Думаю, это не вы меня сбили, а просто я поскользнулась. Боже, я тоже вся промокла, мне нельзя идти в таком виде. Лучше возьму такси.

- Там подальше есть стоянка, я поймаю для вас, - сказал усатый и стал пробиваться сквозь толпу.

- Я буду рад, если вы согласитесь поехать в моей машине, - поспешно сказал ты. - Обещаю ехать осторожно, чтобы больше никого не сбить.

Она взглянула тебе в лицо, затем на свою одежду:

- Мне придется вернуться домой, а это довольно далеко.

Ты усмехнулся:

- Надеюсь, на этой стороне Пейнесвилля?

- Я запачкаю вашу машину, взгляните на меня.

Ты помог ей стряхнуть с юбки воду и грязь, усадил в машину и укутал халатом. Люди стали расходиться, исчезая в лесу зонтиков. Не успели вы отъехать, как прибыл на такси тот усатый тип, девушка высунулась в дверцу и поблагодарила его. Хотя ей пришлось кричать, чтобы он расслышал ее за шумом оживленного движения, голос ее прозвучал звонко и молодо.

Она назвала тебе номер своего дома, далеко, на Роуздейл-авеню, выразив опасение, что придется ехать слишком далеко.

- Мне все равно нечего делать, - успокоил ты ее, - У меня полно свободного времени. Я просто катаюсь по городу, наслаждаясь дождем.

Она быстро взглянула на тебя и погрузилась в молчание, изредка нарушая его указаниями, как лучше подъехать к ее дому. Ты охотно поболтал бы с ней, но боялся сказать какую-нибудь глупость и все испортить.

Она была очень молода, не старше восемнадцати лет, и очень хорошенькая. Ты не мог разглядеть ее лицо под шляпой с большими опущенными полями, тебе нужно было осторожно вести машину. Один раз она упомянула про свой футляр с нотами и оглянулась на заднее сиденье, чтобы удостовериться, что он здесь, и что-то сказала о том, что направлялась на урок. Ты спросил, играет ли она на скрипке, нет, сказала она, на пианино. Вот почти и весь разговор. Чувство смущения и замешательства, которого не было, когда вы отъехали, казалось, невообразимо росло по мере того, как вы плыли под дождем по тонущим в темноте улицам.

Наконец ты затормозил у просторной лужайки, за которой высился большой дом. Дождь не прекращался.

- Меня зовут Уильям Сидни, - грубовато сказал ты. - Я работаю помощником бухгалтера в "Карр корпорейшн". Может быть, вы сходите как-нибудь со мной в театр?

Она прямо взглянула на тебя и сразу просто сказала:

- С удовольствием. - И вдруг улыбнулась. - Знаете, последние десять минут я гадала, скажете ли вы мне что-нибудь в этом духе.

- И что у вас получилось?

- Я так и не решила, но подумала, что, может, и скажете, и даже тогда не решила, что отвечу. Я действительно с удовольствием пошла бы с вами в театр, только, думаю, это будет не так просто, потому что живу здесь у тети с дядей, а они очень строго следят за мной. Гораздо больше папы с мамой, но ведь такой большой город не то что деревня.

- Можете сказать им, что мы где-нибудь познакомимся.

Она нахмурилась:

- Не знаю. Ну, что-нибудь скажу.

- Можем встретиться в центре, вы скажете, что мы идем... ну, куда хотите. А мы вместе пообедаем.

- Этого я не могу. - Она снова нахмурилась. - Если они узнают, это будет ужасно. Скажу им, что познакомилась с вами у мистера Муррея. А вы как-нибудь позвоните мне, и тогда мы решим.

- А сейчас мы не можем договориться?

Нет, она считала, что будет лучше сделать по-другому. На том и договорились. Девушка записала тебе свое имя, Люси Крофтс, номер телефона и имя дядюшки, Томас М. Варне. Затем ты снял с нее халат, передал ей футляр с нотами и помог выйти из машины, она побежала под дождем через лужайку.

Ты медленно возвращался в центр города, а потом без аппетита пообедал и все время мечтал о ней. Ты представлял ее в своих объятиях, рисовал себе тысячу сцен, в которых она уступала твоей страсти и выражала тебе свою привязанность; или, возвращаясь к холодному реализму, ты решал, что она деревенская самодовольная девчонка и лучше про нее забыть. И под всеми этими воображаемыми сценами тебе слышался ее выразительно звучащий голос, искренность которого заметна была в интонациях. Тебя немного раздражало, что эта искренность все время мешала свободному полету твоей фантазии.

На следующий день во время перерыва на ленч ты отправился в Холленден и приобрел два билета на представление, которое шло на будущей неделе, но прежде, чем позвонить ей, выждал четыре дня, как и было условлено. К тому времени ты уже извел себя ожиданием и был несказанно обрадован, когда услышал ее голос и она сообщила тебе, что все улажено.

- Но я немного все изменила. Они могли заметить вашу машину у дома, и все равно мне пришлось объяснять, почему я вернулась такая грязная и не пошла на урок, так что я просто взяла и рассказала им все как было. Думаю, дядя захочет с вами поговорить, но это не страшно.

Люси не могла пойти обедать с тобой, ты должен был заехать за ней домой без четверти восемь. Ты опасался, что тебе придется вступить в долгий разговор с агрессивно настроенным дядюшкой, и даже хотел отменить свой визит; но когда настал тот вечер, то в действительности все оказалось не так уж и страшно. Ты познакомился с ее дядей и тетей, но все это произошло быстро и в скудно освещенной гостиной. Они показались тебе дружелюбными и беззаботными.

Когда в театре она сняла шляпу, причесала волосы и оглянулась по сторонам, ты понял, что она даже красивее и немного старше, чем ты думал. Пышные темные волосы, собранные на затылке в косы, таких роскошных волос ты еще ни у кого не видел. Когда она повернула голову, чтобы взглянуть на тебя, ее волосы стали лишь пышной рамой, оттеняющий высокий гладкий лоб, прямой маленький носик, не очень большой рот с полными розовыми губками. Пьеса вызвала ее интерес и восхищение; по ее признанию, она была в театре лишь три-четыре раза за всю жизнь.

В целом вечер тебя разочаровал. Она не пожелала ужинать и всю дорогу домой говорила только о ферме своего отца, которая находилась недалеко от Дейтона, пока не узнала, что ты тоже из этого штата, и тогда стала тебя расспрашивать о твоих родителях, братьях и сестрах. У нее было три брата, все трое старше ее, но ни одной сестры. Она сказала, что Джейн должна быть очень красивой и что она полюбила бы ее; она так часто мечтала иметь сестру.

В тот вечер за обедом ты решил, как минимум, поцеловать ее при расставании; но когда она вышла из машины, не дожидаясь твоей помощи, и протянула тебе руку, это оказалось совершенно невозможным. Ты уехал, уязвленный и удрученный. Она была очень милой, ты заметил, что в театре на нее обращали внимание, но сам уехал ни с чем. Она даже не поблагодарила тебя, возможно не зная, что это принято. "Господи, она целых двадцать минут рассказывала мне о своей проклятой ферме и о теленке проклятой коровы, которую назвала Сафо!"

Через два-три дня, получив через Дика приглашение на танцы в Холленден, ты позвонил Люси и пригласил ее пойти туда с тобой. Это было уже лучше. Она прекрасно танцевала, ты тоже; и тебе доставляло особенное удовольствие, что в основном она предпочитала танцевать с тобой, несмотря на протесты этих ловких и самоуверенных юношей, в кругу которых ты всегда чувствовал себя не в своей тарелке. Ты посматривал на других девушек, таких же блестящих и уверенных в себе, и забавлялся тем, что видел то там, то здесь одну девушку, отвергнутую тобой. В то время причины, по которым ты отвергал некоторых девушек, еще казались сомнительными,

но теперь, когда ты смотрел на Люси, то всех скопом посылал к черту. Она была действительно самой очаровательной. Ей бы не пришлось искать партнеров.

Дик станцевал с ней один раз и потом заметил тебе:

- Если ей понадобится почистить туфельки, а ты будешь занят, дай мне знать.

По дороге домой Люси сказала:

- Они довольно милые! Конечно, мне только девятнадцать, и я давно уже никуда не выезжала, но я отлично повеселилась, Мистер Карр очень хорошо танцует, но не так замечательно, как вы. Вы танцуете гораздо лучше меня.

На этот раз ты помог ей выйти из машины, проводил до дома, и, хотя поцелуй казался таким же невозможным, ты не испытывал ни унижения, ни огорчения.

Еще несколько раз ты приглашал ее в театр и на танцы. Однажды мистер Варне пригласил тебя пообедать с ними, и в назначенный день ты заехал за Люси на Оршад-авеню, где она брала уроки музыки, и привез ее домой. Ты уже не строил насчет нее фантазий, воображая легкую победу, с ней поза победителя становилась нелепой.

Дядя Люси, Том, был невысокий человек с лысой головой и приятными карими глазами, не лишенными пронизательности. Он занимался оптовой торговлей бакалейными товарами и был директором небольшого банка на краю города. В тот вечер он заявил в гостиной за обедом, чтобы ты не думал, что он безразличен к судьбе своей племянницы; он знает тебя как одного из самых надежных и многообещающих молодых людей города. "Очень приятно и типично для нового времени, что юноши так быстро делают деловую карьеру. Когда я был в вашем возрасте, то стоял за стойкой бакалейного магазина и получал четыре доллара в неделю".

Он не был Люси кровным родственником, тетушка Марта доводилась сестрой отцу Люси. И она искренне считала этот бездетный дом своим родным кровом.

Но у тебя возникло ощущение, что тетушке ты не нравишься, хотя она всегда встречала тебя приветливо и сердечно. Видно было, что Люси здесь любимица. Когда в тот вечер ты встал из-за стола, тетушка Марта сказала:

- Мне кажется, ваши вечеринки начинаются тогда, когда должны заканчиваться. Пожалуйста, не танцуйте до упада. Привезите ее домой пораньше, хорошо, мистер Сидни?

Тетушка Марта и дядюшка Том смертельно тебя утомили.

Ближе к концу мая Люси начала поговаривать о том, что поедет на лето домой. Через три недели ее учитель уедет в Европу до осени, и она отправится на ферму, где останется до его возвращения. А затем, возможно, поедет в Нью-Йорк; это будет даже лучше, только бы удалось убедить отца. Сейчас главное - поскорее уехать из города, где ей никогда не нравилось.

- Я слышал об одном местечке, на юг отсюда, - сказал ты. - За Кайахога-Фолл. Это очень глубокий каньон, его стены поднимаются на сотни футов, совершенно дикое место. Поедем туда в следующее воскресенье. На машине мы легко доберемся туда за два часа.

Ее дяде и тете эта идея не понравилась, но они понимали, что против них целое поколение, и раннее воскресное утро застало вас с Люси в дороге с огромной корзиной для завтрака на природе и с термосом кофе.

Вы не торопясь двигались мимо залитых солнцем полей и деревень и через два часа оказались на перекрестке дорог, который описывал Шварц, но вам пришлось потратить немало сил, чтобы найти каньон, скорее подступы к нему. Оставив машину на опушке леса, вы отправились на поиски пешком. Наконец узкая тропинка привела к почти отвесному обрыву, спуск по которому можно было осуществить, только цепляясь за корни и молодые деревца. На дне каньона протекал прозрачный быстрый ручей с берегами, заросшими травой и деревьями. Он находился так глубоко внизу, что даже вершины самых больших деревьев казались недостижимыми. Ты стоял на самом краю обрыва и с сомнением смотрел на крутую тропу.

- Все было бы проще, не будь с нами этой проклятой корзины, - сказал ты. - Как думаешь, ты сумеешь спуститься?

- Конечно, - заявила она. - Я всю жизнь съезжала вниз с огромных стогов сена, это ерунда. Дай мне корзину.

- Думаю, лучше первым пойду я, - ответил ты, не обращая внимания на ее предложение и совершенно не обидевшись на него, поскольку в ее голосе не прозвучало ни малейшей насмешки. - Если ты упадешь, я успею тебя удержать и с корзиной справлюсь.

Ты всегда боялся высоты и сейчас не на шутку испугался, но под взглядом ее серых глаз стал быстро спускаться, хватаясь за деревца и кустики, накануне надежно привязав корзину переброшенным через плечо ремнем.

Люси двинулась сразу за тобой. Она шла слишком близко от тебя, и было очень страшно, ведь в любую минуту девушка могла поскользнуться и упасть, сбив тебя с ног.

В руке у тебя сломалась сухая ветка, и пришлось ухватиться за спасительный выступ скалы. Люси крикнула, чтобы ты был осторожнее и не разбил термос. Внезапно ты оказался на дне каньона, на мягкой зеленой траве. Весело журчал ручей, а рядом стояла Люси. Ты посмотрел на нее; она покраснела от усилий и была прелестна.

- Термос я все-таки ухитрился не разбить, - усмехнулся ты.

- Нет, ты посмотри, как здесь здорово! Просто замечательно, жалко, что не бывала здесь прежде. И какой вкусный воздух!

Она склонилась к ручью, вымыла в его холодной воде руки, а потом вытерла их о предложенный тобой носовой платок.

Вы оставили корзину под деревом и вместе отправились исследовать русло ручья на милю или даже дальше, до того места, где его течение становилось стремительным из-за двух близко сходящихся грозных утесов. Вы швыряли ветки на мелкое место и наблюдали, как они кружились и исчезали в кипучей пене. Солнце, горячее, как в разгар лета, золотило своими лучами бурный поток.

- Между прочим, я уже проголодался. - заметил ты.

- А наш завтрак в миле отсюда! - сказала Люси. - Господи, а что, если его украли!

Вы бежали назад по берегу ручья, перепрыгивая через камни и упавшие ветви. Смеясь и задыхаясь, убедились, что корзину никто не тронул.

Тебе нравилось смотреть, как ела Люси. Ты уже обратил на это внимание, и сейчас, сидя на нагретом солнцем камне и жуя сэндвич перед безмятежной Люси, ты любовался ею. Вспоминал, как миссис Дэвис неуверенно отщипывала по кусочку крошечный сэндвич, который доставала из буфета после того, как вы с ней приводили себя в порядок и возвращались в гостиную. Ты помнил нервную манеру Эрмы обращаться с вилок и ножом и ее вечную привычку говорить, зачерпнув ложкой суп или нацепив кусочек на вилку, предоставляя кусочек пищи его судьбе.

Более четко ты помнил Миллисент с конфетами, которыми ты ее угощал, то, как ее тонкие пальчики, словно механизм, неумолимо двигались от коробки ко рту. Сейчас ее движения кажутся тебе ужасными, чудовищными, а тогда они тебя забавляли. В то время ты увлекался Омаром Хайямом и, сделав пародию на его стихи, процитировал ей:

"...от пальцев ее светоносных, снующих, зажегшись..."

Миллисент понятия не имела, о чем ты говоришь. Тебе доставляло истинное удовольствие смотреть на Люси.

Она сидела на постеленном на траву твоём свитере, и вскоре сэндвичи, огурцы и пирог исчезли, она ела так спокойно и естественно, что незаметно могла бы перейти к полевым цветам. Превыше

всего была грация ее движений, быстрый промельк белых зубов, откусывающих аккуратный кусочек точно и уверенно.

- Странно, что здесь не видно фиалок, - сказала она, озираясь. - Может, уже слишком поздно? Кажется, для них самое время. У нас дома есть один холм, который каждый год просто усыпан ими.

- Ты уже знаешь, когда уезжаешь?

- Девятнадцатого июня, со среды, ровно через две недели. Я рада уехать, но буду скучать без тебя. Я провела в Кливленде уже две зимы, и все были очень милы ко мне, но мне никто не нравился так, как ты.

Ты встал со своего импровизированного сиденья и опустился на колени, чтобы налить ей кофе. Она наклонилась вперед, подставив чашку, и ее лицо оказалось совсем рядом, и ты немного повернул голову и поцеловал ее в губы. Она быстро, но полностью приняла твой поцелуй, затем совсем не испуганно отпрянула и тихо сказала:

- Ты льешь кофе мимо.

Так оно и было; тонкая струйка кофе лилась прямо на носки твоих башмаков. Поставить термос на траву и обнять ее, чего тебе страстно хотелось, было слишком сложно. Ты наполнил чашку и протянул ей.

- Меня впервые поцеловали, - прошептала она.

- Не может быть!

- Правда. - Ее серьезные серые глаза чуть насмешливо блеснули. - Хотя если честно, то это первый раз, когда кому-то захотелось меня поцеловать.

- А твои братья и отец?

- А, они, конечно, целовали, в щеку.

- Но не хочешь же ты сказать... Должно быть, ребята...

Она засмеялась:

В школе один мальчик попытался меня поцеловать, но я так быстро отвернулась, что моя заколка оцарапала ему щеку. Он подумал, что я это сделала нарочно.

- А тебе понравилось, что я поцеловал тебя?

Она, не отвечая, отпила кофе.

- Люси, тебе понравился мой поцелуй?

- Да, понравился. - Затем торопливо добавила, когда ты придвинулся и наклонился:

- Только сейчас больше этого не делай. Наверное, мне нравится, чтобы меня целовали. Я часто думала, поцелуешь ли ты меня. Знаю, это мне нравится, и ты мне не безразличен.

Она взяла твою руку в свои, крепко сжала ее и, прежде чем ты сообразил, что она собирается сделать, подняла ее и прижала к своим губам. Затем она вскочила, смеясь, и задорно пригласила поймать ее, зная, что ты не сможешь. Тем не менее ты бросился за ней и, когда, споткнувшись об упавшую ветку, рухнул на землю, отказался от своей попытки и вернулся к уже остывшему кофе.

Через неделю вы снова поехали за город, но почти весь день лил дождь, и наконец вы, промокшие, продрогшие и голодные, вернулись в гостиницу за окраиной города. Люси, казалось, все было нипочем, но ты очень расстроился и, когда она спросила, в чем дело, мрачно заметил, что теперь осталось чуть больше недели до ее отъезда и что тебе будет одиноко без нее.

- Одиноко! - воскликнула она. - Да у тебя здесь столько друзей!

- У меня нет ни одного настоящего друга, за исключением тебя.

Она молчала и смотрела тем странным взглядом, который, ничего не говоря, выражал очень многое.

- А куда ты поедешь летом? - внезапно спросила она.

Ты важно ответил, что должен работать.

- У тебя не будет отпуска?

- Ну, может, съезжу домой на недельку. Могу взять и месяц, но там нечего делать. Могу отправиться в Нью-Йорк, я там никогда не был.

Снова задумчивое молчание. Наконец она сказала:

- А хочешь поехать к нам домой? Там летом здорово. Я научу тебя доить корову и дам тебе покататься на Беби.

Это было удивительно, мысль об этом не приходила тебе в голову даже в самых буйных фантазиях, но сейчас, когда она сама сказала об этом, все казалось естественным и очевидным.

- Но я не могу, - возразил я. - Твои родители никогда не слышали обо мне. Мой приезд покажется им странным, верно?

- О, я давно рассказала им о тебе. Да и все равно, это не имеет значения. Там никого не будет, кроме мамы с папой и Джима. Они с удовольствием встретят тебя.

- Не знаю, - с сомнением сказал ты. - Может, тебе стоит написать отцу, чтобы убедиться, что они не станут возражать против моего приезда.

Ты знал, что поедешь. Одной мысли, что ты будешь с Люси, было достаточно. Сейчас ты ясно видишь: здесь все было настоящим с начала до конца. Она - единственный человек, который не нуждался ни в чьих оправданиях. То, что она делала или говорила, не имело ни малейшего значения по сравнению с живым фактом ее бытия. Ты не можешь сейчас сказать, какие платья она надевала по разным поводам и даже какого они были цвета; вероятно, ты не мог бы этого сказать и сразу после вашего расставания, хотя обычно обращал внимание на одежду женщин и можешь припомнить бесчисленные платья Эрмы, Джейн, Миллисент, даже некоторые из туалетов миссис Дэвис, которые она носила двадцать пять лет назад - особенно то платье из переливчатого шелка, которое ты однажды неосторожно порвал, и она заплакала, а потом хохотала, глядя, как ты пытаешься его зашить. Что же носила Люси? На ней всегда были шляпы с большими полями, но тогда их носили все. Ты не помнишь, как она одевалась на танцы. Ты даже не помнишь, в каком она была платье, когда сбросила его, в тот замечательный день...

Разумеется, все это говорит о тебе и ничего о Люси.

Возьми, например, Дика, вряд ли он обращал внимание на одежду своих женщин, за исключением того, насколько быстро она расстегивается, и даже это его не интересовало, если он не видел в этом немедленной и практической необходимости. Он никогда не придавал значения своим отношениям к женщинам, не интересовался даже их внешностью, его не волновали ни быстролетность связи, ни нравственная сторона соития. Для него в жизни существовал лишь один интерес - бизнес.

Тем летом, когда ты сказал ему, что хочешь взять отпуск на целый месяц, он проявил бы полное безразличие к твоим намерениям, если бы они не задели его собственные планы.

- Конечно, само собой разумеется, бери отпуск на месяц, раз хочешь, - сказал он. - Но надеюсь, ты ничего такого не замышляешь. Потому что мы хотим вчетвером поехать в Нортвуд кормить комаров и Харпер, Пит Морленд и Слим Эндикот рассчитывали, что ты тоже с ними поедешь. Уезжаем приблизительно в середине июля. Мне стоило заранее тебя предупредить. Ты же поедешь, верно?

Тебя одолевало искушение; особенное удовольствие доставило тебе то, что Дик явно рассчитывал на тебя; ты подозревал, что в бесконечном вращении его расширяющихся интересов и дел ты постепенно смещаешься из безопасного центра к краю, где тебе угрожает бензопила. Ты с облегчением понял, что положение так же надежно, как и прежде, но это ставило тебя в затруднительное положение.

- Кое-что я запланировал, - нерешительно сказал ты. - Жалко, что я не знал об этом раньше, я бы обязательно поехал. А сейчас даже не знаю... Я собирался отсутствовать весь июль.

- О, и не думай. Мы решили переловить всю рыбу к северу от Великих озер. Харпер уже ездил туда. Он там устроил четыре каноэ и целое племя проводников. Поедем, там собирается целая флотилия.

Мысль о такой роскошной рыбалке соблазнила тебя.

Между тем Дик продолжал:

- А что ты собираешься делать, поедешь домой? Ты же был там на Рождество.

- Да, может быть, загляну туда на недельку, - ответил ты. - Думал съездить еще и в Нью-Йорк, но Люси Крофтс пригласила меня провести месяц у нее на ферме недалеко от Дейтона.

Дик вытаращил глаза:

- Черт побери! Ах ты, старый Ромео! Будь настороже, Билл! Она из тех подружек, которые становятся постоянными.

- Может быть. Я сказал ей, что поеду.

- Тогда поезжай. Не уверен, что ради этого я сам не пропустил бы поездку в Нортвуд, но через неделю мне бы это надоело. - Он усмехнулся и продолжал:

- А знаешь, она меня отвергла. В клубе "Хэмптон", помнишь, ты привез ее туда, месяц назад? Я пригласил ее пообедать, а потом пойти на шоу, но она сказала, что не может. Тогда я сказал, что мое предложение действительно на любой подходящий для нее день. Люси снова отказалась; я спросил ее, что она имеет против меня, а она сказала, что вовсе ничего, а просто не хочет идти. В точности то же самое она выложила и Чарли Харперу.

Значит, Дик пытался ее сманить! И этот здоровенный бугай Харпер, этот мордатый... Что ж, все нормально. И он не нарушил дружеского кодекса чести, что оправдывало бы это возмущение, но все равно ты был возмущен.

- Значит, не возражаешь, если я возьму отпуск с первого июля? - спросил ты.

- Да благослови тебя Бог! Ты попался. Думаю, она не больше настаивает на том, чтобы ты на ней женился, чем бутылка вина требует, чтобы ее выпили. Но так уж оно все устроено.

В тот вечер, провожая Люси, ты сказал, что приедешь к ней на весь июль.

Ты негодовал на Дика, возмущался этой компанией, бесился на себя за то, что бывал с ней в их обществе. Но особенное негодование вызывал в тебе Дик. Ты никогда не понимал, какое место в твоей душе он занимал, слишком с ним сросся. Где бы его, в конце концов, нашли, если бы тебя разрезали и стали бы разбирать всех, которые вросли в тебя? Вероятно, в желчном пузыре. А в сердце? Господи, да есть ли кто-нибудь в твоём сердце? Джейн, Люси, Ларри - сердце - это холл, населенный призраками, где всегда кто-то бывает, но никто не живет.

"Ты живешь в моем сердце!" Какой грязный обман!

Точнее сказать, где ты умер! Дика никогда не было в твоём сердце. Теперь понятно, что в тебе всегда, с самого первого дня дружбы жило чувство обиды, негодования. Или теперешняя ярость, обернувшаяся против всей твоей жизни, обманывает тебя?

А все-таки забавна эта идея о вскрытии. Этот акт должен стать принятым ритуалом, и результат вскрытия следует читать на похоронах, чтобы узнать, какое место близкие люди занимали при твоей жизни. "Леди и джентльмены, оглашаем результат официального вскрытия. Сердце - пусто, за исключением неустановленных следов. Печень - Джон Дои и Ричард Рой. Желчный пузырь - следующие тридцать человек... Желудок - миссис Хэтти Хилл, вдова и главная плакальщица. Выросшие после операции гланды - следующие семьдесят один..."

Что ж, вскрытие твоего тела не за горами, если ты останешься таким сумасшедшим, как кажешься сейчас.

Иди же, открой дверь, убей ее, покончи с ней навсегда.

А потом убей себя. Тебе это кажется невыполнимым, что ж, так оно и есть. Добавь этот исключительный шедевр к тем неразрешимым загадкам, которые уже представил себе... Так что же ты здесь делаешь?

Е

Он продолжал с раздражением прислушиваться к непрерывной возне миссис Джордан и неожиданно обнаружил, что поднялся еще на несколько ступенек. До первой лестничной площадки оставался еще один пролет, на ней жили две студентки театральной студии; одна из них поразительно напоминала его сестру Маргарет. Еще шаг, и появилась серая гипсовая статуя, стоящая в нише стены рядом с лампой под абажуром из прозрачной бумаги, которую он, проходя мимо, постоянно задевал разлетающимися полами пальто. Сотни раз ему приходилось поднимать и ставить ее на место.

Он рассматривал лампу, как будто видел ее в первый раз. А его слух автоматически фиксировал все движения миссис Джордан. Он не чувствовал самого себя, мысли бродили где-то в ином месте... Понимаешь ли ты, что собираешься сделать, продолжая подниматься по лестнице? Понимаешь ли, что совершенно не отдаешь себе отчета в том, что хочешь совершить?

5

Ты чувствовал это и раньше, правда не так остро, например в тот день, когда обедал в клубе со своим сыном. Интересно, а если бы он узнал, что доводится тебе сыном? Какое бы это имело значение? Что, если бы об этом знали окружающие тебя люди, твои друзья и знакомые? Скорее всего, они испытали бы лишь легкое любопытство; а может, некоторые из них уже побывали именно в таком же положении и за тем же самым столиком.

Пол было его имя. Ты называл его Полом. Это тоже кажется призрачным. Это было больше двух лет назад.

Для тебя обстановка клуба была знакома до мелочей, потому что вот уже в течение многих лет ты обедал здесь и проводил время по вечерам, но его присутствие сделало все странным и гротескным. Было такое ощущение, словно он был героем пьесы, а тебя вдруг вызвали из публики на сцену, чтобы вести с ним диалог, не зная текста.

До сих пор ты словно видишь перед собой тот листок голубоватой бумаги, который как-то обнаружил на своем столе среди груды почты.

"Дорогой мистер Сидни, - было в нем написано, - если Вы сможете на этой неделе уделить немного Вашего времени, мне бы хотелось кое о чем попросить Вас.

Это было много лет назад, но я надеюсь, Вы помните мое имя. С уважением, Эмили Дэвис.

Наверху были указаны адрес и телефон.

Все это было давным-давно забыто, и напоминание о былой страсти и о твоих нереализованных надеждах, теперь совершенно угасших и со временем ставших смешными и нелепыми, было немного неприятно. Ты не стал звонить сам, а поручил это секретарше, которая назначила встречу на следующий день.

Утром в офисе произошло что-то неожиданное, и ей пришлось ждать. Когда наконец она вошла и нерешительно остановилась в дверях, ты испытал настоящее потрясение. Она стала старухой. Все в ней обличало это: скромное и непритязательное темно-коричневое платье, бесформенная шляпка, то, как она стояла, растерянно помаргивая от яркого света, ее шаркающие шажки тебе

навстречу. Но в пожатии ее руки ты ощутил былую твердость и силу. Она смотрела на тебя искренне и дружелюбно, и ты видел в ее глазах прежнюю страсть.

- Маленький Уилли Сидни, - улыбнулась она. - Теперь, когда я тебя вижу, я понимаю, что напрасно столько времени колебалась. - Она огляделась. - Какой замечательный офис и ты так прекрасно выглядишь!

Ты попытался уверить, что она тоже замечательно выглядит.

- О, у меня все в прошлом, - ответила она без всяких признаков огорчения. - Но с твоей стороны очень любезно сказать это, ты всегда был очень милым мальчиком. Мне уже почти шестьдесят. Трудно поверить, но меня это не пугает.

Ты проводил ее к большому кожаному креслу в углу кабинета, взял стул и уселся напротив. Потребовалось воображение, чтобы в этой маленькой высохшей женщине ты узнал нежную красавицу миссис Дэвис. Может, только глаза и остались прежними.

Как выяснилось, она многое знала о тебе: год, когда ты приехал в Нью-Йорк, дату твоей женитьбы на Эрме, то, что у вас нет детей. Она коротко, но исчерпывающе поведала о своей жизни за эти годы. Мистер Дэвис целых семь лет имел частную практику юриста в Кливленде, не очень успешную, затем они переехали в Чикаго.

Там стало еще хуже, он едва зарабатывал, так что они кое-как сводили концы с концами; поэтому после его скоропостижной смерти от пневмонии жене и маленькому сыну досталась лишь его скромная страховка. Миссис Дэвис удалось получить место учительницы в чикагской школе. Она до сих пор там работает. В Нью-Йорк приехала всего на неделю с одной целью - повидать тебя. Ей с трудом удалось вырастить сына Пола, дать ему возможность закончить школу и поступить в чикагский университет.

- Я отношусь к вам лучше, чем вы отнеслись ко мне в Кливленде, - с улыбкой сказал ты. - Помните, я позвонил, а вы не пожелали со мной встретиться?

Она слегка смутилась:

- Я даже не ответила на твою записку, хотя хотела.

В ту ночь я плакала впервые за много лет. Но все было так понятно. Тебе было всего двадцать четыре года, а мне уже за сорок, и у меня был Пол, и я уже не была...

Да, когда-то я была привлекательной. Я была так рада, ты даже не представляешь себе, так счастлива, что ты помнил обо мне. - Она подняла на тебя взгляд и отвела его в сторону. - Собственно, причина моего визита заключается в Поле. Два года назад он закончил университет; сейчас ему двадцать четыре года. Он хороший мальчик и не ленивый, но я боюсь за него. Я думаю, что ты мог бы помочь.

- Где он сейчас?

- В Нью-Йорке, он живет здесь уже больше года.

Время от времени он устраивается на какую-нибудь работу, но мечтает стать скульптором. Какое-то время он учился этому в Чикаго и сейчас посвящает этому занятию так много времени, что не может много работать.

Это тебя насторожило, и ты задумался, что же за просьба за этим последует. Не хотела ли она, чтобы ты устроил его на работу? Ты стал расспрашивать ее без особого энтузиазма.

Она объяснила, что ему вряд ли подойдет какая-либо работа. То, о чем он мечтал и о чем она хотела просить, - это дать ему возможность изучать мастерство скульптора и практиковаться в нем. Она, конечно, не может судить, но преподаватели очень высоко отзывались о его работах. В Чикаго он был награжден премией, которая и позволила ему приехать в Нью-Йорк. Это была очень напряженная борьба. Больше всего он мечтает поехать на два-три года за границу. Именно об этом она и хотела поговорить, надеясь, что ты сможешь помочь.

Ты задумался.

- Если у него действительно есть талант, его обязательно нужно поддержать, - рассудительно согласился ты. - Ему необходимо найти спонсора, и это будет не очень сложно, так часто делается. Я могу поговорить об этом с Диком... то есть с мистером Карром.

Тебе казалось, что это предложение достаточно выгодное, но она думала о чем-то другом. Она прямо посмотрела на тебя.

- Я хотела, чтобы ты сам это сделал, - сказала она. - Видишь ли, ты его отец.

Ты изумленно уставился на нее.

- Я не хотела говорить об этом, - сказала она, - но, в конце концов, почему бы и нет? Джим умер, и мне нечего стыдиться. Пол родился через несколько месяцев после нашего переезда в Кливленд. Собственно, поэтому мы и переехали, я знала, что вскоре это произойдет, и тогда все стало бы еще хуже, чем было.

Ты начал заикаться:

- А вы... то есть... Не понимаю, как вы могли знать...

Странно было говорить на эту тему с этой старой седой женщиной.

- Я отлично это знаю, я уверена в этом.

- И как он выглядит?

- Он ни на кого особенно не похож. - Она улыбнулась, видимо тоже находя наш разговор забавным, и это сразу убедило больше, чем что-либо другое. - Тебе придется просто поверить мне на слово; странно, мне никогда не приходило в голову, что ты станешь сомневаться. Он не такой красавец, как ты, но его глаза немного похожи на твои. И он в самом деле очень умный мальчик.

Она сказала, что он в Нью-Йорке и, возможно, сейчас сидит у меня в приемной. Ты встревожился:

- Но я действительно не понимаю... Конечно, я не сомневаюсь, нисколько не сомневаюсь в том, что вы сказали... Но боже мой! Я был еще ребенком, кажется, мне было не больше семнадцати...

Она устремила на тебя немного жесткий, удивленный взгляд.

- Я совершенно в этом уверена, мистер Сидни, - сказала она.

- Что ж. - Ты встал со стула. - Что ж. - Подошел к окну и взглянул вниз, на улицу, с высоты тридцатого этажа, затем опять вернулся к столу и снова к окну. Стоя там и глядя на нее, вдруг рассмеялся. - Господи, да сейчас мы с ним едва ли не ровесники! - заметил ты. - Вы помните, как я всегда называл вас миссис Дэвис и вы просили меня называть вас Эмили, а я не смел?

Ее ответная улыбка, добродушная и дружеская, была исполнена спокойствия, которое ясно показывало, что для нее то время гораздо дальше, чем для тебя, - она уже пересекла середину жизни, которой ты еще не достиг.

Одна мысль вдруг поразила тебя, уже не сомнение, а любопытство:

- А почему вы не сказали мне об этом тогда?

- Не могла, - ответила она. - Раза два-три хотела сказать, но не смогла, не знаю почему. Из этого не вышло бы ничего хорошего. - Затем неожиданно, со вспышкой безыскусной игривости, которая нередко проявлялась и в старые времена:

- Может, я боялась, что ты станешь хвастаться.

- Он, конечно, ничего не знает?

- Господи, нет, конечно! - В ее взгляде промелькнула тревога: что, если этот бездетный богач пожелает не только помочь ее сыну, но и отнять его! - Нет, он не знает, И не должен узнать. Ему незачем это знать.

- Да, да, конечно, - успокоил ты ее. - Это был глупый вопрос. Безусловно, ему лучше не знать этого. А что касается помощи... Да, конечно, я бы с удовольствием...

Ты замолчал. Определенно эта седая школьная учительница была самым неопасным и честным человеком в мире, но, может, тебе стоит посоветоваться с адвокатом? Проявить обыкновенную предусмотрительность...

- Я бы с удовольствием познакомился с ним, - сказал ты.

Она сразу согласилась.

Обговорили подробности вашей встречи. Вы с Полом пообедаете вдвоем, без нее, так будет лучше. Она скажет ему, что ты ее бывший ученик из Огайо. Сошлись на том, что эта версия была предпочтительнее других, установили день и время встречи, и она дала тебе адрес Пола.

Затем встала и протянула руку.

- После нашей встречи мы с вами снова встретимся и все обсудим, - сказал ты.

Она кивнула, продолжая держать твою руку:

- Ты хороший мальчик, Уилли Сидни, и у тебя доброе сердце. Если я не говорю сыну, кто его отец, то это не потому, что я этого стыжусь. - Она улыбнулась сквозь слезы. - Если бы не ты, у меня не было бы Пола, а он - это все, что у меня есть.

После ее ухода ты должен был принять посетителей, которые уже ждали в приемной; им еще долго пришлось ждать, пока ты расхаживал по кабинету и стоял у окна. Это был действительно голос из прошлого, которое с годами стало казаться таким тоскливым и однообразным, что, если бы и будущее обещало быть таким же, следовало бы давно уже умереть. Итак, ты отец, у тебя есть сын. Ты не испытал от этого никакого особого волнения, больше того, еще не видев его, ты испытывал к нему легкую антипатию. Но в этом факте было нечто реальное, нечто такое, что можно было попробовать на зуб, нечто близкое тебе, без отвратительного привкуса фантома с его пустотой и никчемностью, который каким-то образом вкрадывался во все твои отношения с людьми и вещами.

Сын, которому уже двадцать четыре года! И он хочет стать скульптором. Тебе было чертовски приятно, что Пол не мечтает начать деловую карьеру. Это открывало множество возможностей, которые ты теперь рассматривал с острым наслаждением. Можно было уйти от Эрмы и поселиться с Полом где-нибудь в деревне, в Гринвич-Виллидж. Эрме ведь все равно - или нет? Или ты мог бросить все, включая осточертевший офис, уехать с Полом за границу и там поселиться. Вероятно, именно этого и хотел Пол. У тебя достаточно для этого денег, конечно, не столько, чтобы прожить в Европе всю жизнь, но достаточно. А можно и не бросать все; ты можешь сказать Эрме, что нашел себе юного протеже, обещающего молодого скульптора, и что хочешь, чтобы он жил с тобой. В доме полно места. Наверняка в Нью-Йорке можно найти таких же превосходных учителей, как и в Европе. Эрма не станет возражать, она всегда была безразлична к такого рода вещам.

Неожиданный поворот мыслей заставил тебя остановиться и громко, от всей души расхохотаться. Нет, конечно, Эрма не станет возражать. Тебе доставило странное удовольствие произнести вслух эти слова; ты не можешь пригласить своего сына жить с тобой и твоей женой, потому что она наверняка соблазнит его!

Наконец ты позвонил мисс Мэлоу и сказал, что готов к приему посетителей.

Через два дня ты встретился с ним. Он стоял в вестибюле клуба, неуверенный, держа шляпу в руке, когда служащий подошел к нему.

- Мистер Дэвис? Я мистер Сидни.

Позже, сидя в столовой за тарелкой супа, ты внимательно изучал его. Он был довольно бедно одет. Его руки, большие, сильные и не очень чистые, торчали из слишком коротких рукавов пиджака. У него были темные волосы и глаза, а на широком лице как-то кучно располагались

крупный нос и большой рот, как будто еще не решили, какое место им занять. Он совершенно не походил на миссис Дэвис; ты решил, что он действительно чем-то напоминает тебя, особенно телосложением.

- Какой вкусный суп, - заметил он.

У него был чуть хрипловатый, приятный и вовсе не застенчивый голос.

Теперь, когда он сидел напротив тебя и тебе уже не нужно было стараться представить его себе, ты радовался, что ничего не сказал Эрме и оставил при себе все эти глупые планы. Ты все с большей охотой склонялся к тому, чтобы признать свое отцовство как статистический факт, почему-то само по себе его присутствие здесь устанавливало это; и в то же время оно умаляло чувство близости, которое ты себе вообразил. Наблюдая за его разговором и манерой есть, ты почувствовал, как он отдаляется, целиком очерченный своим собственным, чуждым тебе кругом.

Твоя мать сказала, что ты хочешь учиться за границей, - заметил ты.

- Да, сэр, очень хочу. Это очень важно.

Он лишь во второй раз с первых минут вашей встречи сказал тебе: "Да, сэр".

- А там лучшие учителя, чем у нас, в Нью-Йорке?

Он объяснил, что дело не только в учителях. А в атмосфере, традициях, возможности видеть воочию работы великих мастеров. Он долго говорил об этом, страстно и откровенно, но со скрытой нервозностью, которая выдавала глубину и неистовость его желания. Ты размышлял, что в его возрасте ты не мог с такой же ясностью и умом говорить о своем желании писать, - мог ли ты сейчас, вот в чем вопрос. В этом мальчике также чувствовалась целеустремленность, скрытая самоуверенность, которую - ты улыбнулся - которую он точно унаследовал не от своего отца.

- Полагаю, ты мог бы там прожить на три тысячи в год.

- Даже меньше, - живо откликнулся он. - Наверняка меньше! Я бы сказал, хватило бы и двух тысяч. Это значит по сорок долларов в неделю. - Если действительно есть шанс, что вы сможете помочь мне уехать, - несколько смущенно продолжал он, - вы, конечно, пожелаете знать, заслуживаю ли я этого. У меня не так много работ, несколько статуэток и две или три группы, но вы можете прийти посмотреть на них... Я сказал маме, естественно, вы захотите на них взглянуть.

Ты ответил, что хотел бы посмотреть его работы, но не компетентен судить о них.

Видимо, решение ты уже принял, потому что в то время, как он продолжал говорить о своем ремесле и технических трудностях, ты почти не слушал. Ты думал о том, что три тысячи в год - разумеется, это должны быть три, а не две тысячи, - для тебя не проблема. Половину того, что ты откладываешь из зарплаты, каждый год можно добавлять к сбережениям. Семнадцать тысяч - это не так плохо. А может, тебе и не придется этого делать. Может, ты просто немного сократишь свои расходы, это даже лучше, Эрма определенно вложила бы половину, если бы ты захотел попросить ее, или даже всю сумму. Но ты чуть ли не с отвращением сразу отверг эту мысль. Ты хотел это сделать сам, ведь он был твоим сыном!

К концу вашей встречи ты практически дал ему обещание помочь и договорился о посещении его студии на следующий день.

Собственно, это была не студия, а маленькая комнатка с альковом на самом верхнем этаже старого дома, расположенного на одной из мрачных улиц к западу от Седьмой авеню, ниже Четырнадцатой улицы. Очевидно, он здесь работал, спал и даже обедал; занавеска из разрисованного холста скрывала старую ржавую плиту и маленькую раковину. По всей комнате были расставлены глиняные и гипсовые фигурки; выделялись бронзовый бюст девушки и две скульптурные группы из мрамора. Одна, довольно большая, изображала рабочих, поднимающих тяжелую балку. Группа была весьма интересной и впечатляла.

- Я работал над ней почти два года, - сказал Пол, - и все не так. Вот, посмотрите сюда.

Ты внимательно слушал и время от времени кивал головой. Он придвинул тебе стул, сбросив с него листы с набросками и куски черной материи, предложил сигарету и поднес зажженную спичку. И даже после его объяснений ты все равно считал эту скульптурную группу серьезной работой. Пол достал несколько больших папок.

- Кстати, - неожиданно сказал он, - чуть не забыл.

Для вас есть письмо от мамы.

Он вынул из кармана конверт и протянул тебе.

Ты открыл его и прочитал. Оно было почти таким же коротким, как и то, которое ты получил от нее в офисе.

Она благодарила тебя, говорила о том, что теперь может не беспокоиться за сына, и прощалась.

Ты удивленно посмотрел на Пола:

- Где она? Она не уехала?

Он кивнул:

- Вернулась в Чикаго, вчера. Понимаете, ей дали только неделю отпуска, надо выйти на работу утром в понедельник. - Он усмехнулся. - Господи, я уверен, она рада, что сбыла меня с рук.

Он открыл одну из папок и начал перелистывать наброски, разясняя их содержание. Ты одобрительно кивал, продолжая думать о седой учительнице, которая спешила вернуться в школу, чтобы заработать себе на жизнь, оставив сына и отца раскручивать эти сложные проблемы. Ты размышлял, почему она не пришла раньше и имело ли это значение. Что, если она привела бы тебе Пола до твоей женитьбы на Эрме?

Наконец просмотр рисунков закончился.

- Перед своим отъездом мама кое-что предложила, - с сомнением сказал он, - но я не знаю, понравится ли вам ее идея. Она взяла с меня обещание, что я попрошу вас. Понимаете, не важно, когда мне ехать, и я могу задержаться на месяц-два и сделать с вас бюст.

То есть если вы пожелаете. Не знаю, что у меня получится, но мне бы очень этого хотелось. У вас голова прекрасной формы и отнюдь не заурядное, выразительное лицо.

Если бы ты даже еще ничего не решил, после этого ты был бы окончательно побежден. Какой мудрой, простой и прямой оказалась миссис Дэвис!

- Она хотела, чтобы я предложил это вам как мою собственную идею, - продолжал Пол, - но, боюсь, это прозвучало бы немного нахально. Я же еще не состоявшийся мастер.

Это было бы забавно - иметь свой собственный бюст, подумал ты. Статую. И одну сделать с Эрмы, и пусть она за нее заплатит. Или с Дика. Или со старой миссис Стентон, она достаточно тщеславна, а денег у нее даже больше, чем у Карра. В конце концов, если ему нужна практика, почему бы нет? Если он смог сделать бюст этой девушки, почему он не сможет сделать твой бюст? Сделать его из мрамора или из бронзы? Тебе всегда больше нравился мрамор, белый мрамор, тебе нравилось ощущение дыхания плоти под его твердой поверхностью.

В следующий понедельник начались сеансы позирования.

Ты никому об этом не говорил, даже Эрме - тем более Эрме. И Джейн, хотя в то время ты виделся с ней чаще, чем прежде, в связи с проблемами Маргарет, из-за болезни и смерти матери, из-за поездки в Огайо на похороны.

Никто из вас, детей, не ездил туда после своего отъезда, хотя мать несколько раз приезжала в Нью-Йорк.

Каждый раз ты с Джейн уговаривали ее остаться, и каждый раз, становясь все более дряхлой и слабой, она отказывалась и возвращалась в Огайо, где жила в доме своей сестры Кори, в большом белом доме под сенью кленов.

Ты, Джейн, Маргарет и Роза поехали на похороны в одном поезде, Ларри приехал из Айдахо, это была его первая поездка с тех пор, как пять лет назад он покинул Огайо. Все было сделано до вашего прибытия, оставалась только неприятная роль вежливой скорби, потому что никто не ощущал острой потери. Мать давно уже умерла для всех вас. С Джейн, вероятно, было иначе, потому что между ней и матерью были близость и понимание, о которых младшие дети и не подозревали.

По всей видимости, Маргарет мысленно оставалась в Нью-Йорке, озабоченная своими проблемами, Роза, как всегда, была занята только своей внешностью, а Ларри, бесцельно слоняясь с крыльца в гостиную и обратно, не проявлял готовности что-либо делать. На следующий день вы поехали на кладбище в длинной цепи других машин и смотрели, как гроб с телом матери опускают в яму рядом с могилой вашего отца.

А утром следующего дня по предложению Джейн ты отправился с ней на площадь, в аптеку, и проторчал там битый час, пока она разговаривала с ее владельцем - с тем самым простаком, которого двадцать лет назад она просила тебя ей помочь уговорить. Осматривала стойки и полки, делала замечания по поводу всяких новшеств и изменений. Тебе предложили зайти за стойку и в память о прежних временах сделать себе содовую. Ты смотрел на Джейн с удивлением и завистью. Она получала удовольствие от этого визита! Ей действительно было интересно узнать, что старый кабинет, где хранились лекарства для лошадей и таблетки Виллатора, переделан в новую блестящую стойку, заполненную маленькими кожаными библиями, и что за предыдущий год было продано больше трех тысяч этих книжек, причем с каждой получена выгода в шесть центов.

Вы прошли вместе по Мейн-стрит, рука в руку, раскланиваясь в ответ на уважительные и сочувствующие поклоны старых друзей и знакомых.

- Все-таки мы чертовски дешево продали тогда аптеку! - заметила Джейн. - Она так удачно расположена, это просто золотое дно!

И при этом деньги ее интересовали меньше всех знакомых тебе людей.

В тот вечер вы все уехали в Нью-Йорк, пройдя пешком путь от большого белого дома, где умерла ваша мать, до нового кирпичного здания вокзала всего в трех кварталах от него. Ты заказал для трех женщин купе в салон-вагоне и отдельное купе для себя и Ларри, который, добравшись до самого Огайо, уступил просьбам Джейн ненадолго съездить в Нью-Йорк.

- А что там происходит между Маргарет и Розой? - спросил Ларри, когда вы ставили багаж в углу купе и снимали пальто после отправления поезда. - Они ведут себя так, как будто готовы съесть друг дружку.

- Они бы и съели, - ответил ты. - Девочки здорово поссорились.

- Из-за чего?

- Маргарет собирается стать соответчиком в суде, а Роза не хочет, чтобы она это делала.

Ларри, наклонившийся в этот момент, чтобы достать из сумки журнал, удивленно воззрился на тебя.

- Не спрашивай меня, - поспешно сказал ты. - Я действительно много чего здесь не понимаю, но нам придется этим заняться. Можешь спокойно выбросить свой журнал, эта поездка зарезервирована для семейного совета. Джейн попросила, чтобы мы пришли к ним, как только устроимся.

По-видимому, Ларри эта перспектива понравилась еще меньше, чем тебе, вообще же ни он, ни ты никаким образом не были затронуты этим делом; твое смущение происходило от твоего полного бездействия. Джейн пришлось неизбежно быть вовлеченной в это, ибо обе сестры апеллировали к ней, и, собственно, мы должны были помочь Джейн. Помочь самой Джейн!

У дверей в салон-вагон ты позвонил, и когда вы вошли на приглашение Джейн, то, судя по всему, прервали Розу на полуслове. Она сидела, поджав под себя ноги, на длинном диване, курила сигарету, ее глаза сверкали, а тяжелая масса коротких темных волос пребывала в живописном беспорядке. Маргарет устроилась напротив и подвинулась, давая место Ларри, а потом снова перевела взгляд на Розу.

- Повтори еще раз, чтобы это мог слышать глава семьи, - сказала она, кинув взгляд на тебя, после чего обернулась к Ларри:

- Я не очень хорошо тебя знаю, хотя ты мой брат, но ты выглядишь приятным человеком. Ты веришь в любовь сестры?

- Не принимай меня во внимание, - столь поспешно отреагировал Ларри, что все, включая Розу, рассмеялись.

- И что касается меня - тоже, - вставил ты. - Маргарет, это не тот случай, чтобы кивать на меня. Я не глава семьи. Мы пришли только потому, что нас пригласила Джейн.

- Давайте каждый выступит минут на двадцать, а потом мы проголосуем, - язвительно предложила Маргарет.

- И ты бы обсуждала каждого, только не себя, - отрезала Роза.

- Может, Билл и не глава семьи, - сказала Джейн, - но голова у него варит лучше, чем у каждого из нас. Мне хотелось бы, чтобы девочки, в первую очередь, обратились к нему и сделали так, как он скажет.

- Это не для меня, - заявила Маргарет.

- И не для меня, - сказала Роза.

- Спасибо, - поблагодарил ты, - я и не напрашивался. - И сделал движение, чтобы встать, но Джейн остановила тебя. - Все равно я не понимаю, в чем тут дело, - продолжал ты. - За исключением того, что чья-то жена собирается добиться развода, доказывая, что Маргарет украла у нее мужа, и Розе это не нравится, потому что, если имя ее сестры попадет в газеты, у нее возникнут проблемы с замужеством, ведь жених, кажется, благородный отпрыск семейства, занимающегося оптовой торговлей кожей.

Твое заявление вызвало двойной взрыв. Роза закричала, перекрывая грохот поезда, что ее жених вовсе не торговец. Он из старинной и утонченной семьи, и, поскольку она познакомилась с ним в доме Эрмы, твои насмешки над ним просто неприличны; в то же время Маргарет заявила, что она ни у кого не крада мужа и что он был не кто-то, а всемирно известный ученый и великий человек.

- Конечно, - согласилась Роза, - вот поэтому и заварилась такая каша. Господи, что станут нести всякие бульварные газетенки!

- Они обольют все грязью, - констатировала Маргарет.

- Они смешают с грязью тебя и меня заодно. - Роза взывала к вам всем. - Я не прошу ее бросить своего великого человека. Хотя если бы вы его видели...

- Я его видела, - сказала Джейн. - Такое поведение не делает тебе чести, Роза. Именно это, прежде всего, и оскорбляет Маргарет, и я ее не виню.

- Ладно, он великолепен, - уступила Роза. - Я прошу ее только об одном - как-нибудь затянуть это дело до тех пор, пока я не выйду замуж. Она могла бы уехать куда-нибудь на несколько месяцев или, по крайней мере, оставить его и пожить у тебя. Она вполне может провести весну и лето на ранчо Ларри, правда, Ларри?

Ларри встрепенулся и откашлялся:

- Конечно, Маргарет, если хочешь, пожалуйста.

Он выглядел в высшей степени озадаченным.

Маргарет повернулась на стуле, чтобы прямо взглянуть на сестру.

- Роза, у тебя замечательный талант - бросать провокационные и оскорбительные фразы. Не знаю, если бы дело касалось другого, я охотно пожертвовала бы чем угодно, но не ради твоих удобств. Бог видит, я так же подвержена человеческим слабостям, как и любой человек. "Оставить его!" Джейн все известно, но не Ларри и Биллу, а ты намеренно пытаешься настроить их против меня, надеясь, что они начнут меня запугивать. Но меня не запугаешь, и мы с доктором Эмсенем намерены делать то, что хотим, хотя ему это дорого стоит. - У нее дрогнул голос, она закусила нижнюю губу и замолчала. А затем вдруг взорвалась:

- Ты эгоистичная и злобная тварь! - и залилась слезами.

Ларри осторожно похлопал ее по плечу. Роза с насмешливой миной закурила новую сигарету.

- Так оно и есть, - сказала Джейн Розе. - Ты всегда была такой и сама это знаешь, так что ничего не поделаешь. Если бы только миссис Эмсен решила пойти на развод год назад! Теперь все было бы уже позади. - Джейн вздохнула. - Придется мне с ней встретиться.

- Не смей! - воскликнула Маргарет. - Нам не нужно от нее никаких поблажек!

Это снова вызвало ярость Розы. Джейн пришлось пересесть к ней, а ты придвинулся поближе к окну, глядя на быстро сменяющуюся панораму полей, домов, деревьев, окутанных вечерним туманом, прислушиваясь к словесным укусам Маргарет и Розы, к тщетным попыткам Джейн успокоить их, призвать к взаимопониманию и соблюдению приличий. Тебя удивляли весь этот шум и крик. Слезы Маргарет, сверкающие гневом глаза Розы; откуда, думал ты, все эти горячие волнения из-за вещей, которые со временем заморозят нас своей скукой?

Но ты по-своему завидовал им. А сейчас? Тоже завидуешь? Ах, сейчас стать замороженным, скучающим было бы настоящим благословением небес! Что скажет Роза и ее почтенная семья, когда услышат об этом? Что Маргарет и Ларри... Э, да им не о чем будет слышать!

Ничего не происходит, и не произойдет ничего такого.

Что, если бы все они сейчас были здесь, что, если бы они неожиданно появились вокруг тебя на этой лестнице? Ларри потрепал бы тебя по плечу, а Роза сказала бы:

"Ничего себе, в хорошую же грязь ты нас втянул! Давайте лучше постоим здесь, пока Джейн не поговорит с этой женщиной". Только, имея склонность к резким выражениям во время волнения, она, вероятно, сказала бы: "с этой проституткой". И ты бы согласился. Джейн пошла бы, благослови ее Бог. Но этого, конечно, не произойдет. Повернуть бы, уйти отсюда, пойти к сестре и положить голову ей на колени...

F

Он снова остановился и замер, губы его шевелились, словно в разговоре с лампой в пергаментном абажуре, потому что он смотрел прямо на нее, но слышно ничего не было. Его губы шептали имя Джейн.

Обернувшись назад, он взглянул вниз и испуганно вздрогнул, заметив на стене чью-то темную фигуру, но тут же понял, что это боковая сторона высокой рамы зеркала. Он старался не глядеть в зеркало, когда проходил мимо, и сейчас пожалел, что не сделал этого; он захотел узнать, как выглядит его лицо; на улице было такое ощущение, как будто люди с удивлением оборачиваются и смотрят ему вслед.

Миссис Джордан еще находилась внизу, он понял это по доносящимся оттуда звукам, но сейчас ему показалось, что он слышит еще какой-то шум, выше, торопливо обернувшись, он посмотрел на дверь, выходящую на первую площадку. Она была закрыта, щель под ней была темной. "Эти девушки не должны сейчас находиться дома, - подумал он, - по вечерам они всегда уходят".

Их отсутствие было одним из благоприятных условий, на которые он рассчитывал.

"Ах, ты рассчитывал, - с горечью сказал ему какой-то голос. - Ты можешь на это рассчитывать, ты можешь рассчитывать на все, что угодно, только не на самого себя..."

6

Ты всегда предавал себя, и, что самое ужасное, именно в те моменты, когда тебе больше всего нужна была сила духа, которую невозможно ни занять, ни изобразить.

И при этом ты сознавал, что показная уверенность - это еще не все, потому что зачастую вопрос заключался не в стойкости и силе духа, а всего лишь в проблеме позволить твоим подлинным импульсам жить и расти.

Ты играл с ними, как кошка играет с мышью, и с таким же результатом. Ни героизма аскета, ни куража гедониста. Ба, опять пустые фразы! Какое отношение героизм или кураж имеют к тому, что ты задумал? Если бы эти качества были единственным, чего тебе недостает! Тебя вечно терзают какие-то страхи и колебания, в последнюю минуту ты подло отказываешься от принятого решения, убегаешь, прячешься в себе! Господи, да ты такой трус, что способен захлебнуться собственной слюной.

Однако если быть точным, то тобой руководил вовсе не страх, а скорее эта проклятая врожденная склонность к бегству от решительных поступков. В самом деле, с чего было бояться Люси, наслаждений, которые она обещала и могла тебе подарить в будущем. В действительности ты сомневался, объяснялось ли твое поведение с ней надеждой, которая вновь замаячила перед тобой с возвращением Эрмы, ставшей с тобой по-прежнему сердечной и внимательной.

Видимо, так оно и было. Ты не возмутился при этой мысли, а, напротив, с облегчением смирился. В доводах холодных, практичных расчетов не было никакой слабости, ничего такого, чего мог бы стыдиться человек.

Во всей ужасной истории с Люси с твоей стороны не было и признака поведения человека, сделавшего выбор, пусть продиктованный лишь тенью надежды. Это было лишь трусливое уклонение от поступка.

Ты был почти уверен, что собираешься жениться на Люси, в тот день, когда откинулся на спинку сиденья в пульмановском вагоне с нераскрытым журналом на коленях, тогда как поезд мчался мимо просторных полей к Дейтону, где она должна была тебя встретить. Она уехала из Кливленда двенадцать дней назад, и все это время тебе было одиноко и сиротливо. Ты размышлял, каким может получиться ваш брак, но с раздражением видел, что эти размышления ни к чему не приводят, ты никак не мог представить себя ее мужем. Впрочем, думать об этом без Люси было положительно невозможно.

Ты радовался, что у тебя хватило ума не поехать с Диком; провести с ними целый месяц на севере, зная, что все это время ты мог быть с Люси! Даже думать об этом было невыносимо.

Люси встретила тебя на вокзале в Дейтоне. Вы покатали на запад в ее маленьком автомобиле с откидным верхом; вам пришлось проехать пятнадцать миль при свете заходящего солнца. Ты и не знал, что она водит машину, и сейчас пришел к выводу, что она справляется с этим гораздо лучше тебя.

Размеры их фермы и множество крепких построек поражали. По одной стороне дороги в зарослях прекрасных старых деревьев показался дом; напротив, в удалении от дороги, располагалось больше дюжины сараев, амбаров и загонов для скота, все строения сверкали свежей белой и желтой краской. Ты не ожидал увидеть такого великолепного хозяйства. Ее отец, бывший издателем и редактором какой-то газеты, в среднем возрасте отказался от своей профессии, приобрел ферму и занялся разведением породистого скота.

Из всех знакомых тебе людей отца и мать Люси ты понимал меньше всего. Они явно были здоровыми и довольными жизнью людьми, но при этом казалось, что они не имеют к хозяйству абсолютно никакого отношения, даже к тем вопросам, которые касались их самым тесным образом. Безусловно, мистер Крофтс очень активно интересовался прекрасными животными, наполняющими его конюшни и сараи, и добился в их разведении большого успеха; но если ты заводил о них речь, он вел себя так, как будто они были существами иного мира и не имели к нему ни малейшего отношения. У него была огромная библиотека, и читал он очень много, но, если ты спрашивал его о какой-либо книге, он всегда отвечал, что читал ее давно и уже забыл содержание. Такой же была и миссис Крофтс, она говорила то же самое и таким же равнодушным голосом. Они были неразлучны: вместе трудились со своими работниками на поле, вместе скакали по полям и деревенским дорогам, вместе играли в теннис на прекрасно оборудованном корте за просторным фруктовым садом.

Поэтому в отношении родителей к Люси не было ничего странного, оно составляло часть их общей манеры поведения. От нее ничего не ждали, ею ни в коей мере не пренебрегали. Между ними не наблюдалось обычной родственной близости. Люси находилась дома на правах привилегированной пансионерки, приехавшей отдохнуть на лето. Ты с некоторым волнением и нервозностью ожидал смущающего приема, чрезмерно сердечных рукопожатий и оценивающей проверки со стороны отца, подчеркнутой дружелюбности со стороны матери.

Ничего подобного! Тебя любезно приветствовали, а дальше целиком предоставили заботам Люси, и больше никто тобой не интересовался. Было такое ощущение, что, если бы Люси решила объявить им, что ждет ребенка, они сказали бы: "Понятно. И что ты собираешься делать? Мы можем как-то помочь?"

Между вами не было ничего, что могло поставить Люси в это тривиально затруднительное положение. Вы по многу часов катались верхом, - ты на ее маленькой кобыле Беби, Люси на одном из самых бешеных и непредсказуемых жеребцов из главных конюшен; играли в теннис, читали, собирали ягоды, два-три раза ходили ловить рыбу. Иногда вас сопровождал ее младший, брат, молчаливый стройный паренек лет тринадцати, но обычно вы с Люси были предоставлены самим себе. Ты однажды попытался выдоить огромную коричневую корову, хвост которой придерживала Люси, чтобы она не хлестнула тебя по глазам. Невероятно раздутое вымя выглядело так, как будто в нем было не меньше десяти галлонов молока, но ты не смог выжать из него ни капли.

- Так она тебе не даст молока, ты ее щиплешь, - сказала Люси. - Давай покажу еще раз.

В ведро ударили тугие струи жирного молока, образуя пышную пену.

Поездка на рыбную ловлю оба раза оказалась неудачной. В первый раз вы отправились на озеро, скорее даже пруд, находящийся в двадцати милях от усадьбы, где, по слухам, в изобилии водились окуни, но к ночи вернулись с пустыми руками, грязные, промокшие и донельзя уставшие. Во второй раз, уже не такие уверенные в себе, пустились пешком по полям, перевалили через поросший леском холм и спустились к небольшому ручью, который прихотливой змейкой вился по равнине и исчезал в каменистой местности среди кустарника. Вы пробирались вдоль его течения на сотни ярдов, пытаясь ловить во всех омутах, и добыли всего два-три маленьких подкаменщика.

- Ничего не понимаю, - сказала Люси. - Прошлым летом мы ловили здесь лунную рыбу длиной с локоть.

Ты сидел рядом с ней на берегу, лениво кидая гальку в заводь. На этой стороне ручья к самой воде спускалась зеленая лужайка; противоположный берег был каменистым, там лишь местами поднимались одинокие деревья.

Было тихо, жарко и дремотно; слышалось только приглушенное журчание ручья, прокладывающего себе путь по усеянному обломками скал ложу, да где-то вдалеке бранились вороны.

- Значит, твоему отцу принадлежат все эти земли? У него много земли, - заметил ты.

Она кивнула и, помолчав, сказала:

- Прошлым летом я читала книгу, в которой говорится, что никто не имеет права владеть землей.

Откинувшись на мягкую траву, ты посмотрел на нее:

- И ты этому веришь?

- Не знаю, - серьезно нахмурилась она. - Вообще-то я не верю ничему, что должны делать люди. Не понимаю, какое право кто-либо имеет указывать нам, как мы должны поступать?

- Но я имею право сказать тебе, чтобы ты не дергала меня за волосы? - осведомился ты.

- Не имеешь. У тебя есть только право взамен дернуть меня - если сумеешь.

Она быстро протянула руку и, схватив полную горсть твоих густых волос, резко дернула их. Ты взвыл, схватил ее за руку, вскочил на ноги и обхватил Люси. Сцепившись, вы кубарем покатались по лужайке и едва не свалились в ручей. Она почти не уступала тебе в силе. Ты победил, оседлал ее и, крепко прижимая к воде, свободной рукой брызгал прямо ей в лицо, требуя, чтобы Люси сдалась.

- А мне нравится. Вода такая прохладная и приятная, - сказала девушка, не сопротивляясь.

Но ты почему-то встал и сел чуть поодаль на траву.

Она тоже поднялась на ноги, пригладила волосы, оправила платье и зачерпнула полные ладони воды.

- Я хожу сюда купаться, - задумчиво сказала Люси. - Детьми мы всегда ходили купаться вместе: два старших брата и я, но, когда Март начал ходить в школу, он сказал, что больше не будет ходить с нами, если мы не будем надевать купальные костюмы, а мне этого не хотелось, и он не разрешал мне купаться. Он стоял здесь у самой воды и отгонял меня веткой. Джон был на его стороне, и мне пришлось сдаться. Но я все равно не носила купальник, поэтому приходила плавать одна.

Ты что-то вспомнил и спросил:

- Так вот где ты была вчера, когда я нигде не мог тебя найти?

Она кивнула, как будто это было совершенно не важно, вынула руки из воды, вытерла их о край юбки.

Слегка загоревшая на солнце, с легкими веснушками на нежной золотистой коже, она была прекраснее, чем обычно. Ты представил ее стоящей по колена в воде; неужели она вся такая нежно-золотистая?

Задумчиво глядя ей в лицо, ты сказал:

- Ты сейчас очень красивая.

Она тут же ответила, вернув тебе взгляд:

- Приятно, что ты так думаешь. Но что ты имеешь в виду, когда говоришь - сейчас?

- Не знаю... Наверное, когда сидишь здесь, омытая солнечным светом... Никогда не видел девушки прекраснее тебя.

Она молчала. Через некоторое время ты сказал:

- Слушай, Люси, давай искупаемся вместе, а?

- Ты хочешь сказать, раздетыми?

- Конечно, а почему нет? Какая разница!

Какое-то время она с изумлением смотрела на тебя, затем в ее глазах сверкнул огонек, и вдруг она рассмеялась:

- Что ж, это будет забавно. Мне нравится эта идея, только я не стану.

- Почему? Пойдем, какое кому дело? Прошу тебя.

Она замолчала, но в глазах ее по-прежнему сверкали смешинки.

- Не знаю. Конечно, для этого нет никаких препятствий, только вряд ли я на это пойду. Боюсь, я буду чувствовать себя глупо.

Ты уговаривал и просил ее, но она оставалась непреклонной. Пришлось отступить, и ты нарочито надулся, но она, казалось, этого не замечала, и тебе пришлось окончательно сдаться; рядом с ней невозможно было находиться в плохом настроении. Она предложила еще раз порыбачить, и вы соприкасались головой, когда заглядывали в банку с червями, чтобы посмотреть, сколько их осталось.

В ту ночь, лежа в постели, ты подумал, что это было первое легкое недоразумение между вами. Ты размышлял об этом, потому что на душе у тебя непонятно почему было неуютно. Так естественно сохранялись ваши дружеские отношения, что, если попытаться по-настоящему поссориться с ней? Но ты не мог представить ссору с ней, а ведь она не была ни холодной, ни безвольной, ни слишком уступчивой. Несмотря на упорные попытки решить эту приятную загадку, к тебе незаметно подкрался сон.

Затем чередой прошли несколько дождливых дней; вы катались на машине в Дейтон и обратно, по вечерам пытались играть в шахматы с мистером Крофтсом, но ты нашел его слишком искусным игроком. Он играл с безразличным выражением лица, словно маленькие деревянные фигурки двигались лишь по прихоти природы и ему было не очень интересно, как они пойдут в следующий раз.

В ту ночь небо прояснилось, и наутро уже сияло солнце. К полудню воздух прогрелся, но подул легкий свежий ветерок, покачивая головки маков. Ты не обрадовался, потому что приближался конец июля и вскоре предстояло возвращаться в Кливленд, а тебе так нравилось бродить с Люси по лесам и полям под веселым солнцем. В тот день она предложила погулять, и вы вместе зашагали к лесистому холму, с вершины которого опретью сбегали к берегу ручья. Вы прошли вдоль его русла, пробираясь сквозь густые заросли кустов, и оказались на краю заводи, где сидели два дня назад. Ты слегка удивился, так как не представлял, что вы успели так далеко забраться. Люси привела тебя сюда намеренно. И здесь она сразу же, без вступления, объявила:

- В тот раз я сглупила. Давай искупаемся.

Прежде чем ты успел сообразить, что происходит, она сбросила туфли и чулки, сдернула с себя платье и нижнее белье и нырнула в заводу. Сначала Люси исчезла под водой, затем вынырнула и поплыла к дальнему краю заводи, где остановилась в воде по колено, выжимая волосы и разбрасывая вокруг сверкающие брызги.

- Ты идешь? - позвала она.

Кое-как дрожащими пальцами ты развязал шнурки на туфлях и расстегнул пуговицы. Сложил свою одежду аккуратным свертком, после чего остановился у воды, чувствуя себя ужасно обнаженным. Люси взмахнула головой, и тяжелое облако ее волос упало ей на плечи, спускаясь ниже талии.

- Здесь можно нырять? - спросил ты.

- Да, здесь глубоко, с головкой.

Ты нырнул, но слишком плоско и ударился животом о воду. Ты доплыл до другого берега и вышел из воды рядом с ней.

- Я забыла про волосы, - с сожалением сказала она. - Теперь им долго сохнуть.

- Ничего, сегодня очень жарко, - заметил ты. - И до чего же вода теплая! Я думал, она холоднее.

Ты хотел повернуться и посмотреть на нее, но не мог.

Так ты и не смог этого сделать, хотя вы вместе ныряли, сидели на берегу, греясь на солнышке, и снова забирались в воду и плавали. Перед тобой мелькали ее белые руки и ноги, маленькая крепкая грудь, красивый изгиб бедер.

Сидя рядом с ней на траве, ты разглядывал ее ступни, восхищаясь ровными изящными пальчиками с прозрачными розовыми ноготками, стройным и гладким подъемом ее щиколотки. Она не была совершенно нагой, потому что длинные пряди волос, блестящие от влаги, покрывали все ее тело, которое просвечивало сквозь них то там, то здесь, как солнечный свет проникает сквозь вино.

- Жалко, что мы не захватили полотенце, - сказала она. - Моя одежда тоже намочила, мы ее всю забрызгали.

Ты не отвечал. Ты думал, как это было бы естественно и восхитительно повернуться к ней, сидящей рядом, и сказать: "Люси, я люблю тебя. Ты выйдешь за меня замуж?"

Интересно, что она ответит. Тебе казалось, что Ты знал это. Но ты ничего не сказал.

Чуть позже, одевшись, вы лениво шагали под палящим солнцем к дому, через сад. Мистер и миссис Крофтс играли в теннис, и вы с Люси уселись в тени на искривленный ствол какого-то дерева и наблюдали за игрой.

Тут появился Абрахам, негр-итенок, помощник повара, и принес кувшин с лимонадом и несколько стаканов. Игру отложили.

- Что это с твоими волосами? - спросила миссис Крофтс.

- Они еще не высохли, - сказала Люси. - Мы ходили купаться.

Мистер Крофтс, с удовольствием смакуя холодный лимонад, заметил, что игра в теннис полезнее, потому что заставляет потеть.

Через несколько дней, в последний день июля, Люси отвезла тебя в Дейтон к дневному поезду на Кливленд.

С вами поехал ее отец, у которого были какие-то дела в городе. На следующее утро тебе нужно было выйти на работу.

Чего же ты хотел, чего ожидал? Ты говорил себе, что Люси интересуется музыкой, намереваясь серьезно ею заняться, но ты знал, что это все пустая болтовня. Она заявила, что у нее отпуск, и за все время ни разу не села за инструмент и даже не заговаривала об этом. "Интересно, есть ли у нее хоть какой-то талант?" - раздумывал ты и приходил к выводу, что, скорее всего, нет. Во всяком случае, это совершенно неизбежно - жениться на ней. Можно было не торопиться, ей было всего девятнадцать, то есть она всего на шесть лет младше тебя, в самый раз. А тем временем тебе предстояло провести в одиночестве полтора месяца до ее возвращения. Но почему же, в конце концов, между вами ничего не произошло? Ты поцеловал ее всего один раз, в тот весенний день в Кливленде, когда пролил кофе. Сколько неиспользованных возможностей! Может, она не собиралась и не хотела выходить замуж, потому что еще не созрела для брака. Но нет, ясно, нужно будет жениться. А забавными тестем и тещей станут ее родители, они достаточно обеспечены, их нечего будет стыдиться. Хорошо, что они совершенно иные, чем эти ужасные дядя и тетя Люси в Кливленде.

Любит ли тебя Люси? Да. Нет. Что бы она ответила, если бы ты спросил ее, любит ли она тебя? Возможно, она этого и сама не знала, но если бы ты попросил ее стать твоей женой, Люси сразу бы согласилась. Теперь ты знал только одно - ничего не произошло; сидя в поезде,

приближающемся к вокзалу Кливленда, ты вдруг почувствовал себя уставшим и опустошенным. Ты решил, что напишешь ей письмо, в котором попросишь ее выйти за тебя замуж.

На следующий день, появившись в офисе, ты столкнулся с трудными проблемами. Дик должен был вернуться только через две недели, и на тебя обрушились вопросы, которые в ином случае должен был решать он сам. Тебе в этом почудилось нечто недоброе, поскольку пределы твоих полномочий никогда четко не оговаривались. Позднее выяснилось, что в сделке по Питтсбургу Джексон намеренно подставил тебя.

Днем в кабинет вошла секретарша Дика и передала тебе письмо.

- В основном я занимаюсь личной корреспонденцией мистера Карра, - сказала она, - но здесь, кажется, ничего не смогу сделать. Я послала мистеру Карру телеграмму, но, вероятно, он получит ее только через неделю.

Письмо было из Вены от Эрмы. Она сообщала, что уезжает в Америку, неделю проведет в Нью-Йорке, а потом прибудет в Кливленд, где, возможно, проведет осень и зиму. Не может ли Дик, как хороший брат, дать указания, чтобы ее дом привели в порядок? Ей до смерти надоели отели.

На следующий день пришла телеграмма, извещающая о ее прибытии в четверг. Ты немедленно поехал на Вутон-авеню проверить, что из твоих инструкций уже выполнено.

Это было твое самое живое воспоминание об Эрме.

Августовское утро на грязном вокзале Кливленда, и она, спускающаяся на платформу, подобно волшебной принцессе, в кружевах и цветах, овеянная свежестью, окруженная носильщиками, тащившими свертки и чемоданы. Ты ожидал увидеть толпу встречающих, но, видимо, Эрма известила о своем приезде одного Дика.

Ты поспешил ей навстречу, а она помахала тебе рукой и крикнула:

- Билл! Как это мило!

Ты объяснил, что Дика нет в городе. Эрма поцеловала тебя в щеку, отчего ты покраснел.

- Нужно же мне хоть кого-то поцеловать! - воскликнула она. - Ты не против? Ну все равно, такого симпатичного, как ты, обязательно нужно было поцеловать.

Думаю, американцы бреются тщательнее европейцев - у них на щеках всегда легкая щетина. А Дик должен быть стыдно, что он торчит где-то в лесу, когда я приехала домой. Господи, подумать только, я не была здесь больше года!

Как она была великолепна, ошеломительна, как сводила с ума, в своем дорожном бордовом костюме, ловко облегающем стройную фигурку, в бордовых туфлях на невероятно тонком и высоком каблуке, в бархатной бордовой шляпке, но, главное, ее овеял аромат неведомых земель и незнакомых духов. Ты сказал себе, что она настоящая красавица. Она резко отличалась от тех лукавых и уверенных девиц, с которыми ты сразу чувствовал себя униженным и смущенным.

Вы поехали к ней домой, и какое-то время ты провел с ней, показывая произведенные по твоему указанию приготовления, сожалел, что было мало времени, чтобы закончить все, и наконец остался с ней на ленч.

Вернувшись в офис и сидя за рабочим столом у себя в кабинете, ты думал, что, если бы женился на ней, тоже мог бы поехать в Европу.

С возвращением Дика ты с облегчением вздохнул; тебе становилось все труднее управляться с делами в офисе без него. Он набросился на работу с решительностью, от которой у тебя захватило дух, и вечером по его возвращении состоялось совещание, затянувшееся за полночь, потому что всех, кто был в курсе, беспокоили дела по Питтсбургу.

На следующее утро тебя вызвали в кабинет Дика. Засунув руки в карманы брюк, он с недовольным лицом расхаживал по ковру.

- Билл, - резко заговорил он, - какого черта ты хотел сказать этим своим письмом Фэреллу? Ты раскрыл наши карты, и они обвели нас вокруг пальца. За последние два года это был самый большой кусок, который нам достался, а мы его потеряли. Вчера я ничего не стал говорить при всех, но, боже мой, я не понимаю, о чем ты думаешь!

Ты этого ожидал и заранее решил сохранять спокойствие, ничем не выдавая своего возмущения.

- Все не так просто, как кажется, - ответил ты, - хотя, признаюсь, для меня это было неожиданностью.

Вот, посмотри.

Достал из кармана телеграмму, которая поступила в день твоего возвращения, и копии предыдущих писем Джексона. Дик читал их, пока ты объяснял, что тебе их не показывали до тех пор, пока ты не написал свое письмо.

- И где же они были?

- Не знаю. Я не смотрел в папки.

- Ты обвиняешь Джексона, что он нарочно...

- Нет, у меня нет для этого доказательств. Может, дело в обычной небрежности. Но таковы факты.

Дик хотел что-то сказать, но ты не дал ему вставить слово:

- Я знаю, это нельзя извинить, мне следовало знать, но дело в том, что они все так запутали, что я растерялся. Первое предложение было отозвано, и само по себе это уже было достаточно плохо. Почему Джексон послал туда новичка? Почему не поехал сам? Он сказал, что этот новичок - парень Меллиша, как будто это могло как-то помочь.

Дик задумался, но все еще не очень тебе верил. Ты понял, что он подозревает тебя в зависти к Джексону.

- Это письмо было ужасным, Билл, - сказал он, - и с этим не поспоришь. Господи, какая это глупость! Но ты прав, все было слишком запутано. Я так и сказал вчера вечером.

За этим ничего не последовало. Некоторое время тебе казалось, что Дик отошел от тебя, но держался с тобой он вполне по-дружески, как и со всеми остальными. В результате этой истории ты стал приглядываться к Джексону, что было несложно, поскольку ты имел свободный доступ ко всем отделам. Единственным человеком, с которым ты разговаривал на эту тему, был Шварц, который согласился, что за всем этим что-то кроется; Джексон не стал бы намеренно устраивать такую игру только для того, чтобы досадить тебе.

Как-то к вечеру, спустя неделю после возвращения Эрмы, тебя пригласили к телефону, и ты услышал в трубке ее голос. Шел дождь, ей стало тоскливо и одиноко, и она пригласила тебя приехать к ней пообедать тет-а-тет.

Ты поехал.

Трудно восстановить то впечатление, которое произвела на тебя тогда Эрма. Безусловно, ты был польщен оказанным тебе вниманием; это так же точно, как то, что ты не был в нее влюблен. Ты всегда говорил это себе - с миссис Дэвис, с Миллисент и с Люси, - значит, ты никогда никого не любил? Ну а остальные, они любили? Некоторые люди, кажется, ощущают это иначе... Да черт с этим! Ты с готовностью принял радушный жест Эрмы отчасти потому, что знал: любой из самоуверенных молодых хлыщей много дал бы, чтобы она пригласила его пообедать с ней наедине.

В тот вечер она была с тобой очень приветлива и мила; она умела быть такой, когда хотела. Обед был превосходным; и вы с ней выпили достаточно много вина.

После обеда сидели вдвоем в маленькой комнате за библиотекой. Окна были открыты в сад, она играла на фортепьяно и пела модные "шансон", которые ты никогда не слышал, а потом подошла, уселась рядом с тобой на диване и стала рассказывать о Европе - о ее людях, городах, реках, о побережье Средиземного моря. Ты чувствовал, что тебе нечего рассказать ей, но, будь справедлив к себе, ты же всегда умел великолепно поддерживать разговор, когда на карте ничего не стояло. Она всегда с удовольствием слушала твои приправленные язвительностью рассказы о капитанах индустрии, которые выводили стройные ряды бледных бухгалтеров и хорошеньких стенографисток на борьбу с глупым и диким миром. В конце концов, ты прекрасно понимал, что с тобой происходило, и, только когда ты осмеливался принять участие в этой борьбе, становился бессловесным идиотом.

Ты сидел в тот вечер на диване, разговаривал, слушал и восхищался белоснежными уверенными руками Эрмы, их прелестными, нервными, какими-то вспархивающими жестами, ее точеной шеей. Она еще не остригла свои волосы. Из блестящей золотистой массы то здесь, то там выбивался непослушный локон.

Эрма только что закончила свой рассказ о молодом французе, который дважды сопровождал ее в путешествии по Европе, умирая от любви. В Каннах он достиг пика эмоционального напряжения и попросил у нее взаймы десять тысяч франков. Она вдруг замолчала и, посмотрев на тебя, заметила:

- Есть одна вещь, которая здорово восхищает меня в тебе. Ты помнишь, что однажды мы с тобой обручились?

Это прозвучало совершенно неожиданно, но тебе удалось усмехнуться.

- Нет, - сказал ты, - а разве это и в самом деле было?

- И ты никогда не говорил об этом Дику? По крайней мере, мне так кажется...

- Не говорил.

- И когда я... забыла об этом, ты тоже просто забыл.

На этот раз твоя улыбка вышла совершенно естественной.

- Не мог же я тебе крикнуть: "Эй, вы ничего не обронили?.." К тому же я был робок...

Она поцеловала свой пальчик и приложила его к твоим губам:

- Ты очень милый. Терпеть не могу всяких объяснений. Хотя вполне возможно, что ты с радостью забыл о нашем обручении.

- Безусловно. Я собирался стать великим писателем и опасался, что женитьба отвлечет меня от работы.

Она картинно вздрогнула:

- Бр-р! Не будем об этом, а то все это звучит так, как будто с тех пор прошли целые десятилетия. Господи, тебе только двадцать пять, а мне - двадцать семь!

Мы еще так молоды!

- В следующем месяце мне исполняется двадцать шесть.

- Правда? Тогда мы устроим вечеринку и заставим всех принести тебе подарки.

Ты ничего на это не ответил; за несколько дней до твоего дня рождения должна была вернуться Люси, и вы с ней собирались отправиться к каньону Кайахога, чтобы попрощаться с осенью.

После этого вечера ты получал множество приглашений от Эрмы - на теннис, на чай, на танцы, - большинство из них принимал, но вел себя осторожно; однажды ты уже обжегся на этом обманчивом пламени и теперь боялся его. Без сомнений, она наслаждалась своим особым положением в Кливленде, и это отражалось на тебе; она часто предпочитала тебя другим, приглашая тебя сопровождать ее на обеды или в ложу театра. Ты из кожи вон лез, чтобы быть милым и приятным собеседником. Достиг определенной репутации и положения; люди, которые

едва тебя замечали как одного из деловых помощников Дика, начали искать твоего общества и заботливо приглашать на все светские приемы. Вы редко оставались с Эрмой наедине. Она была внимательна и дружелюбна, только и всего. Сказала, что считает тебя единственным человеком в Кливленде, который способен хорошо танцевать и интересно говорить.

Как-то днем она позвонила в офис и спросила, не можешь ли ты приехать к ней на обед пораньше, она это подчеркнула - пораньше. И когда тебя провели в библиотеку, Эрма сразу же появилась там и объявила:

- Скоро придет Дик, он намерен говорить о делах. Я считаю тебя своим советником и должна признаться, что немного подавлена наполеоновскими планами милого Дика, поэтому прошу тебя присутствовать при разговоре.

Ты пришел в ужас:

- Боже мой, Эрма, но я не могу так. Ты хочешь сказать, он не знает, что я здесь?

- Разумеется, не знает. Это будет приятным сюрпризом.

- Но я не могу! Это просто глупо. Дик - настоящий профессионал; то, что он предложит, будет надежно. Неужели ты не понимаешь, что я не могу в этом участвовать? Как ты не видишь, что это покажется ему наглým бесстыдством?

Она слегка прищурила глаза; ты впервые видел ее такой, в голосе зазвучали стальные нотки.

- Наглým! - рассмеялась она. - Билл, дорогой, я вовсе не требую, чтобы ты оказал сопротивление Наполеону. В этом нет необходимости. Если понадобится, то я сама этим займусь. Но в делах ты - специалист. И я действительно настаиваю на твоём присутствии. Мы можем сказать ему, что мы живем с тобой, чтобы проверить, стоит ли нам быть вместе и дальше.

Когда чуть погодя появился Дик, он не потрудился скрыть ни своего удивления, ни недовольства моим присутствием. Он даже не понизил голос, обращаясь к Эрме:

- Мне показалось, ты сказала, что будешь одна.

- Я забыла про Билла, - беззаботно щебетала она. - Он часто заходит, чтобы развеять мое одиночество. Если это действительно так конфиденциально...

- Нет, - сказал Дик. - Это не важно.

Впервые вы собрались втроем, без посторонних. За обедом разговор шел о рыбной ловле Дика и о мелочах.

Ты испытывал облегчение, видя, как быстро Дик забыл о своем раздражении. По мере продолжения обеда он становился все более добродушным.

- Удивляюсь, как тебе удается так часто завлекать Билла на другой конец города, - сказал он Эрме. - Кому же он доверяет охранять свою пастушку? Правда, не скажешь, чтобы в этом была большая необходимость.

Эрма посмотрела на него, затем перевела взгляд на тебя:

- Так у тебя есть пастушка?

- Как, ты с ней незнакома? - спросил Дик. - Не знаю, где он ее нашел, но прошлой весной пару раз приводил ее на танцы, и она тут произвела настоящий фурор. Молоденькая, хорошенькая и очень милая. Пожилые мужчины при одном взгляде на нее вздыхают о своей прошедшей молодости. Мы все приглашали ее отобедать, но Биллу удалось лишить ее аппетита. Она не соглашалась даже просто покататься, ездила только с Биллом. Именно поэтому он отказался от рыбалки. Она пригласила его провести отпуск с ней и помочь на ферме. Ты и правда не видела ее? Она действительно стоит того, чтобы на нее полюбоваться. - Он обратился к тебе:

- Ты, случайно, еще не зажарил и не съел ее?

Ты объяснил, что Люси проведет на ферме остаток лета и вернется в Кливленд через неделю-другую.

- Я-то думала, что ты рассказал мне все свои секреты, - с упреком сказала тебе Эрма, - и вдруг оказывается, что у тебя есть прелестная пастушка, о которой я не слышала!

- Это не секрет, - коротко сказал ты, - и она вовсе не моя.

- Как бы не так! - пробубнил Дик, набив рот мороженым.

Ты решил уйти сразу после обеда и изобретал подходящий предлог, когда поймал взгляд Эрмы, который ясно говорил, что она разгадала твои намерения и ты можешь забыть о них. Вы все перешли в библиотеку, туда подали кофе и сигареты. Ты чувствовал себя раздраженным и не в своей тарелке, когда Дик, переставив стул ближе к Эрме, стал ей рассказывать о своих делах.

Недавно последовавшая смерть старого Мейнелла, адвоката, объяснял он, вызвала необходимость по-новому распорядиться состоянием Эрмы. До совершеннолетия Эрмы их состояние контролировалось трастовым комитетом под наблюдением Мейнелла. Дику исполнился двадцать один год, и ему была передана половина состояния; но когда двумя годами раньше совершеннолетия достигла Эрма, ее половина перешла под собственный контроль, однако она передала полномочия на управление Мейнеллу, по предложению адвоката. Со смертью Мейнелла истекли и его полномочия.

- Акционерный капитал должен быть представлен на очередном собрании владельцев акций, - продолжал Дик, - и в этом-то все дело. Конечно, если хочешь, ты можешь сама присутствовать на этих собраниях, там нет ничего особенно сложного, выбор директоров и все в этом духе. Но я хотел узнать, не передашь ли ты мне полномочия на свою часть акций, чтобы я участвовал с ними в голосовании вместе со своими. Это было бы проще всего. Если ты окажешься где-нибудь в Японии или в Сингапуре, ты же не сможешь сама присутствовать на этих собраниях.

Эрма уютно устроилась в кресле, попивая кофе и по привычке коротко затягиваясь сигаретой. Казалось, она едва слушала брата.

- Если я дам тебе полномочия на свои акции, ты будешь голосовать общим количеством, ведь так? - спросила она, когда Дик замолчал.

- Разумеется, ведь мне принадлежит вторая половина акций.

- И на какое время эти полномочия будут действительны?

- Как ты пожелаешь. Обычно это не оговаривается.

Ты можешь отозвать их в любой момент или назначить нового представителя.

Эрма отпила глоток кофе и выпустила облачко дыма.

Зачем она его дразнит, вяло думал ты.

- Было бы забавно самой посетить ваше собрание, если бы оно не устраивалось в такой грязной дыре, - сказала она. - Почему бы нам не снять какой-нибудь приличный офис где-нибудь в другом месте?

- Это будет вовсе не интересно, - ответил Дик. - Там будем только я, адвокат и стенографистка. Разумеется, можешь поступать как тебе заблагорассудится, если намерена постоянно жить здесь.

- Нет, скорее всего, я оформлю передачу полномочий, это кажется мне очень важным. Только, думаю, для тебя будет слишком жирно голосовать всеми акциями, поэтому я передам свои полномочия Биллу, если он пообещает не выбирать директором свою пастушку.

Ты поднял на нее взгляд, решив, что она шутит. Дик тоже взглянул на сестру.

- Тебе стоит заручиться и моим обещанием, - усмехнулся он. - Я даже готов сделать ее президентом компании.

- Буду иметь это в виду, - сказала Эрма. - Билл, считай себя моим полномочным представителем. И не подводи меня, иначе я выцарапаю тебе глаза!

- Не будь дурочкой, - сказал Дик. - В этом нет необходимости.

Ты разволновался и покраснел.

- Верно, Эрма, - возразил ты, - это ставит меня в ложное положение...

- Не вижу здесь ничего ложного, - заявила она. - Лично мне это решение представляется самым разумным. Вы вдвоем можете вести дела как хотите; две головы лучше одной, и ты гораздо лучше подходишь для того, чтобы держать меня в курсе, чем Дик. Так или иначе, не имеет значения, как все будет устроено, ведь Дик будет всем заправлять, верно, Дик, дорогой? Просто мне понравилась эта идея. Мне нравится думать, что ты можешь пойти к нему и сказать: "Смотри, старина, это не пойдет, нам нужно достать новые ручки для экспортного отдела, мой доверитель категорически против зеленой пасты".

- Да ты просто ненормальная! - сказал Дик.

Но она уже все решила и настаивала на своем решении беспечно, но неумолимо. Наконец уяснив, что она не шутит, Дик был не то чтобы огорчен, а просто изумлен и слегка раздражен ее легкомыслием. Решив дело, он организовал передачу полномочий. Ты и молодой Риттер из адвокатской конторы должны были прийти к ним домой на следующий день. Большую часть времени ты просидел молча, едва соображая, что думать и говорить; и все мучился, что об этом думает Дик. Не ощущает ли он, что его отстранили и унизили? Если это так, ты оказался в деликатном и опасном положении, словно подвешенный на тонкой нити доброго отношения Эрмы. Но она настаивала на своем мнении, и Дик принял его внешне благородно.

Когда наконец Дик встал и предложил довести вас в центр города, Эрма отказалась, сославшись на необходимость посоветоваться со своим полномочным представителем. Однако, когда вы остались наедине, она сидела на диване, курила и рассказывала, как в детстве дралась с Диком. Ты встал и подошел к ней, чтобы попрощаться, она протянула тебе руку и сказала:

- Не знаю, может, Дик и впрямь считает меня ненормальной, но это не так. Он умница и чудесный человек, но ему будет полезно чувствовать рядом с собой человека, который имеет право задавать ему вопросы. Ну и работенку я тебе подкинула! Я все понимаю, но буду тебя поддерживать.

В тот теплый сентябрьский вечер ты шел домой пешком, чувствуя себя одновременно униженным и окрыленным. Ты понимал, что Эрма выбрала тебя, словно собаку, умную и преданную. Особенно возмущала ее уверенность в том, что ты примешь ее поручение, она даже не потрудилась заранее с тобой посоветоваться. Ты с ужасом сознавал, что ходишь по краю пропасти; что на самом деле испытывает Дик? Правда, как сказала Эрма, заправлять делами всегда будет он сам.

Бесспорно одно: ты не достиг еще и двадцати шести лет, как получил доверенность на распоряжение половиной всех акций корпорации, общий капитал которой составляет десять миллионов. Ты будешь выбран директором. Завтра можно будет написать Джейн и вскользь упомянуть об этом. Ты окажешься с Диком в равных условиях - но даже в воображении тебя это пугало. Ты вслух посмеялся над собой, шагая в темноте под густыми кленами, но не с какой-то особой горечью - нет, никогда тебе не встать вровень с Диком, даже если бы у тебя были все сто процентов акций!

Но ты испытывал горечь не по отношению к нему.

Вот к ней... К ней...

G

Неожиданно он осознал, что его рука опять оказалась в кармане пальто, где изо всех сил стискивала рукоятку пистолета. Он вытянул ее вперед вместе с оружием и стоял так, озираясь по сторонам, как какой-нибудь злоумышленник из мелодрамы. Если бы в этот момент на площадке

открылась дверь и из квартиры вышла одна из студенток, он спустил бы курок, не отдавая себе в этом отчета.

Он затолкал пистолет обратно в карман, нащупал рукой перила, крадучись поднялся еще на две ступеньки и там опять замер.

О, ты сможешь, ты сможешь, сказал он себе, и его губы скривились в жалкое подобие улыбки. Нет, ты не смеешь, ты не вернешься, на этот раз ты пойдешь вперед, хотя бы только для того, чтобы под прицелом дать ей понять, что, по твоему мнению, она заслуживает.

Иди же...

7

Ты снова и снова повторял это себе в тот вечер, когда Люси уезжала из Кливленда: "Ну же, иди, ради бога, чего же ты ждешь? Или забудь наконец об этом".

Ты не сделал ни того ни другого. Ты колебался, подвешенный на колышке своей нерешительности, пока все за тебя не решил водитель автобуса.

Почему Эрма так интересовалась Люси? Не в ее натуре было проявлять к кому-либо подобный интерес, если при этом не имелось в виду ясной и прямой выгоды. Вся ее щедрость и любезность имели оттенок безразличия, которое лишало их тепла; она становилась теплой и живой только тогда, когда жадно преследовала какую-либо цель, готовясь схватить ее. Но в данном случае, в виде исключения, она очень активно интересовалась Люси. Она настаивала, чтобы ты познакомил их сразу по возвращении Люси в Кливленд, и по этому случаю был устроен неофициальный обед, на котором присутствовали только вы, Дик и бывшие одноклассники Эрмы - молодой доктор со своей женой.

Неделю спустя она пригласила Люси на концерт; ты был страшно недоволен, узнав об этом, и заметил, что было бы забавно видеть, как Эрма строит из себя гранддаму.

- Вовсе нет, она была очень мила и приветлива, - с удивлением сказала Люси. - Я не ощутила покровительства.

- Она тебе нравится?

- Да, конечно. И мне так хотелось послушать этот концерт. А так мне никто, кроме тебя, не нравится.

Теперь тебе не приходилось проводить вечера в одиночестве. Вскоре после возвращения Дика из отпуска ты наконец переехал в Клуб охотников за соколами, в один из просторных номеров на верхнем этаже с холлом-прихожей, и каждый день начали поступать сообщения по телефону, приглашения, записки. Теперь ты понимаешь, что стал интересным объектом в том кругу слухов, догадок и скандалов, которые составляют высший свет в этом шумном и неуклюжем городском монстре, засевшем на берегу озера. Без сомнения, общее мнение представляло тебя как активного, удачливого молодого служащего, которому ничего не стоило одной рукой заграбастать очаровательную Эрму со всем ее громадным состоянием, а другой - захватить свежую, юную и невинную красотку Люси. Удачливый черт! Человек, который далеко пойдет.

Ты проводил с Люси много времени. В твой день рождения, о котором Эрма благополучно забыла, состоялась заранее намеченная поездка на каньон. Накануне Люси весь вечер пекла пирог, он вывалился у тебя из корзины, когда вы спускались в каньон, и рассыпался на самом дне. По вечерам вы с ней часто катались на машине, ходили на танцы или в театр.

А то письмо ты так и не написал...

С ее возвращения прошло не так много времени, это было ближе к концу октября, когда вы обедали с ней в ресторане Уинклера, и она вдруг сказала:

- Кажется, я скоро поеду в Нью-Йорк. Мережинский открыл там студию, и мистер Муррей говорит, что может устроить меня к нему. Не знаю только, стоит ли мне это делать; я написала об этом отцу.

Ты сразу почувствовал, что она хочет туда уехать и Уедет. Пораженный и испуганный, ты и не подозревал, что под ее простотой и спокойствием скрывалась сила, которая ставила ее неизмеримо выше тебя. Может, ты ощущал это подсознательно и полагался на ее силу?

Может, ты переоценил значение своей персоны для нее?

Неужели все мужчины так же беспомощны с женщинами? Но ведь Люси не была женщиной, она была еще юной девушкой, которая брала уроки игры на фортепьяно и чьи представления о развлечении заключались в желании научить тебя доить корову.

- И скоро ты уедешь?

- Не знаю, может, недели через две, как только мистер Муррей договорится насчет меня. Если я вообще поеду, это лучше делать сразу.

- Через две недели, - повторил ты упавшим голосом.

Наступила долгая пауза. Ее рука лежала на столе, и ты положил сверху свою; она отложила вилку и похлопала другой рукой по твоей, сжала ее, улыбаясь. Затем снова взяла вилку и продолжала есть.

- Ты весьма небрежно сообщила мне об этом.

Говорил почти с отчаянием, чувствуя, что тебя поставили в безвыходное положение:

- А я хотел просить тебя выйти за меня замуж. Ты не могла об этом не знать. Если ты уедешь в Нью-Йорк, значит, всему конец. - Ты нерешительно помолчал и с безнадежным отчаянием быстро проговорил:

- Пообещай перед отъездом стать моей женой.

Вот оно, наконец-то! Дело сделано!

Но Люси... засмеялась! И сказала:

- Все-таки ты попросил меня об этом.

- Я хотел сделать тебе предложение с первого дня, как увидел тебя. Уверен, что ты это понимала. Ты знала и не станешь это отрицать. С тех пор как мы с тобой познакомились, меня больше никто не интересовал.

Этим летом я не съездил домой, хотя и обещал. Но я не знал, что тебе сказать. Даже сейчас я не знаю, что ты чувствуешь ко мне...

Она перестала улыбаться, и ее голос стал необыкновенно серьезным:

- Я тоже не знаю. Я никогда не знала точно, что мы чувствуем друг к другу. Ты мне очень нравишься, так по нравишься, как никогда и никто мне не нравился... Но в тебе есть кое-что, что мне не нравится, только я не понимаю, что это. Меня тревожит неизвестность.

Она тепло и дружески улыбнулась тебе.

Некоторое время мне казалось, - продолжала она, - что ты не мог решить, достаточно ли любишь меня, чтобы жениться, но ведь я тоже не могла составить определенное мнение на этот счет, значит, дело не в этом.

- Я уже решил, - заявил я. - И давно решил.

- Да. Но я не решила. Я не уверена в нас. Хотя, если бы ты сделал мне предложение летом, я почти уверена, что согласилась бы выйти за тебя замуж.

Да, она бы это сделала, ты это знал. Это ни в коем случае не напоминало одну из тех сцен сладкой капитуляции, которые ты так часто воображал в своих мечтах; это вообще ни на что не было похоже, разве только на лошадь, перед мордой которой подвешен на палке клочок сена, чтобы

она никогда не могла достать его губами. Сейчас ты более или менее понимаешь себя и свое состояние, как ты сидел в тот вечер, видя, что она колеблется, и не предпринял ни малейшего усилия, чтобы ее убедить. В тот момент ты чувствовал себя одиноким и побежденным; вероятно, такое же впечатление произвел ты и на Люси, на твоём лице неосознанно отражался преувеличенный страх. Это уже гораздо более тонкий трюк, чем любая сознательно совершенная подлость! В вечер ее отъезда, который настал через две недели, ты вел себя безрассудно, твоя вечная осторожная трусливость была почти сметена свободным и искренним порывом чувств. Эти последние две недели ты проводил с ней почти каждый день, но ни на чем не настаивал.

Сейчас ты мало что в этом понимаешь, а тогда вообще ничего не понимал. Ты постоянно говорил об одиночестве, которое ожидает тебя с ее отъездом. Ты заявлял, с осторожным легкомыслием, что, если она не останется в Кливленде, ты последуешь за ней в Нью-Йорк и устроишься в студии Мережинского настройщиком пианино. Она спокойно заканчивала свои приготовления к отъезду, позволяя тебе быть с ней столько, сколько ты пожелаешь, и по мере приближения рокового дня ты обнаружил, что тебе все труднее встретить ее прямой и насмешливый взгляд.

В среду вечером она должна была уезжать. Накануне вы вместе обедали у Уинклера. После обеда ты отвез ее домой, оказалось, что только десять часов, и тебе предложили немного посидеть у нее. Обнаружив, что библиотека и гостиная заняты тетушкой Мартой и игроками в бридж, Люси сказала, что ты можешь найти пристанище в ее комнате, и взбежала впереди тебя вверх по лестнице. Именно тогда ты нерешительно задержался на лестнице, раздумывая, не вернуться ли тебе к машине, чтобы потушить там свет, и она позвала тебя:

- Ну, ты идешь?

Ты бывал и прежде в комнате Люси, но ничего там не заметил: или у нее был дар делать окружающую ее обстановку бесцветной, или из-за ее полного к ней безразличия комната сохраняла стиль Барнсов. В тот вечер, видимо почуяв опасность, ты остановился на пороге и окинул взглядом большую опрятную пышную кровать, два стула, груды нот на столе, в углу огромный сундук с откинутой крышкой, куда она упаковывала свои вещи.

Люси сняла пальто и шляпку и уселась перед туалетным столиком, чтобы привести в порядок прическу.

- Как только приеду в Нью-Йорк, постараюсь найти работу, - сообщила она. - Тогда я смогу постричься, и конец!

Ты запротестовал, заявив, что у нее самые роскошные волосы в мире, которые во что бы то ни стало нужно сберечь.

- Ладно, тогда пришло их тебе, - засмеялась она.

У нее были снимки, сделанные во время твоего приезда летом, которых ты еще не видел, и ты помог ей найти их в сундуке; она уселась на кровати, скрестив ноги и спиной облокотившись на подушки, а ты сидел рядом и принимал от нее одну за другой фотографии. Ты едва их видел, хотя рассматривал их, обсуждал и смеялся над ними. Никогда еще она не была физически так близка к тебе; тебя случайно касались ее пальцы и локоть - так, улегшись в постель, ты безотчетно поглаживаешь себя; от нее исходил теплый, чистый и сладкий аромат. Ты почти задерживал дыхание, когда она вновь касалась тебя, и страстно надеялся, что она этого не заметит, что будет продолжать касаться своим плечом твоего, когда ты с ней наклонялся над очередным снимком.

Она не должна была знать, что ты потерялся в ней, а она в тебе, не должна была почувствовать ту благословенную нежность, которая вдруг охватила тебя. Ты старался не отводить глаз от снимков, если бы ты не смотрел на них, то пропал бы; ты не понимал природу этой мгновенно возникшей угрозы уничтожения, и ты не мог его допустить. Что-то драгоценное, что-то такое, без чего ты не мог жить, было в опасности, что должно быть сохранено, хотя ни тогда, ни сейчас ты не мог этого определить.

Ты понимал только, что Люси должна снова касаться тебя, что ты должен бесконечно испытывать это наслаждение ее близостью; но она не должна была этого знать.

Этот опасный экстаз был тайной, которой не следовало делиться, ибо, открытый, он мог рассыпаться. Жестоко рассыпаться.

Одна фотография выпала из твоих рук ей на колени.

Вы вместе схватили ее, и твоя рука накрыла ее у нее на юбке, на ее ногах. Она взглянула на тебя, и вдруг ее глаза широко распахнулись, а лицо застыло, став мраморным.

Ты нагнулся и поцеловал ее. Не отрывая от ее губ свои, ты обнял ее и сильно притянул к себе, прижимая к подушке. Крепко обнимая ее правой рукой, продолжая целовать ее, левой ты слепо и неловко гладил ее спину, ее волосы и шею.

- Любовь моя, Люси! Любовь моя! - выдохнул ты.

Ты повернулся, лег рядом с ней, снова поцеловал ее, бормоча:

- Поцелуй меня, пожалуйста!

Она молча несколько раз поцеловала тебя, обнимая сильными и напряженными руками.

- Любовь моя, моя дорогая, - шептал ты.

Твоя рука неловко просунулась ей сзади под платье.

Она вдруг сильно вздрогнула, оттолкнула тебя и села, тяже но дыша и не глядя на тебя.

- Кажется, ты порвал мне платье, - с сожалением сказала она. из Ты резко повернулся, спустился на пол, где застыл на месте, чувствуя себя отвергнутым и смешным, трясущимися пальцами нащупывая в кармане пачку сигарет. Она тоже встала, оправив юбку и, подойдя к туалетному столику, стала поворачиваться перед ним, пытаясь обнаружить порванное место на платье.

- Извини, если я его порвал, - сказал ты ей со своего места. - Я не знал, что делаю, прости.

Она подошла к тебе очень близко и положила руки тебе на плечи. Она старалась улыбаться, а ты пытался заглянуть в ее встревоженные глаза.

- Я чуть не плачу, - сказала она. - Ничего не понимаю. Что случилось? Я не боюсь ничего, что могло между нами произойти. Мне должно было понравиться, что ты порвал на мне платье, но это получилось некрасиво.

- Извини. - Ты только это и мог сказать. - Я ужасно сожалею, Люси.

Пока она стояла вот так, все еще держа руки у тебя на плечах, ты подумал снова обнять ее, но она отошла к кровати и стала собирать разбросанные фотографии.

- Тетушка Марта будет гадать, чем мы тут занимаемся, - проговорила она.

- Да, - согласился ты. - Мне лучше уйти.

- Я не смогу завтра пообедать с тобой, потому что тетюшка попросила пообедать с ними в последний раз.

Она сказала, чтобы я тебя пригласила, если ты захочешь прийти.

Ты заметил, что они, наверное, предпочитают провести вечер с ней наедине, чтобы им никто не мешал.

- Я приду позже, после обеда, если можно, и провожу тебя на вокзал.

- Хорошо, так и сделаем. Это будет очень мило.

Она спустилась с тобой вниз и проводила до дверей.

Ты чувствовал себя неуклюжим и совершенно беспомощным; ты не имел представления о том, что происходит, что ты намерен делать, что она чувствует или думает. Ты был настоящим идиотом, без направления, без цели, без понимания. Стоя на крыльце, ты взял ее руку, она

улыбнулась тебе, ты сказал что-то незначительное, затем спустился в темноту и слышал, как за тобой закрыли дверь.

Неси в себе свою тайную и непостижимую муку. Если с тех пор, как ты стал взрослым человеком, ты к кому-то и относился с искренностью и в ответ был принят откровенно и честно, то это случилось с Люси - и результат был воистину ошеломительным. В ней таилось нечто пугающее тебя, или это было в тебе, нечто, чутко ощущающее необъяснимую угрозу. Когда ты начинал копаться в себе, ты почти ничего не понимал, ты сложен из множества кусочков сложной головоломки; но с Люси, которая была проста и открыта, ты совершенно терялся. Бог видит, как все было просто! Она предложила тебе все, все, что тебе было нужно и чего ты желал...

Весь следующий день на работе, в тот последний день, измучившись от размышлений и предположений, ты почувствовал, что наконец все решил. Ты приедешь к ней сразу после обеда, это даст тебе возможность провести с ней наедине три часа: поезд прибудет только в одиннадцать. Другой возможности не будет. Скажем, ты приедешь в девять, все равно останется еще два часа - хотя, собственно, достаточно было и двух минут. После того, что случилось вчера, если ты этого не сделаешь, если у тебя не хватит мужества сказать, что все в порядке, ты моя, а я твой, - ты упадешь так низко в собственных глазах, что не сможешь жить дальше. Ты с горечью твердил, что для нее это не вопрос порядочности; она прекрасно проживет и без твоей порядочности или еще чего-то, что ты мог ей дать; вопрос только в том, чтобы у тебя оставалось право на жизнь. Желание Люси, твой восторг и остановка пульса от ее захватывающего очарования ни имело с этим ничего общего. Или тебе, как живому организму, присущ естественный аппетит, или где же тогда жизнь?

Днем позвонила Эрма; она не видела тебя целую неделю, сказала она; может, пообедаем сегодня вместе? Ты ответил, что очень сожалеешь, но это невозможно. Когда она начала настаивать, ты ответил ей почти грубо, что должно было напугать ее. Черт с ней, отважно подумал ты.

Ты покинул офис чуть позднее, чем обычно, и поехал в свою комнату в клубе. Довольно рано пообедав в одиночестве, вывел машину из гаража; человек помог тебе поднять верх, потому что начался дождь - холодный, нудный, мелкий. Было только восемь часов, ты решил, что не стоит приезжать к ней так рано, лучше немного покататься по городу; это будет последняя прогулка холостого мужчины. Эти размышления показывают, что ты еще что-то чувствовал, но это было откровенной фальшью, потому что, ведя машину накануне, ты заметил, что бензобак почти пустой, и, направляясь в гараж всего десять минут назад, напомнил себе, что нужно заправиться, но сейчас ты выехал, даже не подумав об этом.

Сначала ты заехал в клуб, где забрал книги и коробку конфет, которые ты купил для Люси, подумав, что она может решить поехать в Нью-Йорк и позже вернуться, и если не вернется, то все равно. Затем ты поехал на юг, по направлению к Хейтсу, а оттуда за город.

Дождик продолжал моросить. Ты решил, что можешь повернуть на Лувеллин-роуд, но, оказавшись там, миновал поворот. Ты медленно и осторожно ехал в ночи, оставив город далеко позади, и в свете твоих фар были видны прямые блестящие струи дождя. Интересно, они серебряные или стальные? Стальные, решил ты.

Ты ни разу не посмотрел на часы.

Все время в продолжение этой тайной поездки в ночи ты чувствовал, что думал, на самом деле думал с необычной быстротой и сложностью, но никакой последующий анализ не обнаружил бы ничего, что хотя бы из приличия можно было бы назвать продуктом мозговой деятельности. Ты во всех подробностях рассматривал эффект, который произведет на Эрму и Дика твоё объявление о женитьбе на Люси; гадал, как скоро вы поженитесь, где будете жить; понравится ли Люси Джейн.

Последнее соображение, по некоторым причинам, выбило тебя из колеи, и ты стал думать о чем-то другом - ты не мог себе представить никакой связи между Джейн и Люси. И все это время,

пока ты ехал под дождем далеко за городом, ты забыл, что неумолимо бегущие секунды переносят тебя из одного хаоса в другой и что из твоего опустевшего бензобака летят на асфальт последние капли горючего.

Недалеко за Майер-Корнер, почти напротив белого дома у подножия длинного холма, двигатель затарахтел, машина два-три раза судорожно дернулась и тихо остановилась, когда ты подвел ее к кромке дороги. Ты даже не подумал заглянуть в бак, ты сразу понял, что он пустой. Ты посмотрел на часы - было без двадцати десять.

Ты подождал минут пять-десять, но мимо не проехало ни одной машины. Ты вышел из машины и побрел к дому, чей светлый силуэт смутно проглядывал сквозь дождь и темноту; окна в нем были темными, но ты наконец кого-то разбудил, это был мужчина в ночной пижаме, который сердито сказал, что у них нет ни телефона, ни автомобиля, и захлопнул дверь у тебя перед носом.

Ты вернулся к машине, заглянул в бак и попытался завести мотор; он издевательски затарахтел и с усмешкой замолк. Первые две машины, которым ты махнул рукой, промчались мимо, не замедляя хода; третья, направлявшаяся в город, остановилась в сотне футов впереди, и ты побежал к ней. За рулем сидел мужчина, на заднем сиденье маячила еще чья-то фигура. Он мог довести тебя только до Майер-Корнер, где ему нужно будет свернуть к Фоссвиллю. И снова ты остался ждать под дождем, теперь уже у Майер-Корнер, и наконец тебе удалось поймать какого-то фермера на стареньком "форде", который дотащил тебя почти до окраины города, где автострада пересекается с Элмвудским шоссе. Рейсовые автобусы ходили раз в полчаса, но через пять минут должен был подойти очередной автобус, сказал фермер - и развернулся на своем "форде", чтобы направиться к себе домой за три мили. Было уже почти половина одиннадцатого, и ты прикинул, что как раз успеешь к самому поезду, если автобус подойдет вовремя.

За поворотом показался свет, ослепивший тебя, послышался шум мотора приближающегося автобуса, ты стоял у самой дороги и отчаянно размахивал руками, и он мчался прямо на тебя. Звякнул колокольчик автобуса, он промчался мимо и исчез в ночи, как испуганный слон. Ты шагнул назад, в глубокую лужу, без сил опустился на мокрый край дренажной трубы, торчащий сбоку от дороги, и заплакал, как ребенок. Ты плакал впервые с детства. В подобных случаях тогда ты всегда шел к Джейн и сейчас, естественно, подумал о ней. Ты презирал в себе отказ от мужественного и решительного поступка и знал, что во всем мире не найдется ни одного человека, который не презирал бы тебя за это, за исключением Джейн. Ты сидел там под дождем, подавленный и одинокий, и звал ее.

Ты думаешь, что ты звал Джейн? Но ведь для этого не было оснований, разве не так? Когда она поддерживала тебя в твоей слабости? А как насчет того раза, когда ты послал ей телеграмму с просьбой приехать в Нью-Йорк, а она даже не потрудилась ответить? Да, конечно, она это объяснила, она все может объяснить. А как тогда насчет остальных случаев, когда ты мог пойти к ней и не ходил? За твоей спиной, движимая жалостью, она... Да пошла она к черту!

А что касается истории с Люси, казалось, она не поняла, в чем тут дело, во всяком случае не больше тебя, когда наконец ты рассказал ей обо всем. Это было следующим летом, когда ты рано взял отпуск, чтобы провести две недели дома, пока там была Джейн. Ты провел там всего три дня и пожалел, что приехал. Твоей матери уже не было на свете; Маргарет и Роза были тебе чужими; с Ларри ты виделся редко, только во время еды; и Джейн все время проводила в магазине и хотела, чтобы ты тоже там бывал. Как-то вечером, когда твой отпуск подходил к концу, вы сидели с Джейн на крыльце, и ты рассказал ей о Люси. Конечно, ты уже упоминал о ней в письмах, но весьма сдержанно. Теперь ты говорил об этом подробно и с чувством, ты дал понять Джейн, что это была великая страсть, внезапно прерванная трагической и странной прихотью судьбы.

- Я определенно собирался просить ее выйти за меня замуж, - заявил ты. - Это было предопределено и неизбежно. Ясно, что она тоже этого ожидала и чувствовала то же самое. Мы действительно были созданы друг для друга, если вообще существуют такие пары. И тем не менее

этого не произошло, где-то существовало что-то такое, что сделало это невозможным. В последний вечер перед ее отъездом я был с ней в доме ее дяди, и мы долго разговаривали у нее в комнате. Я не хочу казаться самоуверенным, но она практически дала мне это понять, и я вдруг ясно увидел, что это невозможно, что я обманываю себя. Думаю, я струсил, когда не сказал ей прямо, что я чувствую, но это казалось таким жестоким, что я на это не осмелился. Она была такая красивая, стоя там рядом со мной, - жалко, что ты ее не видела. Она была самой красивой девушкой, какую я только видел, - все говорили, что в Кливленде никто не мог с ней равняться красотой. Понимаешь, я представил ее своим приятелям, которые составляют самый избранный кружок города, и по сравнению с ней все остальные девушки стали казаться простушками с мельницы. Включая Эрму. Жаль, что ты ее не видела.

- Это кажется странным, - сказала Джейн. - Если ты ее действительно любил... Как ты мог сказать ей...

Как ты мог распрощаться с ней, не признавшись ей...

Она тебе писала? А ты ей?

Ты покачал головой:

- Понимаешь, на самом деле мы даже не попрощались. О, это настоящая исповедь, это не гордая сказка о победе, я был жалким трусом, мне чертовски стыдно за себя. Я должен был заехать за ней и отвезти ее на вокзал, но что-то произошло, я забыл, что именно, и я не приехал.

- Ты просто не поехал!

- Да. Это было ужасно. Сейчас она, вероятно, совсем забыла обо мне, но все равно с моей стороны было подлостью так поступить. Я действительно думаю, что был в нее влюблен - должен быть влюблен. Ты говорила всегда, что у меня сильная интуиция на людей, и, наверное, я подсознательно чувствовал, что из нашего брака ничего не получится, может, даже и свадьба-то не состоится. Не забудь, она артистка, у нее есть темперамент. Может, мне стоило подойти к этому с практической точки зрения и сделать ее своей любовницей...

Ты нарочно сказал это, ради той сладостной дрожи, которую испытывал, произнося это слово; это было до того возбуждающе, что у тебя пересохли губы и тебе пришлось облизнуть их, - невозмутимо сказать Джейн, что хотел взять девушку в любовницы. Никогда еще ты не говорил с ней так откровенно о подобных вещах, но, какого черта, подумал ты, мы же взрослые люди и не какие-нибудь пуритане...

К твоему удивлению и потрясению, Джейн засмеялась. Она даже перестала раскачиваться в гамаке, чтобы посмеяться от души.

- Ты сказал это так, как если бы собирался разрезать ее на куски, - заявила она. - Может, именно этого она и хотела, если была такой замечательной, как ты говоришь. Тебе действительно стоит стыдиться, Билл, если она и вправду хотела тебя. - ты поступил как подлец и тупица.

Ты возмущенно вспыхнул:

- Она была еще очень молоденькой, ей не было и двадцати, и я уважал ее, если ты это имеешь в виду, говоря о моей глупости. Послушать тебя, так можно подумать, что ты одна из основательниц обществ свободной любви!

- Я ездила в Париж по туру Кука, - засмеялась Джейн. - Если ты слышишь, что какой-то рабочий говорит, что у тебя красивые ножки, это вовсе не значит, что он имеет в виду лично тебя, просто он любовник по натуре. В первый раз, когда на улице со мной заговорил мужчина, я повела себя как дурочка, я разозлилась и разошлась не на шутку. Я не могла вспомнить ни одного слова по-французски, а он шел рядом, все время разглагольствуя об этом, целый квартал, и наконец я взорвалась: "Депеше-ву!" Он так растерялся, что отстал, даже не приподняв шляпу. Но то, что я провела в Париже целый месяц, не превратило меня в гулящую. А сейчас, увы, ни один мужчина не пригласит меня стать его любовницей!

- Надеюсь, что нет! - буркнул ты.

Ты понял, что был большим пуританином, чем казалось. Ты сожалел, что вообще завел разговор о любовнице, раз уж Джейн так это воспринимает и говорит, как если бы... как если бы она была просто женщиной - то есть женщиной с обычным вульгарным аппетитом и возможностями... Насколько ты знал, она даже не была влюблена - хотя ты почти постоянно отсутствовал около семи лет. Во всяком случае, она никогда серьезно не говорила о мужчинах. Вероятно, ее целовали - что ж, вполне возможно, - при этом ты был готов держать пари, что только в шутку. Возможно, она не казалась мужчинам такой красивой и восхитительной, как тебе, потому что ты, будучи ее братом, относился к ней пристрастно. Во всяком случае, мысль о том, что она могла кому-то принадлежать и что-то такое делать, казалась тебе чудовищной.

И вдруг она спросила:

- Ты собираешься жениться на Эрме?

Ты едва заметно вздрогнул.

- Мне об этом ничего не известно, - ответил ты. - Нет, даже если бы я этого хотел, а я не хочу. Она важная дама, слишком важная для меня.

- Видно, не настолько важная, если вынуждена поставить тебя следить за ее состоянием.

Ты засмеялся:

- Я ни за чем не слежу. Она может в любой момент отозвать этот кусочек бумаги. Нет, она не моего класса.

- Вот увидишь, ты на ней женишься.

- Ни на ком я не женюсь, по крайней мере еще долго. Может, никогда. - Что-то в тебе сжалось, когда ты вспомнил тот вечер под холодным осенним дождем. - Говорю тебе, я хотел жениться на Люси. Очень хотел.

Есть вещи, о которых я тебе не говорил... Я плакал об этом, плакал как ребенок.

Джейн снова оставила гамак, на этот раз не для того, чтобы посмеяться:

- Что? Ты плакал?

- Да. Сидел под дождем и ревел, хотел, чтобы ты подошла и дала мне печенье. Если бы рядом оказалась достаточно глубокая яма, думаю, я бы прыгнул в нее.

Она подошла к тебе, сделала всего один шаг от гамака к твоему стулу, положила руку тебе на плечо, коснувшись твоего затылка.

- Почему, Билл, - сказала она. - Почему, Билл.

Это был не вопрос, даже не просто слова. Ты положил свою руку поверх, ее лежавшей у тебя на плече, но тебе было неловко, ты чувствовал какое-то раздражение.

Зачем ты сказал ей об этом? Глупо, чертовски глупо.

И все равно тебе было приятно ощущать на плече тепло ее руки.

- Бедный мальчик, - сказала она.

Ты с показной храбростью похлопал ее по руке и рассмеялся.

- Наверное, мне следовало жениться на миссис Дэвис, - заявил ты. - А теперь пойду к своей целомудренной и одинокой кровати. Ты тоже ложись, уже поздно, а тебе придется еще до восхода идти в этот проклятый магазин.

Нет, не было оснований полагать, что она хоть что-то поняла, но ты этого и не ожидал. Но какое это имеет значение; что-то происходит, и ты можешь вечно стоять и спрашивать, почему это произошло, и никогда не получишь ответа, И что толку, если даже ты сможешь это объяснить; то, что произойдет с тобой в следующий момент, только докажет тебе, что ты ошибался, и тебе

придется все начинать сначала. Если вдуматься, Джейн никогда ничего не пыталась доказать или объяснить.

И Эрма тоже. Наверное, таковы большинство женщин.

Хотя Эрма больше склонна находить объяснения... просто ради упражнения ума.

С каким интересом она расспрашивала тебя о Люси!

Провожал ли ты ее, как она выглядела, звонила ли она тебе, и еще целый каскад вопросов. Но слава богу, Эрма никогда внимательно не слушает. Странно, как люди могут быть такими далекими, находясь с тобой в такой близости. Всего лишь через день или два после отъезда Люси ты пошел с Эрмой на танцы, ты держал ее в своих объятиях, вы были близки, и все же она оставалась для тебя такой же далекой, как звезда. Только представить себе, что ты рассказываешь ей, как накануне сидел на дренажной трубе по щиколотку в воде и плакал. Это было невозможно ни тогда, в первые дни после отъезда Люси, ни сейчас, после вашего одиннадцатилетнего брака. Ты не мог рассказать об этом своей жене, но мысленно допускал эту возможность со своим шофером или с тем маленьким толстым официантом в Клубе фабрикантов.

Или с миссис Джордан...

Н

- Это вы, мистер Льюис? - раздался снизу голос миссис Джордан.

Значит, она видела, как он вошел? Не обязательно.

Она могла услышать его шаги на лестнице, но это было маловероятно из-за ковра, застилающего ступени, и из-за его стараний двигаться как можно тише; скорее, он мог стукнуть пистолетом о перила, когда вынимал его из кармана или клал обратно.

- Это вы, мистер Льюис?

Он дрожал с головы до ног. Быстро вращая головой, он осматривался вокруг, ни на что не глядя, как загнанный кролик. "Господи, - подумал он, - ради бога, пусти в ход мозги, если они у тебя есть! Или отвечай ей, или молчи". Он открыл рот, но не произнес ни звука.

До первой площадки оставалось всего три-четыре ступеньки. Он внезапно взбежал по ним, стараясь сделать это совершенно бесшумно. Наверху резко свернул за угол в коридор, но при этом пола его пальто описала полукруг и задела лампу с пергаментным абажуром, которая со звоном упала на пол, не застеленный в этом месте ковром. Она ударилась еще раз о стену, затем наступила тишина.

Он подскочил на месте, словно в него выстрелили.

"Проклятый дурак, - пронеслась в голове отчаянная мысль, - что теперь делать? Так ты будешь отвечать ей или нет?"

8

Мог бы и ответить.

Боже мой, ты круглый дурак, псих ненормальный!

Спокойно, спокойно. Ты сохранял полное спокойствие три дня назад, когда сказал ей, что это невыносимо, что ты больше не можешь это выносить, ты сходишь с ума и единственный выход из создавшегося положения - это убить ее, или себя, или вас обоих. Твои слова были достаточно жестоки, но ты был абсолютно спокоен. Ее это не встревожило; ее ничто не трогает, кроме этого. Что она сказала? Что-то вроде того, что ты делаешь из мухи слона...

Важно рассмотреть один факт: сказала ли она кому-нибудь о твоей угрозе? У нее нет никого, кому бы она могла это сказать, да она и не любительница болтать. Ты был ослом, что угрожал ей, но она не болтлива. Если она говорила об этом кому-либо, это ужасно. Ты понимаешь, по какому тонкому льду ступаешь, - если она сболтнула хоть слово об этом, не имеет значения, кому именно, твое дело пропащее. Например, женщине из кулинарии, что находится за углом дома. Или Грейс. Нет, невозможно.

Говорят, существует тысяча способов выследить, кто это сделал. Потому что люди, совершающие это, либо слишком хитрые, либо недостаточно умные. Чтобы проделать все удачно, нужно знать, что за человек будет тебя выслеживать. Если ты знаешь, что это будет, например, Шварц или даже Дик, ты будешь знать, как их провести. Легко быть достаточно хитрым, если ты знаешь, кто это будет. А если будет не один человек, а целая команда... Ты же идешь на это не с закрытыми глазами, в последний момент у тебя не будет времени сидеть на дренажной трубе и плакать.

Если тебя не заподозрят, им придется потратить достаточно много времени, попыташь выследить происхождение пистолета. Прошло уже больше четырех лет, как он пролежал в той старой сумке, ты и сам забыл о нем.

- Возьми его с собой, - сказал как-то утром на ранчо Ларри, когда ты собирался уехать на целый день, чтобы поудить рыбу; это было в то лето, когда ты поехал отдыхать в Айдахо. - Можешь для развлечения подстрелить кролика или койота.

Ты несколько раз пытался это сделать, но так никого и не убил. Ничего удивительного, курок был слишком тугой, а у тебя никакого навыка в стрельбе. Ты даже не смог попасть в дикобраза в ту ночь, когда вы услышали, как он возится и скребется в седлах, и Ларри выбежал во двор и навел на него луч фонарика. Ты недостаточно близко подошел к нему. В конце концов Ларри прикончил дикобраза, и Эрма надергала из его тушки колючек и воткнула их в свою шляпу. Ты даже не притронулся к нему, настолько омерзительно от него пахло.

Тогда, засунув пистолет подальше, ты забыл про него и, к своему удивлению, обнаружил у себя, когда распаковывал вещи по приезду в Нью-Йорк. Ты собирался написать об этом Ларри, но так и не написал. Четыре года пистолет лежал в старой сумке в стенном шкафу; наверняка о нем никто не знает, даже Эрма.

О патронах бесполезно тревожиться - почему бы им не быть такими же надежными, как и новые? Их осталось всего три в пистолете. Ты осторожно повернул его, чтобы заряженный патронник оказался в нужном положении; ничего не понимая в стрельбе, ты попробовал пистолет, чтобы быть уверенным, и чуть не спустил курок в своей спальне. Есть ли опасность, что он повернулся в кармане? Если ты спустишь курок и он не поддастся...

Вероятно, Дик узнает. Конечно, он станет подозревать и, может, все поймет. Но он будет молчать. В этом ты уверен больше, чем в чем-либо еще. Ему это безразлично, его это не касается, и он будет молчать. Интересно, слабость или сила в том, что он промолчит. Ты будешь уверен в этом так же, как в том, что завтра снова наступит день? Если бы сейчас он был здесь... Это было бы сделано, и он ушел бы. Откуда у него эта мгновенная и постоянная уверенность, что он делает все правильно? Как устрица, говорит Эрма. Да, или как океан, в котором живет устрица.

Он скажет: "Ты был чертовски глуп, она не стоила этого". Вот и все, что он скажет, и больше никому не проболтается, что бы ни случилось.

Если тебя заподозрят, то попытаются поймать тысячьмя способами. Станут расспрашивать всех подряд.

Спросят у Эрмы, какие у вас были в последнее время отношения, что ты делал, что говорил. Эрма будет держаться нормально; они ничего от нее не добьются, даже если она все узнает, даже если все откроется. Они могут расспрашивать сотрудников в офисе; они начнут разносить вокруг, они всегда это делают, когда расследуется убийство. В газетах часто рассказывается, как

свидетелей и подозреваемых доставляют в офис окружного прокурора и какие им расставляют там ловушки.

Они станут допрашивать и тебя. Это обязательно, все равно, будут ли они тебя подозревать или нет, потому что им станет известно про это место. Тебе придется придумать ответ на каждый вопрос, ты не должен говорить им правду, за исключением, конечно, таких вещей, как, например: когда ты впервые с ней встретился, когда снял эту квартиру, как твое имя и сколько тебе лет.

Ты должен придумать тысячу ответов, и каждый из них должен быть похож на правду. Они станут ловить тебя на противоречиях, будут стараться запутать, но, если ты станешь говорить им всю правду, от этого не станет легче, потому что тебе о ней известно не больше, чем им.

"У вас был удачный брак с женой, мистер Сидни, или нет?" О боже, да! "И вы всеми силами старались, чтобы она не узнала о вашей незаконной связи?" Да, всеми силами. Нет, это не имело значения. Что бы ты ни сказал, они поближе составят стулья, облизнут губы и решат, что что-то вытянули из тебя. Проклятые ищейки, проклятые кретины, как будто Эрма имела к этому хоть какое-то отношение. Ты мог снять весь район от Вашингтон-сквер до Ван-Кортланд-парка и в каждую комнату набить по три девственницы и по три проститутки, и это ее несколько не беспокоило бы, пока ты остаешься в стороне от Тэрсдей-Бридж.

Они захотят знать обо всем, куда ты ходил и что делал. "Скажите, мистер Сидни, потому что вы, конечно, понимаете, что в таких делах, как это, мой долг использовать каждый источник информации, так вот, пожалуйста, скажите мне, что вы делали вечером двадцать первого ноября?" Он будет разговаривать с тобой дружеским тоном и улыбаться, как улыбается Дик, когда находится на деловой встрече и что-то проворачивает. Правда, следователь может быть иного типа, подойдет к тебе вплотную, уставится тебе в лицо и гаркнет: "Где вы были между десятью и двенадцатью часами в четверг вечером?!"

Посмеешь ли ты просить Джейн? "Я был дома у моей сестры, на Десятой улице, и провел с ней весь вечер".

Боже, это их устроит. "Она была одна, и я весь вечер провел с ней". Может быть, у нее были гости, а может, и нет: Виктора нет сейчас в городе. Было бы неплохо выйти сейчас на улицу и позвонить ей в аптеку, а потом вернуться. Она подтвердит это, если сможет. Разумеется, ты должен объяснить ей свою просьбу. Нет, не обязательно: она сделает, если ты ее попросишь. Если ты это сделаешь, будет здорово послушать, как они станут допрашивать Джейн. С таким же успехом они могут добиваться ответа от столба.

Это может получиться. В офисе ты не давал повода для подозрений; в конце концов, ты даже не видел Дика; ты задержался чуть позже обычного с ребятами из Чикаго. Если бы только ты повез их обедать - но это не важно, ты пообедал за своим обычным столиком в клубе, все тебя видели. А Хендрик подошел и спросил, не хочешь ли сыграть в покер. Что ты ему сказал? Если бы ты подумал об этом раньше, ты сказал бы ему, что собираешься весь вечер провести у сестры! Это было бы надежным алиби. Что же ты ему сказал? Да все равно, он вряд ли запомнил твой ответ. Ты не взял такси, выйдя из клуба, а прошел пешком несколько кварталов и только потом поймал такси до дому, чтобы забрать пистолет.

Тебя видели двое-трое слуг, но здесь все в порядке, тогда было еще рано, только девять часов. Но ты должен помнить, что их будут расспрашивать во всех деталях. Итак, после обеда ты немного прошелся, потом пришел домой, после чего отправился к сестре. Ты был дома всего минуты две-три, только чтобы захватить пистолет из ящика, где накануне его запер. Слуги видели, как ты пришел и почти сразу же вышел. "Зачем вы заходили домой?" А зачем ты заходил? Возможно, все дело зависит от ответа на этот вопрос, что показывает, как это важно и опасно. Ты зашел домой, чтобы переодеться... Но ведь ты не переоделся. Ты пришел домой и собирался там остаться, но вышел, потому что тебе позвонила Джейн - но в это время никто не звонил. Ты зашел домой, чтобы взять что-то для Джейн, что-нибудь, что ты хотел ей отнести, какой-то небольшой

предмет, например книгу. "Название книги?" Тебе нужно было заранее все тщательно обсудить с Джейн, проверить каждый пункт, чтобы факты не противоречили друг другу.

Затем ты вышел из дому. Покажется странным, что ты не попросил привратника вызвать такси, если так торопился попасть в центр. Привратник видел, как ты уходил. Хорошо еще, что ты повернул на юг. Ну, не обязательно говорить, что ты спешил. Ты просто прогулялся несколько кварталов, а потом поймал такси.

Очень важно вспомнить точно, где ты на самом деле шел и видели ли тебя. Ты прошел немного по Парк-авеню, и свернул на боковую улицу где-то в районе сороковых, и прошел до Бродвея, где снова повернул назад.

Затем по Бродвею добрался, может, до Семидесятой улицы, затем двинулся к Централ-парк-Уэст и еще раз повернул налево на Восемьдесят пятой.

Так ты оказался здесь, прямо перед домом, на противоположной стороне улицы. Ты не мог войти в него, не мог решиться. Ты чувствовал, что, если войдешь, все будет решено. Следующее, что ты помнишь, - это что ты оказался на Риверсайд-Драйв, шагая очень быстро, чтобы согреться, и вслух разговаривая сам с собой, отчего люди оборачивались на тебя. Это тебя встревожило, но ты по-прежнему шел очень быстро, хотя разговаривать сам с собой перестал. Ты согрелся и даже расстегнул пальто, но из-за веса пистолета, лежащего в кармане, пола распахивалась на ходу, поэтому ты снова застегнулся. Каким-то образом ты дошел до Колумбус-авеню, а потом направился назад, сюда, к дому, и вошел внутрь.

Почти наверняка тебя никто не видел. С того момента, когда ты покинул Парк-авеню, ты ни с кем не говорил. Это риск, на который тебе придется пойти, вряд ли здесь скрывается опасность. Как ты собираешься уйти?

Тебе придется оставаться здесь, пока ты не убедишься, что выстрела никто не слышал, затем ты спустишься по лестнице и удерешь. Поедешь к Джейн. Такси брать нельзя, ты воспользуешься подземкой. Именно так и сказал в клубе Гордон совсем недавно, когда обсуждали дело Фаруэлла, в наше время никто не обращает внимания на выстрелы из пистолета, всегда можно подумать, что это выхлопной выстрел автомобиля. Тем не менее можно завернуть пистолет в шарф, и тогда никто не услышит выстрела. Так и сделала та женщина, что застрелила дантиста в его собственном кабинете, когда в приемной, всего в тридцати футах от кабинета, ожидали пациенты. Конечно, ее схватили, но очень долго искали. Они вообще бы ее не нашли, если бы она сохранила присутствие духа.

А что, если выстрел все-таки услышат и войдут до того, как ты убежишь? Здесь нет запасной лестницы на случай пожара, нет никакой другой лестницы. Ты можешь вылезти на крышу. Но ты не можешь все предусмотреть; приходится рассчитывать на удачу и действовать, когда настанет время. Если тебе удастся сбежать так, чтобы никто не заметил, если ты доберешься до дома Джейн, а потом вернешься домой, возможно, тебя вообще никогда не свяжут с этим местом. Здесь ты известен только под именем мистера Льюиса. Они абсолютно ничего о тебе не знают - ни кто ты, ни где работаешь, ничего. Ты всегда соблюдал осторожность в таких вещах. Почему мистер Льюис не может вдруг исчезнуть, заставив их ломать себе голову? Они, конечно, будут искать, но вполне допустимо, что никогда не свяжут концы вместе. Здесь нет вещей с твоим настоящим именем, нет фотографий, нет писем...

А проклятая статуя!

Уильям Завоеватель. Властный человек, твой настоящий герой. Художник, открывший то, что другие были не способны увидеть. Эрме он понравился бы. Быть пойманным на такой ерунде! О нет, только не ты. Ты можешь взять молоток и разбить ее на куски. Отбить нос, уши, разбить все лицо и весь бюст. Тебе следовало сделать это давным-давно. Тебе следовало сделать это в тот вечер, когда ты вернулся домой и застал Эрму за его установкой.

Они будут искать, они будут совать свой нос в любую щелку.

На обратной стороне той телефонной книжки записано много номеров, они ухватятся за них: Челси 4-3-4-3.

Может, там есть и номер твоего телефона, ты не обращал внимания. Одно этого будет достаточно - прямой путь к Джейн! Оторвать обложку и сжечь ее или стереть этот номер. Тогда они станут изучать это место под микроскопом, а это все равно что оставить свою визитную карточку. Ладно, заведи справочник с собой, принеси его домой и где-нибудь спрячь.

Будет ли возможно, будет ли хоть какая-нибудь возможность скрыться после этого? Это искушение, но ты должен быть осторожным. Здесь вокруг много людей, которые по внешности знают тебя как мистера Льюиса.

Миссис Джордан, распространитель газет и две студентки из театрального училища - это много. И Грейс! Если кто-нибудь из них случайно увидит тебя где-нибудь, например в театре, это будет конец! Ты можешь куда-нибудь уехать, хоть на ранчо Ларри, и как можно дольше оставаться там, за это время отрастив усы, а то и бороду. Но если тебя все-таки найдут, это будет означать для тебя конец. Лучше просто оставаться здесь, вести себя как ни в чем не бывало и держаться подальше отсюда, и, если кто-нибудь случайно увидит тебя, будет не так трудно объяснить; естественно, нужно будет сохранять спокойствие, человек твоего положения не может быть замешан публично в такое дело.

Но это будет плохо, очень опасно. Ты мог бы воспользоваться знакомством, как только эта история попадет в газеты, ты пошел бы к окружному прокурору, рассказал ему все и попросил бы, если возможно, скрыть твое имя. Ты виделся с ним всего раз или два, и ты ему совершенно безразличен, но его знает Дик, и ты можешь попросить его сходить с тобой. Когда начнется обычная шумиха, это может оказаться слишком тяжелым для тебя.

Эрма будет держаться молодцом, хотя бы ради удовольствия посоветовать им промыть себе мозги. Это тоже будет здорово. "Миссис Сидни, какая преданность мужу, несмотря на открытие его любовного гнездышка!" О, это будет целая история, но, возможно, это самое надежное.

Если Эрма выдержит, ты сможешь удержаться на работе.

Если же нет, остается выход - покончить с собой.

Ага, об этом ты и думать боишься! Хотя, если смотреть на все прямо, к этому все и идет. Когда вся эта история выйдет наружу и Эрма с Диком отвернутся от тебя, ты пожалеешь, что не покончил с собой. Для этого не бывает слишком поздно, можно сделать это в любой момент, если бы ты только мог на себя рассчитывать. Этот способ будет всего проще и законченнее. Тебе не нравится делать это здесь, не нравится, чтобы тебя нашли здесь лежащим рядом с ней; может, ты упадешь мертвым так, что будешь ее касаться. Никогда больше до нее не дотрагиваться, чтобы она никогда больше не касалась тебя, - как хорошо, как замечательно было бы говорить это и знать, что это правда! Не лежать с ней, даже мертвым не лежать на ней, лежать так, чтобы она не могла до тебя дотянуться. Ты можешь это сделать в другой комнате, если вообще посмеешь сделать. В этом нет ничего особенно ужасного. Просто приставить дуло пистолета к виску или вставить в рот и спустить курок.

Может, именно потому, что это легко и просто, ты и стараешься об этом не думать. Тогда никто не станет задавать тебе вопросы, никто не будет тебе надоедать, тебе не нужно будет принимать никаких решений, тебе не придется все это придумывать и хныкать, тебе нечего будет бояться.

Ты думал об этом и раньше, несколько раз, но не так.

Много лет назад, когда ты потерял Джейн - как странно писать это.

А что ты намерен делать с оружием? Если бы ты только мог оставить его там, бросить и оставить - но ты этого не можешь. У них где-то есть номер, они могут установить, кому оно принадлежит. Избавиться от него будет сложно. Ты не посмеешь забрать его домой и положить в ту старую сумку - это было бы глупо. Если бы у тебя было время, ты мог бы сесть на паром и

бросить его в реку. Или зашвырнуть его подальше с пирса. Но ты хочешь как можно скорее добраться до дома Джейн, кроме того, тебя могут увидеть. Просто невероятно, как, оказывается, трудно сделать такое простое дело без того, чтобы тебя заметили. Ты можешь спрятать его где-нибудь в доме Джейн; нет опасности в том, что они станут искать там, что бы ни случилось. А почему нельзя завернуть пистолет в газету и оставить сверток в поезде подземки? Нет, господа, нет, нельзя. Но тебе нужно непременно сейчас решить этот вопрос. Брось его в воду. Когда выйдешь из подземки на Четырнадцатой улице, иди прямо к реке и зашвырни его подальше. Это займет всего минут десять, не больше.

Почему люди не отделяются от оружия таким образом? Было бы очень трудно обвинить человека в том, что он кого-то застрелил, если вы не можете доказать, что у него имелось оружие и куда он его дел. Вероятно, потому, что от страха они теряют голову.

А если тебя арестуют? Как ты будешь себя вести?

Первое: послать за своим адвокатом и ничего не говорить до его прихода, ни одного слова, как бы опасно это ни выглядело. Послать за Диком и попросить его прислать адвоката, лучше всего Стетсона. А что ты скажешь Стетсону? Ты ничего не посмеешь ему рассказать - все о последних двух годах, да, здесь нет проблем. Ты расскажешь ему о Грейс? Что, если ты ничего о ней не скажешь, а он сам это выяснит и станет ее допрашивать?

Что она знает? Тогда он начнет сомневаться во всем, что ты ему будешь рассказывать. Это прекрасно, когда ты просто здороваешься при встрече, но тебе придется быть очень осторожным в том, что ты говоришь своему адвокату, как если бы он тоже стремился поймать тебя. Что касается участия в этом Дика, тебе придется предоставить все ему. Нужно будет прежде всего увидеться с Диком наедине и рассказать ему об этом. Может, будет лучше обо всем рассказать Стетсону, все-все. Невозможно. Ты не можешь этого сделать. Даже если бы ты очень старался это сделать, ты не нашел бы для этого слов, тебя сочли бы ненормальным. Ты словно видишь Стетсона, сидящего там с таким видом, как будто он оказывает стулу большую услугу, его немного косо сидящие очки, нервно подергивающиеся ноздри, уголок светлоголубого платка, аккуратно высовывающийся из кармана пиджака: "Да. Да. Да. И зачем вы это сделали?"

Ты никогда не умел как следует стрелять из огнестрельного оружия, за исключением того маленького ружья, с которым ты охотился на кроликов. Это не доставляло тебе удовольствия, ты не выносил вида своих окровавленных рук. Ред Адамс, бывало, связывал ремнем их задние лапы, так что у него на коленях комбинезона оставался след запекшейся крови. Джейн всегда помогала тебе содрать шкурку и растянуть ее для просушки на заднем крыльце. Ее никогда не тошнило. Если бы только у нее не было гостей! Если, закончив здесь, ты выйдешь отсюда, доберешься до ее дома и застанешь в дальней комнате, читающей книгу, как это часто бывало, то ты спасен. А как же быть с горничной? Предоставь это сестре, она устроит это как-нибудь. Она будет говорить об этом так же спокойно, как будто ты просишь ее помочь снять шкурку с кролика.

Забавная вещь - суицид. Ты боишься думать об этом, но, начав думать, понимаешь, что здесь нечего бояться.

Другое дело, когда ты представляешь себя лежащим там, смертельно раненным, но все еще живым и смотришь на себя, видишь свою кровь и понимаешь, что ты больше не будешь дышать, никогда не сможешь ходить, разговаривать, одеваться, выпить глоток воды или сделать любое движение. Это ужасно. Если бы это было так, никто никогда не смог бы на это решиться; ты вынужден притворяться, что никогда не умрешь, и каждый в это верит, а не просто играет в эту уверенность, как делаешь это сейчас ты. К тому же они лгут на этот счет, что нетрудно заметить, и обо всем догадываются. То, как это происходит, совсем не страшно. Ты стоишь в середине ванной комнаты, вкладываешь дуло пистолета в рот и направляешь его к макушке, и все будет в порядке; ты можешь делать все, что пожелаешь, можешь снова вынуть дуло и пойти поужинать, а можешь

стоять там, наблюдать за собой, отмечать, что ты чувствуешь, - словом, можешь делать все, что угодно. А можешь спустить курок, просто нажать пальцем вниз - и все, конец. Ха!

Тогда для тебя уже ничего не имеет значения. Буквально с этого мгновения, которое на самом деле никогда не наступит, потому что, что касается тебя, это уже закончилось до того, как началось. Ты даже можешь удариться при падении о кровать, разбить себе нос или выбить зубы и никогда этого не узнаешь. Так что бояться совершенно нечего, в одно мгновение ты переходишь от полной свободы к полному забвению. Нелегко, конечно, думать о том, как ты будешь потом лежать мертвым, но не легче думать о ней или о ком-либо другом.

Ты видел мало мертвых: своих отца с матерью и еще двух-трех покойников. Конечно, ничего веселого, но ведь они были одеты, уложены в гроб, и, естественно, ты ожидаешь увидеть мертвеца в гробу, ты гораздо больше бы испугался, если бы увидел там живого человека. Ты никогда не видел покойника, который просто лежал бы где-нибудь в обычной одежде, весь покрытый синяками или с какой-нибудь раной, возможно окровавленный, никогда не видел умирающего человека, даже если он умирал мирно, в своей кровати. За исключением мужчины, который как-то в парке упал в обморок прямо на трибуне, и его унесли на носилках; но ты не знал, чем все кончилось, пока на следующее утро не прочитал в газете, что он умер от сердечного приступа. Когда Ларри рассказывал о войне, ты чувствовал легкую тошноту и слабость и удивлялся, как люди могут пережить такое и не сойти с ума.

Именно этого ты и боялся прошлым летом, когда попытался порвать с ней и отправиться один на Мейн.

Особенно в ту ночь, когда ты сидел на берегу озера на краю лодки, - это был второй случай, когда ты помышлял о самоубийстве. Когда ты вернулся, Дик сказал, что ты выглядел как наркоман. Эрма считала, что тебе нужно на год уехать за границу, а Джейн хотела показать тебя психоаналитику. Да, сказал ты, или делать по утрам зарядку, принимать аспирин; и в первую же ночь ты пришел сюда и застал ее жующей бутоны и пьющей лимонад. Было очень жарко, и она сидела в комнате, широко распахнув оба окна, и на ней ничего не было, кроме алого халатика, отороченного перьями, который она купила у Маси. Она подняла голову и сказала: "Привет, тебе следовало предупредить меня телеграммой, я могла уйти". Эта тяжелая, ненавистная уверенность, подобная медленной болезни, от которой нет лекарства.

Она и сейчас будет сидеть в том же кресле, когда ты войдешь. Она так же взглянет на тебя, ничто на свете не может изменить ее взгляда. Ты закроешь за собой дверь, демонстративно достанешь из кармана пистолет, снимешь свой шарф и замотаешь им дуло. Что она станет делать? Будет сидеть и наблюдать за тобой. Может, она вздрогнет и испугается, заплачет и станет тебя умолять о пощаде или каким-то иным образом, наконец, признает твое существование как силу, которую нужно принимать во внимание? Она не поверит твоей угрозе. Перед концом ты не сможешь насмеяться над ней, не сможешь заставить ее дрожать, ты не увидишь в ее глазах страха. Бесплезно швырять еще какие-то слова в эту сточную канаву.

Но она может закричать. Ты не знаешь, какое у тебя сейчас лицо; ты делаешь то, чего она от тебя не ожидает, и, если это отразится на твоём лице, она может закричать и позвать на помощь. Ах, если она это сделает!

Ты бы с удовольствием услышал это хоть раз. Но тогда ты можешь потерпеть провал. Будет лучше не подавать виду, а просто войти, как обычно, сказать, что очень устал, подойти к окну, не снимая пальто, сказать, что здесь очень жарко и что ты хочешь немного приоткрыть окно. Затем, оказавшись за ее спиной, где она не сможет тебя видеть, вдруг резко повернуться и выстрелить в нее сзади с очень близкого расстояния. Но не забудь про шарф и не забудь опустить шторы, если окажется, что она поднята. Тебе нужно сначала подойти к окну, чтобы убедиться, что оно плотно закрыто и что штора опущена. Она не успеет понять, что произошло.

Она просто упадет со стула, съезжится, может, сползет на пол...

Не делай этого, идиот! О господи! Не делай этого! Ты жалкий, дрожащий трус, она права, она тебя знает, ей ничего не угрожает.

Ты вообразил все это, верно? Ты же совершенно ненормальный. Спокойно, хладнокровно и точно рассчитал свои шансы. Храбрый Билл. О нет, ты не потеряешь голову, ты намерен все правильно проделать. Ты разобьешь статую, выбросишь пистолет в реку, сочинишь себе алиби, для этого побежишь к Джейн, позвонишь у входа и дашь горничной свои пальто и шляпу - ты просто гениален! Ты поедешь в Айдахо и отрастишь себе бороду, чтобы никто никогда не узнал, кто такой мистер Льюис. Ты намерен сделать мистера Ричарда М.

Карра сообщником убийства, просто в качестве маленькой личной услуги. Давай, давай, дурак, лучше ничего не придумал? Все это хорошо, но, давай признавайся, в тебе должно быть что-то по-настоящему прекрасное, самое великолепное, артистически скрытое. О да, ты собираешься покончить с собой! Сначала ты покончишь с собой, а потом пойдешь в дом Джейн, пошлешь за адвокатом, отрастишь бороду и заживешь счастливо и спокойно.

Уходи отсюда. Возвращайся домой. Возвращайся домой и ложись спать. Как в прошлую ночь, когда Эрма постучала к тебе в спальню в первый раз за многие месяцы. Если она снова это сделает, убей ее. Почему бы тебе не убить всех? Эрму, Дика, Ларри, Виктора и...

Спокойно, спокойно. Ты соображаешь, что говоришь?

Все равно, ты еще можешь уйти отсюда. Ты почти насильно толкнул себя на это, но чуть-чуть не считается. И нет смысла затевать новую ложь, ты знаешь, что не можешь уйти, не повидав ее, хотя бы только для того, чтобы удостовериться, что она у себя, и посмотреть, как легко это было бы. Скажи ей все это опять; это действительно заставит ее чувствовать себя немного неудобно, хотя она притворяется, что не обращает на твои слова внимания. В конце концов, не железная же она. Нет, резиновая и вонючая, как резина, не тот же самый запах, но заставляет его вспоминать. Ей нужно больше душиться, а может, чаще мыться - хотя она достаточно долго плещется в ванной.

Ладно. Поднимайся, поднимайся, кончай с этим, а потом иди домой и ложись спать. Тебе следовало помнить, что ты разбил ту проклятую лампу.

I

Он спустился вниз, быстро и аккуратно поднял лампу и поставил ее в нишу, стараясь прямо устроить абажур; он снова съехал набок, и он опять поправил его. Он стоял на первой площадке.

- Да, это я, миссис Джордан! - крикнул он вниз. - Снова задел лампу.

Его поразило, что голос у него звучал нормально, совершенно естественно. Его звучание успокоило его, лестница показалась знакомой и нестрашной. Казалось, даже лампа улыбалась ему с симпатией и пониманием.

Его раздражение от возни миссис Джордан исчезло, ему было приятно, что она находилась внизу и слышала его и что он мог разговаривать с ней.

Снова раздался ее голос:

- Понятно, а я подумала, что кто-то пришел к мисс Бойл. Если вы разбили лампу, вам придется заплатить за нее.

Когда-то он начал считать, сколько раз она говорила ему это, но давно сбился со счета. Время от времени его так и подмывало нарочно разбить лампу, но сейчас он был благодушно к ней настроен и не хотел причинять ей вред.

Он постоял в нерешительности, весь поникший, не испытывая желаний двигаться. Внизу с шумом открылась входная дверь, затем захлопнулась. Миссис Джордан вернулась к себе в

комнату. Наступила тишина. Он все еще стоял - мысль о каком-либо действии казалась ему отвратительной, - он чувствовал себя физически изнуренным и совершенно безразличным. Он сказал себе: "Ты как высохший лист на дереве, который раскачивает ветер, и все еще висишь, но уже мертв..."

9

А другие люди тоже так себя чувствуют? Если да, то почему они живут? Мертвый лист, колеблемый ветром.

Это не полная беспомощность, ты мог бы выдержать и чувствовать, как тебя толкают и тянут, то здесь, то там, несмотря на все протесты, если бы ты только знал, кто и почему это делает. Ты считал себя слабым и трусливым, потому что позволил уйти Люси, но это было глупо. Это только слова, выдуманные тем, кто хотел сделать вид, что знает, что им движет. И все слова похожи на эти, за исключением тех, которые ты можешь потрогать, выпить или съесть. Как ты можешь не одобрять то, чего не понимаешь? Это последнее убежище невежества, эта жалкая попытка придать себе моральную ценность, сочиняя слова, чтобы поставить себя вровень с всеведущим.

Не лести себе, ты не слабак и не трус, во всех твоих трепыханиях совершенно нет смысла. Может, Дик не так уж и глуп, в конце концов, может, причина того, что его не заботит смысл вещей, заключается в том, что каким-то образом он понимает, хотя и не может объяснить, и не стал бы объяснять, даже если бы мог, что его просто нет, нет этого смысла; во всяком случае, ни ты, ни он и ни кто другой ничего ни о чем не знает. И Эрма тоже.

Нет, не так. Она будет говорить о смысле, ей нравится играть словами, но в глубине души они интересуют ее так же мало, как и Дика. Пусть только один из них попробует встать однажды на ее пути...

Как в тот раз в Кливленде, когда в нее влюбился тот старый верблюд. Ты никогда не понимал мужчин, которые влюблялись в нее, хотя их было много. Этого типа звали Хоккинсон, он жил там всю свою жизнь, ему принадлежали два или три местных банка, и у него была жена, которая считала его одновременно и Линдером и Дж.П. Морганом. Он был не очень старый, но выглядел древним и высохшим, как будто ставил опыт, сколько времени сумеет протянуть без воды. Когда он двигался, так и казалось, что вот-вот у него заскрипят кости.

Вызванный по телефону однажды днем, ты поехал прямо из офиса на Уотон-авеню, и, когда появился там, Эрма дала тебе прочитать письмо. Оно было от миссис Хоккинсон, в нем говорилось, что, если Эрма не оставит в покое ее драгоценного мужа, последствия будут самые неприятные. Она заявляла, что зайдет к Эрме на следующий день.

- Она может появиться здесь в любую минуту, - сказала Эрма, - и я не хочу ее видеть. Ты не можешь поговорить с ней? Я могла бы послать за Томом Холлом, но обычно адвокаты задают слишком много вопросов.

- Почему бы тебе просто не отказаться от встречи с ней?

- Это не поможет, она будет торчать у дверей до скончания века.

Тебе дали инструкции. Мисс Карр не интересуется ни семейная, ни эмоциональная жизнь миссис Хоккинсон.

Если мистер Хоккинсон опять предложит развлечь ее, весь вечер играя Дебюсси на ее "Стейнвее", мисс Карр с благодарностью примет это предложение, и ее совершенно не волнует реакция миссис Хоккинсон.

В дверь позвонили; горничная доложила о визите леди, которую проводила в библиотеку; ты вошел туда, представился адвокатом мисс Карр, который выполняет ее инструкции, проинформировал даму, что после полного и тщательного рассмотрения было достигнуто

решение, что она может катиться к черту. Это было очень неприятно. Сначала миссис Хоккинсон бесилась и угрожала, затем рыдала и умоляла тебя сохранить ей мужа.

Ты был тронут, искренне жалел ее, и, когда она наконец покинула дом, ты разыскал Эрму, злой и негодующий из-за того, что тебя втянули в такое отвратительное дело. Ты произнес пылкую речь, слушая которую Эрма беззаботно улыбалась.

- Почему я должна чем-то для нее жертвовать только потому, что она не умеет себя вести? - спросила она. - Мне не нужен ее драгоценный муж, но временами он бывает забавным. Если бы я пожелала его, я бы его взяла. Билл, милый, не говори мне, что я должна сохранить семью.

- Я не говорю тебе, что ты что-то должна. Это просто вопрос достойных человеческих чувств. Эта женщина действительно страдает, она глубоко несчастна.

- Ты глуп и не понимаешь, что говоришь, - заявила Эрма. - Ты считаешь, что мы не имеем права взять то, что нам хочется, только потому, что от этого кто-то станет страдать?

- Да, если только мы не нуждаемся в этом слишком остро, если это нам жизненно необходимо.

Она улынулась:

- Тогда тебе нужно стыдиться себя. Твое жалованье поднято до пятнадцати тысяч, верно? А ты сам говорил, что рабочим на заводе недоплачивают. В то время как я заставила страдать одну-единственную женщину - тем, что позволяю Хоккинсону играть для меня на пианино, что он делает исключительно хорошо. Кроме того, я ничего не отбираю у его жены - ты, конечно, не знаешь, что ее любимая грампластинка "Пей меня своими глазами"?

- Слушай, он каждый день посылает тебе цветы, пишет тебе письма на десяти страницах со стихами и следует за тобой по пятам, как верблюд, сраженный любовной горячкой. И не говори Дику, что я считаю, что рабочим мало платят, а не то я потеряю свою зарплату.

Из этого могла произойти неприятная история, потому что ухаживания Хоккинсона становились все более настойчивыми и его жена наконец дошла до угроз, формальных и официальных, развестись с мужем под предлогом измены, если бы Эрма вдруг не решила отправиться в Европу.

Это было в ноябре, через два года после отъезда Люси.

Ты не получал от нее писем и сам ей не писал. У тебя в комнате была ее фотография, долгое время она открыто стояла у тебя на туалетном столике, где ты всегда мог ее видеть, причесываясь или завязывая галстук, затем однажды, сразу после твоего возвращения из дома, где ты наконец все рассказал Джейн, ты убрал ее в ящик стола.

Возможно, она до сих пор валяется где-то в столе.

Все эти два года было ясно, что все, включая Дика, ожидали вскоре услышать о том, что ты и Эрма поженитесь.

Ты и сам не был бы очень удивлен, если бы как-нибудь утром за завтраком нашел бы на странице светской хронике "Плейн дилера" такое сообщение: "Мисс Эрма Карр сообщает о своей помолвке с мистером Уильямом Бартоном Сидни". Конечно, можно было предположить, что сначала она известит об этом тебя в зависимости от того, окажешься ли ты под рукой в момент принятия этого решения. Покоришься ли ты этому оскорбительному брачному насилию? Разумеется и безусловно, покоришься, хотя в свое время, глядя на этот вопрос гипотетически, ты бы с возмущением отверг его. Гораздо легче оценить ситуацию по прошествии времени.

И действительно, как-то утром ты нашел информацию в светской колонке, она касалась того, что мисс Карр вскоре надолго уедет за границу. Весь день в офисе ты ждал ее звонка, и, когда до пяти часов звонка не последовало и ты позвонил на Уотон-авеню, тебе сказали, что ее нет дома. На следующее утро она позвонила тебе, чтобы пригласить на ленч.

- Хоккинсон отправляется на том же пароходе? - вежливо поинтересовался ты, когда она присоединилась к тебе за столиком у Уинклера.

Она сделала гримаску:

- Не будь таким вредным. Собственно, я больше шутила, когда говорила Кэрри Лаусон, что еду в Европу, но, когда прочитала об этом в газете, мне показалось это таким разумным, что я сразу начала упаковывать чемоданы. Мне стало любопытно, может, таким образом я сбегаю от Хокса? Но нет, для этого он слишком незначителен. Скорее, я готова сбежать от тебя. Ты знаешь, ты с каждым днем становишься все более привлекательным и опасным. Эдакий лорд Байрон, который сменил свою хромоту на современную американскую выучку. Если бы я встретила тебя на рю Руайяль...

- И сколько времени ты намерена там задержаться?

- Зиму, весну, десять лет! Почему бы тебе не приехать туда ко мне на следующее лето? Встретишь меня где-нибудь в Британии или Норвегии. Все равно тебе нужно как следует отдохнуть. Мы могли бы остаться в Европе навсегда, и ты мог бы ездить домой раз в год, чтобы присутствовать на собрании держателей акций.

Ты испытывал смущение и раздражение. Было ли это предложением жениться или вежливым намеком на то, что она хотела бы изменить свое устройство дел, или это просто кошка развлекалась, запутавшись в вязальном клубке?

- Кстати, - сказал ты, - теперь, когда ты уезжаешь, может, тебе лучше передать управление своим состоянием Дику?

- Думаю, - важно сказала она, - я передам это мистеру Хоккинсону! - после чего весело рассмеялась, а у тебя кровь бросилась в голову.

Ты с достоинством сказал:

- Серьезно, я думаю, это будет хорошей идеей. Ты же не знаешь, сколько времени будешь отсутствовать и, в конце концов, кто я такой? Я нахожусь в странном положении. Можешь быть уверена, что Дику не очень нравится, что его служащий одевается как равный ему.

- Он сказал тебе эту гадость? - быстро спросила она.

- Господи, нет, конечно. Я не жалею. Дело в том, что просто в этом нет ни малейшего смысла и я чувствую себя в смешном положении.

- Ничего подобного.

Она отодвинула тарелку, наклонилась вперед, и ее голубые с серыми крапинками глаза почти утратили вечную насмешливость, когда она прямо смотрела в твои.

- Билл, дорогой, - сказала она, - если ты вынудишь меня стать серьезной, этого я тебе никогда не прощу!

Только ты на это способен. Одна из причин, по которой ты мне нравишься, - это то, что ты понимаешь все с первого слова, поэтому мне нет нужды говорить тебе, что я тебе доверяю в самом прямом смысле этого слова больше, чем кому-либо другому. А что касается твоих полномочий, сохрани их, если хочешь. - Она нерешительно помолчала, затем продолжала:

- Я не хотела об этом говорить, но на днях Том Холл настаивал, чтобы я написала завещание. Если разобьюсь в Альпах или напьюсь до смерти, ты сможешь отметить это событие, купив себе яхту.

Тебя всегда интересовало это завещание. В чем конкретно заключалось его содержание? Разумеется, она не оставляла все свое состояние тебе, однако с Эрмой ни в чем нельзя быть уверенным. Оставался еще Дик, а она не испытывала желания обогащать его. Все состояние!

Тогда в определенных обстоятельствах ты мог дать Дикю задуматься. Изменила ли она его позднее, когда вышла замуж за Пьера? Скорее всего, да, и если так, не изменила ли она завещание после его смерти в твою пользу?

Что за черт, разве об этом стоило думать...

Через неделю она уехала вечерним поездом, и ее провожала целая толпа. На нее нашла причуда поныть, чтобы ты проводил ее до Эри, или она решила, что этот жест смягчит положение отставного обожателя. Это подразумевалось, о, как это нежно подразумевалось. Когда поезд остановился в Эри, уже после полуночи, ты поцеловал ей руку, затем, по приказу, в губы, быстро и легко, и соскочил на платформу, чтобы добраться до кровати в отеле и там провести без сна, в горизонтальном положении часы, оставшиеся до утреннего поезда, направляющегося в Кливленд.

Прошло больше года, когда ты получил от нее письмо, скорее, записку и через год - еще одну. Выйдя замуж, она вообще не поставила тебя об этом в известность, ты узнал об этом из ее письма Дикю. Не то чтобы обожатель, но все-таки отставной.

Если вообще нет такой вещи, как время, если это только система подчеркнутых моментов, которую изобрели люди, чтобы жизнь казалась реальной, твои последние три года жизни в Кливленде, когда уехала Эрма, когда Люси стала воспоминанием, а твоя деловая карьера стала предметом избитых шуток, превратившись в однообразную последовательность бледных и вялых телодвижений, - можно считать, что этих трех лет вообще не было. Календарь и его даты - всего лишь воображение и мираж. Дважды ты ездил в Нью-Йорк, чтобы навестить Джейн, а заодно и Маргарет с Розой. Летом ты провел неделю с матерью, к обоюдному раздражению. Ларри, который готовился к поступлению в колледж, приехал и болтался в Кливленде около месяца, заняв соседнюю с тобой комнату в клубе и в основном отказываясь от твоих приглашений на различные развлечения, с благодарностью и чувством, потому что, тогда как и ты готов был притворяться, что между вами существуют братские отношения, которых не было, он не видел в этом смысла.

Любопытно размышлять, как сложилось бы твое будущее в офисе на Перл-стрит, если бы в банке, в депозитном ящике, не хранился этот листок бумаги, подписанный Эрмой. Возможно, тебе пришлось бы искать работу, с другой стороны, вполне возможно, что эта необходимость вынудила бы тебя напрячь свои способности и обнаружить нереализованные. Вряд ли, но Дик, освобожденный от ежегодной неприятной обязанности, хотя и номинальной, мириться с твоими равными полномочиями в директорате, мог найти твое участие не таким уж пустым. Хотя и это не справедливо; почему ты постоянно притворяешься, что Дик пытается задушить тебя?

Он очень странно вел себя с тобой, по-своему как-то глупо, как лошадь, которая притворяется хромой и вдруг скачет, повинувшись внезапному импульсу или просто нуждаясь в движении. Время от времени он консультировал тебя по каким-то незначительным вопросам, в отношении которых ты не мог составить правильного мнения, а на следующий день принимал важные решения, даже не информируя тебя о них. Однажды ты кое-что совершил, к собственному удивлению, что подтвердило реальность твоих полномочий, - это было в тот раз, когда он предложил ввести в правление Чарли Харпера, а ты упорно и твердо отказывался согласиться, поскольку Эрма страшно не любила его и не хотела его видеть в правлении ни под каким видом. Хорошо еще, что Дик не находил это таким уж важным.

Однажды он сказал тебе:

- Что ты думаешь об этом нью-йоркском деле? Мы должны решить его. Я обдумывал его вчера и сразу говорю "да". Густавсон говорит, что только Англия может разместить полмиллиарда за шесть месяцев. Если мы правильно себя поведем и если эти идиоты продолжают воевать еще год-два, тогда не будет никаких ограничений - черт, все будет возможно. Мне неуютно оттого, что я в стороне от этих кораблей, нагруженных легкими деньгами, черт побери, я места себе не нахожу. А что ты думаешь?

- Думаю, пойду домой и соберу чемодан, - улыбнулся я.

На следующий день вы со Шварцем отправились в Нью-Йорк, чтобы подыскать помещения для офиса, и уплатили целое состояние за освободившееся помещение. В течение шести недель вся организация, торговая и административная, была перевезена и размещена.

Смертельно уставший от работы, ты тем не менее был заинтересован и оживлен интересом к новой деятельности на новой сцене. Повсюду ускоряли темп работы; это было не только приспособление к величайшей из всех современных арен действий, но также горячее возбуждение, отраженное от полей сражений, которые шли в трех тысячах миль от Соединенных Штатов, где тупость и жадность в десять минут пожирала все, что могла произвести за месяц "Карр корпорейшн" с ее рудниками и печами, фабриками и тысячами людей. Самый емкий и выгодный рынок, который только можно было вообразить, превышал самые оптимистичные мечты и расчеты; и американский бизнес, в котором "Карр корпорейшн" занимала не последнее место, оправдывал свои требования повысить эффективность, хватаясь за каждую возможность и выжимая из нее все, что возможно. Слепленный, слабо пытающийся ориентироваться в этом незнакомом сумасшедшем доме, ты понемногу помогал то здесь, то там, но большую часть времени оставался потрясенным зрителем, тогда как Дик, например, бросался с головой в кипящий омут событий, со сжатым ртом, но с широко открытыми глазами, хватаясь за дело обеими руками. Ты понимал, что он делает себя и сестру богатейшими людьми Америки, но это наверняка ему и в голову не приходило - он был слишком поглощен делами, чтобы задумываться об этом.

Затем приехал Ларри, он был приветливо встречен Диком и послан им на завод в Карртон, и ты начал чувствовать твердость в жизни, хватался за краешек то там, то здесь. Больше всего за один особенный край.

По прибытии в Нью-Йорк ты предложил, чтобы Джейн, Маргарет и Роза оставили свою маленькую квартирку на Салливан-стрит и устроили для тебя дом в любой части города по своему усмотрению. Это была твоя самая заветная мечта, которая в течение многих месяцев согревала тебе душу. Их доход был весьма скудным, потому что половина процентов с капитала за проданную аптеку поступала матери, заработок Джейн как штатного корреспондента в "Нью уорлд" был также мизерным, и, небрежно упоминая о твоих двадцати тысячах в год, ты старался, чтобы голос твой звучал равнодушно, когда ты предлагал вести совместное хозяйство, оплачивать которое будешь сам. Никогда, говорил ты себе, никогда мечта человека не могла быть более совершенно воплощена. Недавно приехавшие Маргарет и Роза были просто неизбежным недостатком, который обязано иметь любое совершенство. У нас будет двое слуг, горничная и кухарка, говорил ты, Джейн сможет спокойно работать, а Маргарет и Роза ходить в школу; отдельные просторные комнаты для каждого, гораздо красивее и удобнее, чем их крошечная квартирка...

Джейн отказалась. Остальные проявляли желание, но она однозначно отказалась и запретила им об этом думать. Она сказала, что ты можешь жениться, что ты должен жениться и что ты не должен так связывать себя. Ты возражал, что тебе только тридцать один год, что все равно ты не собираешься жениться. Нет, она на это не пойдет. И ты остался в своем двухкомнатном номере в Гарвуде.

Ты проводил с Джейн очень много времени, гораздо больше, чем в любой период до или после того. Ты ходил с ней в театр и на концерты, взял абонемент в оперу и убедил ее пользоваться счетами, которые открыл на ее имя в двух-трех крупных универмагах. Какое острое наслаждение получал ты, делая это, чувствуя, что наконец-то воздаешь ей должное за все, что она для тебя делала! Предоставлять ей эти деньги на самом деле для тебя ничего не стоило, и тем не менее это было радостно, это было самым восхитительным за твою жизнь.

Ты получал счет из "Альтмана" за какие-нибудь перчатки, чулки или ночную рубашку и при очередной вашей встрече доставал его из кармана и с притворным раздражением говорил:

- Ты бы проверяла их, что ли! И куда, к черту, вам столько чулок?

Она заглядывала в чек и говорила:

- Чулки были куплены для Маргарет, Роза купила ночную рубашку, не спросив у меня, а перчатки я выиграла у тебя, помнишь пари насчет Панамского канала.

- Ладно, - ворчливо говорил ты, - я не стану спрашивать об этом Маргарет и Розу, потому что не хочу поймать тебя на лжи.

Когда на Рождество 1915 года вам заплатили премию размером в целый годовой оклад, это была громадная куча денег, ты купил Джейн маленький "паккард" с откидным верхом и сам доставил его на Салливан-стрит.

Маргарет и Роза чуть не задушили тебя в объятиях, тогда как Джейн стояла и смотрела на тебя; она выглядит слишком серьезной, подумал ты, надеясь, что никто не замечает подступивших к твоим глазам слезам.

- Ну, дорогой мой, - сказала она, - это уж слишком роскошно. Мы не можем себе позволить держать машину, верно? Ты очень милый, и я не удивляюсь, что девочки готовы съесть тебя, но тебе не следовало это делать.

Ты встал в позу:

- Дорогая моя мисс Сидни, это просто ерунда. Я хотел купить для тебя пульмановский спальный вагон, но они все распроданы. И я уже договорился в гараже на Салливан-стрит, что все счета будут направляться первого числа каждого месяца на Пятидесятую улицу.

Ты заставил ее сесть в машину, устроился рядом и стал объяснять ей назначение различных педалей и непонятных для нее приборов.

- В субботу поедem за город, и я дам тебе первый урок, - сказал ты.

Она медленно повернулась, обняла тебя за шею и поцеловала прямо в губы. В первый и единственный раз она это сделала; странно, что это произошло из-за автомобиля, это было не похоже на нее. Скорее всего, это не из-за машины, просто она что-то почувствовала...

Ты встречался со множеством ее друзей - все они странные люди, никто из них тебе не нравился. Кроме молодого Крукшенкса, тогда еще мальчика, который писал на обороте меню стихи и величественно вручал их метрдотелю в качестве платы за еду. Ты думал, что в него была влюблена Маргарет. И еще девушка с меднозолотистыми волосами, которая была арестована во время забастовки в Джерси, и Джейн заставила тебя оформить за нее выкуп. Кажется, она была русская или что-то в этом роде. Больше всего тебя раздражал мужчина с грязными седыми усами, профессор Колумбийского университета, который вечно сорил сальными остротами насчет женщин. Что находила в нем Джейн? Она говорила, что он интересный и поучительный собеседник, потому что был сатириком-декадентом, а Виктор поправил: не декадентом, а импотентом.

Сначала Виктор тебе понравился, не стоит этого отрицать, ты действительно находил его приятным и общительным. Он казался тебе более нормальным и уравновешенным, чем остальные члены ее компании.

Ты разрабатывал изощренные планы на весну и лето.

Ты собирался снять какой-нибудь дом за городом или на берегу океана, скромный дом не очень далеко от города, и перевезти туда всю семью. Ты и Джейн будете вместе ездить на "паккарде" утром и вечером на станцию, а как только закончатся занятия в школе, Маргарет и Роза смогут распрощаться с тесной квартиркой до осени. Пусть себе Джейн сколько хочет принимает своих нелепых друзей, хотя ты вполне мог обойтись и без них.

В середине февраля ты уже стал наводить справки о сдающихся домах и получать списки из агентств по найму недвижимости.

У Джейн эта идея не вызывала такого восторга. Дважды ты просил ее в воскресенье поехать вместе с тобой, чтобы посмотреть дом, и каждый раз у нее оказывались какие-то неотложные дела. Затем она заявила, что все равно это невозможно сделать, пока в начале июня не закончатся занятия в школе, так как она не может оставить девочек одних в городе, и, когда ты сделал предложение, чтобы они тоже ездили в город из деревни, оно было расценено как непрактичное. Ты стал подозревать, что с Джейн творится что-то странное, меньше всех ей была свойственна нерешительность. Видимо, ее деморализовали ее чудаковатые приятели.

Однажды в мае, в субботу, когда вы встретились за ленчем в центре города, ты настаивал, чтобы на завтра она поехала с тобой посмотреть один дом где-то на севере, недалеко от Уайт-Плейнс.

- Там девять комнат, две ванны, самые современные удобства, и дом расположен на краю леса, на самом верху холма, откуда открывается роскошный вид на реку, - говорил ты ей. - Кажется, это именно то, что надо.

Полностью меблирован, четыре спальни, комната над гаражом для горничной или двух. Я позвонил агенту, и он придержит его для нас; я сказал ему, что мы приедем до двенадцати дня и...

Что-то в выражении ее лица остановило тебя. Что-то в ее глазах заставило тебя вдруг почувствовать себя глупым и нелепым, как будто ты предлагал королеве, восседающей на троне, карамельку в бумажной обертке.

- Думаю, он тебе понравится, - запинаясь, пробормотал ты, чувствуя, как в сердце вселяется страх.

- Я уверена, что понравится, - тепло сказала Джейн, слишком тепло. - Звучит великолепно. Мне там понравится.

- Тогда...

- Только это невозможно. Я собираюсь выйти замуж.

Я говорю тебе это первому, потому что мы решили только неделю назад и некоторое время намерены держать это в тайне. Даже девочки ничего не знают. - Она засмеялась глубоким, грудным смехом. - Когда я отказалась устроить для нас всех общее хозяйство, потому что тебе нужно жениться, я не догадывалась, что выйду замуж раньше тебя. Может, просто ты был слишком вежлив и ждал, пока я первая выйду замуж, потому что я старше тебя.

- Я думал... Я думал... - Слова не шли у тебя с языка.

Ты окончательно замолчал, не в силах что-либо сказать.

- Кто же твой жених?

- Как будто не знаешь, - улыбнулась она.

Господи, она еще может шутить на эту тему!

- Не знаю, - сказал ты. - Кто он?

- Виктор, конечно. Ты действительно не знал? А должен был бы понять. Но ты был наивным, как школьник.

Она снова засмеялась. Почему она смеется, как простушка? Затем она посерьезнела и важно сказала тебе:

- Я так счастлива, Билл, только не думай, что я не Думала о тебе. Я понимаю, это разрушает все твои планы на лето, и думаю, это неблагодарно, ты был так великодушен...

И она произнесла речь о твоём великодушии и щедрости.

Ты потерял голову и чуть не устроил прямо там, в ресторане, настоящую сцену.

Ощущение, что тебя предали, было отчасти оправданным. Шел двадцатый век, и ты не требовал прав патриарха, но, в конце концов, ты был ее братом, наделенным всеми привилегиями, прерогативами и ожиданием, свойственными брату, и, естественно, совет по поводу ее будущего

мужа был одним из них. Она могла бы спросить у тебя совета, даже если собиралась его игнорировать. Ты не брал на себя право вето, но, если бы это было так, ты определенно использовал бы его против Виктора Ноултона - начинающего писателя и лектора, неотесанного, чрезмерно самоуверенного, обязанного своим успехом сомнительному методу убеждения президентов женских клубов в том, что его разглагольствование о чем-либо в течение часа стоит пятьсот долларов. До тебя доходили пикантные слухи об этом человеке, которые прежде забавляли тебя, но, вспомнив их сейчас, ты решил, что Виктор не должен жениться на твоей сестре.

Джейн, поначалу пораженная твоей выходкой, вооружилась терпением и успокаивающей снисходительностью. Тебя бесило, что она не стала защищаться. Если капризный ребенок набил себе шишку, не стоит беречь его рану, казалось, говорил ее вид, нужно потакать бедному ребенку. Это сводило тебя с ума.

- Отлично, - воскликнул ты, - если хочешь, я скажу правду! Никто не ожидает, чтобы мужчина был святым, но он не должен быть и неразборчивой свиньей, если собирается взять в жены приличную женщину.

- Не думаю, что мне нужно защищать Виктора от обвинения в этом грехе, - медленно сказала Джейн. - Это сказано слишком сильно, ты не думаешь? Во всяком случае, это его личное дело, так же как и мое пестрое прошлое - мое. И по твоим же стандартам ты должен признать, что с его стороны достойно желать жениться на мне после того, как мы с ним живем почти целый год.

Конечно, я протестовала против этого, но теперь, когда мы решили завести детей...

Ты уставился на нее во все глаза. Эта женщина не может быть твоей сестрой, твоей дорогой Джейн. Это какая-то шлюха...

Тебе захотелось закричать на нее, осыпать оскорблениями, но внезапно ты почувствовал себя слабым, утомленным и напуганным. Ты был не способен двигаться, и это было хорошо, потому что тебе хотелось задушить ее или ударить по лицу, чтобы она почувствовала твою ярость, признала твою силу и покорилась... Она заслуживала этого.

Разве она не заставила тебя верить, что так же смотрит на семью, как и ты, что это самое важное из всех человеческих отношений. Она не разрешала тебе тратить на себя и на девочек деньги, которые ты мог бы истратить на другие цели. Она все это время, почти год, создавала атмосферу доверия и близости и в то же время утаивала от тебя свое вульгарное...

Возможно, даже обсуждала с Виктором своего великодушного брата...

Что ж, все кончено и ничего не поделаешь, сказал ты себе, стоя на узком тротуаре Фултон-стрит, после того как она распрощалась с тобой у выхода из ресторана и поспешила к подземке. Ничего, конечно, трагического, но невероятно обидно и тоскливо вдруг обнаружить жестокий эгоизм вместе с остальными слабостями и грязными пороками, где ты их обнаружить меньше всего ожидал. Вероятно, этот опыт постигает всех братьев, которые с уважением относятся к своим обязательствам и пытаются действовать честно и справедливо.

Ты бесцельно брел по Бродвею. Ты мог позвонить агенту и предупредить, что не поедешь завтра смотреть Дом; на черта тебе дом на холме с четырьмя спальнями? Что там делать?

В понедельник ты получил от Джейн письмо, в котором она просила тебя забрать "паккард" или прислать за ним, поскольку он предназначался для вас четверых, она теперь не может его держать у себя, особенно принимая во внимание твою антипатию к Виктору, которая, как она горячо надеется, исчезнет, когда ты поближе его узнаешь; кроме того, у него уже есть легковой автомобиль для туризма, и им нет смысла иметь две машины. Ты коротко ответил, что "паккард" принадлежит ей, она может делать с ним все, что пожелает, - отдать его Маргарите или Розе или продать на запчасти, это уже не твое дело.

Ты лелеял мысль, что даже при том, что она рассказала тебе о прошедшем годе ее совместной жизни с Виктором, ее брак все еще не является окончательно решенным делом. Она устанет от него или он от нее, и тогда великодушный брат с его чувством ответственности и с деньгами, достаточными, чтобы купить машину и снять дом на лето, снова будет приглашен и оценен.

Ты еще раз увидишься с ней и все объяснишь ей: ведь ей не нравилась идея замужества, она возражала против нее, так пусть же не вступает в брак. Детей может не быть. Ее легко можно будет убедить, что лучше немного подождать...

Ты все еще обдумывал это, когда через несколько дней, утром, пришло извещение о том, что они поженились. Это было похоже на них - не прислать обычное достойное извещение. Оно было на какой-то художественной бумаге, розовой или голубой, и почерк был таким небрежным, что ты едва его разбирал: что-то вроде того, что Джейн Сидни и Виктор Ноултон, поклявшись перед Богом в верности друг другу в Сити-Холл двадцать первого мая, будут официально дома...

Любой человек, рассчитывающий чего-либо добиться от женщины, дурак или добивается этого случайно.

Какая бы она ни была, она всегда добивается того, чего хочет, и ей тысячу раз наплевать на тебя. По существу, все они варвары, животные, через мгновение они разрывают тебя на части и не думают об этом, как шакал, а потом ложатся, вытягиваются, облизываются и ждут, что их погладит кто-нибудь другой, оказывающийся поблизости. Очень плохо, что они не делают этого буквально, пожирая тебя, тогда это происходило бы только один раз в твоей жизни. Эрма наверняка согласилась бы с тобой, по крайней мере, она честна в этом отношении. Миссис Дэвис ничем не навредила тебе; она просто использовала тебя; что она тебе дала? Сына; какую пользу он тебе принес; он слопал дюжину обедов за твой счет и сделал из тебя осла, сотворив этот бюст. Потратил больше семи тысяч долларов из твоих денег, болтаясь по Парижу и Риму, вероятно обманывая других богатых идиотов, которые ничего не смыслят в искусстве.

Люси - Люси не была женщиной, она была Люси. То же самое было бы и с ней - нет. Нет! Это было как капли дождя, которые никогда не падают из тучи - а вместо этого взмывают вверх для того, чтобы вечно плыть в атмосфере, не находя пристанища; или замороженный бутон цветка, превратившийся в хрусталь, безжизненный, так никогда и не познавший жизни.

Но самым диким и оскорбительным для звания человека, чудовищем, была эта маленькая Миллисент, в той комнате, когда в окно светило солнце, много лет назад, когда она молча расхаживала взад и вперед, вынимая твои вещи из шкафов и складывая их в кучу на стуле, и наконец повернулась и направила к тебе...

Покинутый и преданный, с горечью в сердце, без какой-либо зацепки, которая могла бы тебя поддержать, ты не очень удивился тому, что к тебе вернулась старая знакомая фантазия; ты принял это и ощутил ее руки снова в первый раз за многие месяцы, в тот же вечер, когда Джейн оставила тебя у дверей ресторана.

J

Он повернулся и переступил через грязный ковер на ступеньку второго пролета лестницы. Он двигался безразлично, почти автоматически; казалось, что он по чистой случайности повернул в этом направлении, а не в другом. Он держался за перила, освещения в коридоре было достаточно, чтобы видеть дорогу.

Наверху его ждал полумрак, спускавшийся почти до подножия лестницы, как угрожающий туман. Он в нерешительности помедлил перед ним, туповато, окутанный тишиной. Все здесь было для него обычным и знакомым, и все-таки он колебался, чувствуя странную новизну в тусклом мраке.

Настал момент схватки, сказал он себе так ясно, что ему показалось, как будто он сказал это вслух, хотя его губы оставались недвижимыми.

Значит, ты можешь сделать это и безопасно скрыться.

10

Оно появлялось и исчезало неожиданно и прихотливо, порой захватывая тебя неожиданной силой, лишая мысли о сопротивлении. И снова оно, приглашаемое и приветствуемое тобой, приближалось скромно и осторожно, то выступая вперед, то отступая. Оно пряталось в уголках твоего воображения, недоверчиво страшась быть захваченным врасплох.

Оно редко посещало тебя чаще одного раза за день или за ночь, хотя были случаи... например в тот вечер, когда Эрма уехала в Нью-Йорк. В тот раз оно появилось дважды и поразительно явственно, хотя невозможно понять, какое оно имело отношение к Эрме, если только она не напомнила тебе о прежних временах в Кливленде, когда ты занимался этим так же часто, как зашнуровывал ботинки или застегивал брюки.

Эрме понравилось бы, если бы ей сказали, что первым эффектом от ее возвращения было обострение твоей памяти о маленькой Миллисент!

Но ей было безразлично. Это только позабавило бы ее. Да был ли кто-нибудь в ее жизни, кто имел для нее значение? Нет. Ты никогда не видел Пьера, только слышал ее рассказы о нем. Она зевнула бы и сказала бы что-нибудь умное насчет физического вторжения, как делала это в то время, когда обнаружила, что скрипач, который носил лепестки розы в шелковом поясе, повязанном на талии под рубашкой, непроходимый дурак. Это было в ее характере - рассказать тебе об этом, без всякого извинения, только упомянув, что все было слишком хорошо, чтобы долго продолжаться.

Если бы ты знал ее так же хорошо, как сейчас, что бы ты сделал в то утро, когда она сообщила тебе, что настало время? Трудно припомнить, что ты тогда знал. Возможно, это не имело значения, потому что ты был готов схватиться за все, что угодно; если бы она отложила свое решение на неделю или две, ты мог бы уехать за Ларри во Францию и получить пулю в лоб.

Джейн была уже замужем почти год; ты решился терпеть Виктора, но видел их редко, особенно потому, что чувствовал, что Маргарет и Роза намерены использовать тебя для приобретения дорогих вещей, а ты не собирався этому потакать. Особенно в отношении Розы. Джейн, пытавшаяся одновременно ухаживать за ребенком и справляться с работой, была слишком занята, чтобы заметить, что твои визиты стали очень редкими.

В тот вечер ты сидел в изящной спальне Эрмы, гадая, что происходит. Она впервые и с большим успехом давала званый обед с танцами в доме на Риверсайд-Драйв; она устраивала подобные вещи с необычайной легкостью, почти не задумываясь. Ты предполагал, что через год ей это надоест или, по крайней мере, по окончании войны; тогда она сможет вернуться в Европу. Почему она попросила тебя задержаться после разъезда гостей?

Если она захотела увидеться с тобой наедине, почему она не сделала это накануне или на другой день? Чего она хочет?

Дверь ее ванной открылась, и она появилась, свежая и очаровательная, без малейших признаков ночной усталости, в нежно-желтом negligé, точно такого же цвета, как и ее волосы, и в таких же тапочках, из-под подола халата мелькали ее белые щиколотки, когда она приблизилась к тебе. Как будто она и раньше бесчисленное число раз проделывала это, она уселась тебе на колени, прямо взглянула на тебя блестящими и нежными глазами и погладила тебя по щеке.

- Бедняга Билл, ты устал, - сказала она.

Ты чувствовал себя неуютно. Те четыре месяца, что прошли с ее возвращения, Эрма проявляла дружелюбие, но никогда не было заметно, что она нуждается в твоей особе. Раз или два жена небрежно замечала, что должна как-нибудь серьезно поговорить с тобой, но ее настоящие намерения и поза никак не соответствовали серьезным намерениям. Через ткань брюк ты ясно почувствовал, что, кроме неглиже, на ней ничего не было.

- Не очень, - сказал ты.

- Я тоже, - ответила она. - Обними меня.

Ты притянул ее к себе, сперва автоматически, как совестливый человек, которому оказали доверие, затем, ощутив возбуждение, уже от себя лично.

- Поцелуй меня, - прошептала она, - у тебя такие приятные руки!

Ты чувствовал на затылке тепло ее руки, когда она крепко прижала к груди твою голову.

Где, к черту, она достала эти пижамы? Может, это были пижамы Пьера? Они были прямо у нее в туалетной комнате, хотя она переехала в этот дом всего неделю назад, - и казались новыми. Замечательный мягкий белый плотный шелк. Она заявила, что купила их в тот самый день, и это вполне возможно. В любом случае ты испытал к ней чуть ли не нежность за эту белизну, потому что всегда терпеть не мог цветных пижам.

Это была странная ночь. Подобно тому как будто ты смотрел на себя с высоты горы, слишком издалека, чтобы все ясно различать...

Утром тебя поразило, когда она встала одновременно с тобой и настояла, чтобы ты выпил кофе и поел фруктов вместе с ней; и там, за завтраком, она сообщила тебе, что неплохо бы вам пожениться. Ты уже и без того был совершенно сконфужен внезапным изменением своего статуса, так устал и не выспался, что сначала воспринял эту идею как дополнительное и необязательное осложнение.

- Поскольку мы знакомы уже больше двенадцати лет, - сказал ты, - твое предложение в данный момент открывает путь для самых вульгарных предположений.

- Не таких уж для тебя нелестных, - ответила она.

Ее голос и взгляд были ясными, она выглядела хорошо отдохнувшей и освеженной.

- Не могу понять, почему ты это предлагаешь. - Ты налил себе еще одну чашку кофе из огромного серебряного кофейника. - Я и так твой полный раб и, видимо, останусь им навечно. Я не забыл, что много лет назад, когда я не очень хорошо знал тебя, я совершил ошибку, поверив, что ты любишь меня.

- Странно для нас с тобой говорить о любви, - заметила она.

- После того как мы столько ее высмеивали. Да.

- Тогда это была только болтовня. Я хочу сказать, это было необязательным. Мы уже знаем все, что касается нас, мы знаем друг друга больше, чем нам хотелось бы признать. Мы понимаем друг друга.

- Будь я проклят, если понимаю, почему ты хочешь за меня замуж.

- О, хорошо. А ты спроси у цветка, почему он раскрывается навстречу пчеле, или у самки лосося, почему она проплывает тысячу миль, чтобы метать икру именно в этом ручье. Если она прилично воспитана, она скажет тебе, но это не будет правдой.

- Опять пустые разговоры, - сухо сказал ты. - Обычно я готов поиграть, но ты, кажется, говоришь всерьез. Зачем я тебе нужен? Как твой поверенный, я не считаю эту сделку удачной идеей.

- Безупречный совет. - Она закурила сигарету и скрылась за клубами дыма. - Покажи мне лучший пример. Мне надоело быть богатой вдовушкой. Я хочу инвестировать деньги в мужа.

- Ты слишком откровенна.

- Ты спрашиваешь меня почему и настаиваешь на объяснении. Возможно, ты все еще вызываешь во мне любопытство, что было бы победой. Я видела, как однажды ты привередливо отказался от приза, за который большинство мужчин дали бы вырвать себе глаз. А может, я просто хочу иметь защиту за дверью в мою спальню на случай, если ее распахнет ветром... Господи, да нет здесь ни причин, ни поводов! Что, если бы сегодня вечером устрица на твоей вилке вдруг посмотрела на тебя и спросила, почему ее выбрали, удостоить такой чести?

Ты поднес чашку ко рту, раздавленный до потери дара речи ее насмешливой жестокостью. Наверняка ты и выглядел раздавленным, потому что она встала из-за стола, подошла к тебе и поцеловала в голову.

- Билл, дорогой, я действительно хочу стать твоей женой, - сказала она.

Потом целый день на работе, вечером дома и на следующий день ты притворялся, что раздумываешь, как поступить, хотя все время понимал, что все уже решено.

Ты полагал, что Эрма пожелает устроить пышную свадьбу теперь, когда она вошла в высшее общество громадного города, и испытал огромное облегчение, когда она сказала, что это будет слишком хлопотно, пышные свадьбы - это для крестьян и титулованных ослов. В прекрасное октябрьское утро, меньше чем через месяц после помолвки, в сумрачной церкви где-то в Южном Джерси, со смешными занавесками на окнах, выходящих на белую церковь, стоящую за зеленой лужайкой, с Диком и Ниной Эндикотт в качестве свидетелей, Эрма совершила помещение своих капиталов в брачный союз. Вы с ней уехали на машине с шофером в Вирджинию, а потом на залив, а Нина и Дик поездом возвратились в Нью-Йорк.

Определенно в тебе было нечто не дававшее Эрме пресыщения, а также слишком сильного удовлетворения, но уж этот ее неутомимый аппетит найдет себе удовлетворение везде, кроме могилы. Пойманная на месте, она наслаждалась своим поражением и заявляла об этом - трюк, который поначалу озадачивал тебя, потому что она достаточно умна, чтобы понимать, что слова, которые ты не произносишь, - именно то, что следует слушать. Ты слишком переигрывал, делая вид, что прислушиваешься к ним, но это маленькая шутка, которую каждый волен проделывать над собой. Их нечего бояться, они будут оставаться там, где должны, они больше боятся тебя, чем ты их.

Первый интервал, во всяком случае, первый из тех, о которых ты знал, наступил вскоре после окончания войны - в весну подписания перемирия, когда Нью-Йорк был наводнен возвратившимися с войны капитанами и полковниками, больными и измученными. Парень в офисе, который несколько месяцев собирал доклады начальников отделов и делал для тебя их обзор, командовал батальоном в Шато-Гьерри. Он был приятным парнем, но таким тупым, что тебе пришлось отослать его к Николсону и попросить другого. Позднее он уехал с Ларри в Карртон; только Ларри скоро вернулся и начал удивлять всех вас.

Именно Ларри и представил майора Барта тебе и Эрме, привел его как-то вечером на бридж. В нем не было ничего особенного, за исключением размеров - громадный, хорошо сложенный, с маленькими светлыми усиками, похожими на пару запятых, торчащих в стороны на его юной розовой коже. Ты бы и не заметил его в толпе, если бы не последующая комедия.

Рослый красавец майор начал слишком часто появляться у вас в доме, но ты все еще не обращал на это внимания; изменчивые и быстро преходящие увлечения Эрмы гостями и партнерами по танцам были для тебя хорошо знакомы. Отправным моментом был ее звонок днем, когда она попросила тебя пообедать в клубе; и когда эта просьба повторилась за неделю несколько раз, ты спокойно подумал, не сломал ли повар ногу или не ударился ли он в запой. Затем, однажды вечером, вернувшись домой около полуночи и поднимаясь к себе на третий этаж, проходя мимо комнаты Эрмы на втором этаже, ты заметил проникающий сквозь замочную скважину лучик света, хотя Джон сказал, что ее нет дома. Может, это ее горничная, ты пожал плечами и пошел спать.

Утром, встав позднее обычного, сидел в столовой. Ты только что допил кофе и отложил газету, когда услышал за дверью шаги, поднял взгляд и увидел майора Барта, растерянно моргающего и багрового.

- Доброе утро, - любезно сказал он и добавил что-то невразумительное.

Все это он говорил, проходя за твоей спиной к звонку для прислуги. Отупев от растерянности, ты пробормотал, что плохо спал и что сегодня можно не торопиться на работу. Появился Джон. С вежливостью отчаяния ты подтолкнул "Тайме" к гостю и поспешно ретировался, слыша, как сзади оживленно обсуждают меню на завтрак: апельсиновый сок, яичница с беконом, жареный картофель, яблочное желе...

Так получилось, что в этот вечер вы с Эрмой обедали где-то на другой стороне парка. Обычно она заходила к тебе помочь завязать галстук - это один из тысяч ее жестов, на которые ты не рассчитываешь. Она напевала какую-то песенку, стоя прямо перед тобой, аккуратно поправляя концы галстука.

- Послушаем сегодня Карузо, - сказала она, - если они не уснут за кофе.

- Да. - Ты повернулся и взял пиджак. - Майор пойдет с нами?

Она присела на подлокотник твоего кресла и посмотрела на тебя оценивающе, причем в ее глазах проскользнул огонек, не насмешливый, а просто огонек нервной жизни, без какого-либо человеческого значения. Затем она улыбнулась:

- Тим помешал тебе завтракать?

- Нет! Только не Тим! Не говори мне, что этого носорога зовут Тим!

- Тимоти! - объявила она. - Извини, что он внезапно нагрянул на тебя этакой горой - мне следовало предупредить тебя.

Стоя перед зеркалом и повернувшись к ней спиной, ты поправил на себе костюм.

- И он... то есть... мы его усыновляем? - поинтересовался ты.

Она помолчала, а потом сказала:

- Иногда ты меня пугаешь, Билл. Ты слишком все чувствуешь, слишком - для мужчины. Сколько мы с тобой женаты, полтора года? Да, восемнадцать месяцев.

У нас в доме перебивала сотня гостей, некоторые при очень странных обстоятельствах, как тот венгр прошлой зимой, и ты ни разу и ухом не повел. Но Тима ты сразу почуял - ты слишком умен.

Ты закончил одеваться и остановился, глядя на нее сверху вниз и засунув руки в карманы.

- Вчера он спал с тобой, - сказал ты.

- Да, - ответила она.

- И мне полагалось завтракать с ним, обсуждая вчерашние цены на акции? Господи, Эрма, мы же с тобой не гусеницы! Думаю, я понимаю, какую сделку мы с тобой заключили. Я не намерен читать тебе нравоучение по поводу целомудрия и верности. Имей в виду, это приготовленная речь, я обдумал ее днем на работе. Это показывает, как мы с тобой близки. Прошлой ночью я почти не спал, весь извертелся. Я не считаю, что меня слишком мучают, но, когда сегодня утром на меня свалился этот носорог, я почувствовал себя как раздавленный червяк. Чего ты ожидаешь от меня? Может, мне уйти и пожить в клубе? Ты хочешь развода?

- Пойдем, - сказала Эрма, - а то опоздаем.

Это не привело ни к каким выводам, когда ты сидел рядом с ней на мягких сиденьях лимузина, направляющегося через Драйв, через город и дальше через парк.

Разумеется, сказала она, она не хочет разводиться. И зачем тебе переезжать в клуб или куда-то еще? Эти проблемы возникли исключительно из-за твоих внутренних ощущений, которые у нее совершенно отсутствуют, сказала она. Она забыла о твоём редком чутье, не сообразила, что ты

сразу поймешь: присутствие майора за завтраком имеет более серьезное значение, чем появление других ночных гостей. Вообще-то она не очень рвется к такой назойливой близости с ним; ей пришлось на это пойти, потому что сейчас он так беден, что вынужден жить в жалкой меблированной комнатухе на Седьмой авеню. Он намекнул ей, что с удовольствием работал бы в "Карр корпорейшн", но это невозможно; он слишком туп, чтобы рассчитывать на ваше с Диком согласие.

И дальше продолжалось в этом же духе. Основной вопрос, предполагается ли, что ты будешь делить утренний номер "Тайме" с джентльменами, которые провели ночь в спальне твоей жены, остался без ответа. В уме ты всегда использовал множественное число, джентльмены, поскольку ты ясно видел, что майор был не кем иным, как одним из многочисленной рати любовников.

С годами Эрма стала значительно менее чуткой по отношению к твоей редкой восприимчивости...

При этом она знает тебя лучше, чем кто-либо другой, не считая Джейн. Она доподлинно знает, на что может с тобой рассчитывать, всегда знала; поразительно, какой Уверенной она была, когда Дик и все правление, за исключением Шварца, были готовы вышвырнуть тебя. Из-за этого все дело получило совершенно неожиданный поворот. Если бы не Эрма, Джексон извернулся бы, а ты оказался бы законченным негодяем.

Как Джексон заполучил этого остолопа из "Адамс нешнл" и как ему удалось обвести миссис Хэллоуэй, чтобы передать соглашение с людьми Бетлхема в газеты так, чтобы потом не разыгралась обычная политическая интрига, ты тогда не знал и не мог узнать. Ты не мог обвинять ни Дика, ни кого-либо другого, потому что это было целиком твоим делом. В Нью-Йорке копий этого соглашения не имелось, никто, кроме тебя, не имел доступа к документу, и было известно, что ты находишься в дружеских отношениях с Хэллоуэй. Ничего удивительного, что Дик усмехнулся тебе в то утро в лифте.

Ты решил, что должен рассказать об этом Эрме, сообщить ей обо всех фактах тщательно и подробно, и в тот день рано ушел домой, надеясь, что она уже вернулась, получив твое сообщение по телефону. Ларри появился у тебя в кабинете как раз в тот момент, когда ты собрался уходить.

- У нас на двадцатом этаже носятся какие-то сумасшедшие слухи, - сказал он. - Чушь какая-то. Джексон расхаживает с видом довольной гиены, которая обнаружила целое кладбище трупов. Это, конечно, не мое дело, но я хотел, чтобы ты знал, что мы за тебя...

Ты поблагодарил и не очень успешно успокоил его.

Смирившись с тем, что, возможно, навсегда уходишь из этого милого сердцу, роскошного кабинета с табличкой, на которой золотом указано твое имя.

Дома горничная сказала, что Эрма хочет немедленно тебя видеть.

Постучав в дверь и войдя внутрь, ты застал ее уютно устроившейся в красном кресле. Ослепительно белая в сумеречном свете, с зажатой в длинных пальцах сигаретой, от которой голубой спиралькой подымался дымок, она не шевельнулась при твоём появлении, только взглянула на тебя. У окна лицом к ней в другом кресле сидел Дик с чашкой чаю.

- Привет, - сказала Эрма. - Из того, что сказал мне Дик, я решила, что сейчас ты, вооруженный до зубов, уже в лодке на пути к Африке.

Дик что-то пробормотал, из чего ты разобрал только два слова "неожиданно" и "неприятно", и, обернувшись к тебе, спросил, как ты узнал, что он находится здесь.

- А я этого и не знал, - сказал ты. - В противном случае я бы подождал, пока ты уйдешь.

И ты повернулся.

- Нет, - сказала Эрма, - нечего убегать. Садись, выпей чаю и послушай занятную историю Дика. Я уже давно не слышала такой потрясающей истории.

Она метнула на него одну из своих острых усмешек, которые, когда были обращены к тебе, всегда вызывали желание ущипнуть ее.

- В конце концов, Билл здесь живет, это его дом.

- Ладно, мы уже все выяснили, я здесь не для того, чтобы доказывать ему то, что и так известно. Я уже сказал тебе, как обстоит дело, он отрицает это, просто отрицает, как упрямый осел, но здесь все совершенно ясно. Говорю тебе, он предатель и жулик и должен выйти из дела. Так что зачем еще толочь воду в ступе?

- Господи, какой ты у нас положительный и нравственный, - сказала Эрма.

- Как же, нравственный. Я его не упрекаю. Думаю, он просто ненормальный, иначе он заработал бы на этом миллионы. Я сказал, что не хотел этому верить, и не верил, пока это не стало слишком очевидно. Однако я пришел сюда не спорить на эту тему, а сказать тебе, что нужно делать. Мы могли бы с этим покончить на вчерашнем собрании, все были готовы к этому, но я решил, что будет приличнее сначала рассказать все тебе.

- Спасибо.

Эрма налила тебе чашку чаю и расколола кусочек сахара на две части, чтобы положить тебе полтора кусочка. Ты взял чай и, усевшись, испытал какое-то отстраненное восхищение нападками Дика. Приняв решение, он нанес удар с характерной для него энергией. Ты уже ничего не боялся; пусть все идет к чертям; что касается Джексона, который все это устроил, то он оказался слишком хитрым. Только через месяц ты смог бы накопать на него материал?

- Это очень печально, - сказала Эрма, - но необыкновенно пикантно и интересно. Итак, у Билла в личном сейфе хранится бумага о секретном соглашении по правительственному контракту, и он идет к твоему злейшему врагу и предлагает опубликовать его в газете, чтобы правительство отказалось от контракта, передав кому-то другому. Дик, ты же не можешь этому верить!

- Говорю тебе, доказательства...

- Ах, эти твои доказательства! Однажды кто-нибудь уверит вас, что утонуть полезно для головной боли, и вы все побежите и броситесь в океан. Силы небесные, неужели ты думаешь, что я выйду замуж за предателя?

Конечно, он мог напиться... или попытаться что-нибудь доказать. Правда, Билл? Ты этого добивался? Можешь не отвечать, я вижу это по твоему лицу. Дик, дорогой, в следующий раз, когда тебе захочется устроить трагедию и раскрыть зловещий заговор, подбирай себе более правдоподобного негодяя, а не тычь в бедного Уильяма.

- Я в него не тычу. Ты чертовски умна. - Дик с трудом отстранился. - Нет смысла спорить об этом. - Он с бешенством обернулся к тебе:

- Ты собираешься подать заявление об отставке и выйти из правления?

- Нет, не собирается, - сказала Эрма.

- Тогда мы его вышвырнем.

- Не вышвырнете.

- Черта с два не вышвырнем. Он уйдет завтра же. А ты попробуй завтра поспорить об этом на правлении, посмотришь, что у тебя выйдет.

- И не собираюсь спорить, мне наплевать на ваше правление. Я ничего в этом не понимаю, но знаю, что мне принадлежит половина капитала компании, и в общих чертах понимаю, что это значит. Билл не собирается подавать прошение об отставке, а вы его не вышвырнете. А если он уйдет, я найду другие интересы в жизни, и посмотрим, умна я или нет.

Дик вскочил на ноги, с яростью глядя на нее, готовый взорваться. Ты зачарованно наблюдал за ним; если он действительно взорвется, Везувий может отдыхать.

- Мне очень жаль, Дик, - холодно сказала Эрма. - Вставлять кольцо тебе в нос не доставит мне удовольствие, а тебе будет очень больно.

Тем временем он был уже у двери и, распахнув ее, заорал на сестру:

- Дура проклятая! - и исчез.

Дверь осталась открытой, ты встал, затворил ее и остановился перед своей женой.

- Самое забавное, - заметил ты, - что вам абсолютно безразлична эта кость, которую вы грызете. Тем не менее я благодарен тебе, действительно благодарен, потому что все это подстроено и я могу это доказать.

- Не Диком?

- Нет, конечно! Этим прохвостом Джексон. Теперь я его достану.

Ты рассчитывал, что она станет подробно расспрашивать тебя, но ее не интересовали детали. Уколов Дика, она потеряла интерес ко всей этой истории.

Дело Джексона оставило у тебя неприятный привкус; даже в момент триумфа ты испытывал отвращение, и, возможно, с этим ощущением тебе никогда бы не удалось покончить с ним. Помогла необходимость оправдать Эрму и себя. Когда наконец ты добился разоблачения, то не испытал чувства торжества. Тебя поздравляли и нахваливали со всех сторон; правление торжественно принесло свои извинения и благодарность. Дик был полностью разбит, его знамя было приспущено в честь капитуляции. Он послал Эрме целую машину орхидей с запиской: "Ты чертовски умна - так же, как и Билл". Он пригласил тебя на обед и настоял, чтобы ты рассказал ему всю историю с самого начала. С эпизода, который произошел десять лет назад в Кливленде; как ты заподозрил Джексона, как с помощью Шварца впервые обнаружил его связь с людьми из Питтсбурга, как, не имея доказательств, ты постепенно окружал его, пока он, теряя свое могущество, в конце концов обнаружил, что ловушка вот-вот захлопнется, и, с отчаяния достав копию Бетлхема через миссис Хэллоуэй, пытался убрать тебя с дороги и встать наравне с Фэреллом.

Дик задумчиво посмотрел на тебя:

- Значит, ты с самого начала знал, что он нас надувает.

- Я это чувствовал.

- Чертовски неудобная способность. Полагаю, то, что ты чувствуешь относительно моей скромной особы, в годовом отчете выглядело бы не лучшим образом.

- Через сутки у нас появился бы новый президент, - усмехнулся ты.

- Что напоминает мне о необходимости спросить тебя, - сказал Дик, - как тебе понравился бы пост заместителя президента? Вторым после старого Пауэлла, мы должны оставить его первым вице-президентом. Тебе, должно быть, до черта надоел этот девятнадцатый этаж. Мы можем доставить на место главного бухгалтера Лаусона.

Ты покачал головой:

- Если только ты хочешь повисить Лаусона.

- Да нет, я говорю о тебе.

- Ладно, я этого не хочу. Я и так достаточно близок к правлению.

Эта фраза вспомнилась тебе через год, когда как-то вечером ты лениво брел по улице. Да, ты был достаточно близок, слишком близок ко всем делам, тебя едва не задушили все эти чуждые вещи и люди. Джейн с ее мужем, четырехлетним сыном и новорожденным младенцем - чем был для тебя их дом? Почему ты вообще туда ходил? И почему ты ежедневно хоронил себя в этом офисе - все эти макаки, которые бегают вокруг и орут друг на друга из-за пустяков. Эти бессмысленные и бесконечные ряды цифр, восемь миллионов четыреста шестнадцать тысяч девятьсот двенадцать, в прошлом году это было семь миллионов шестьдесят три тысячи пятьсот

восемьдесят четыре - чистое безумие. Они называли это деятельностью, строили мосты через реки, чтобы люди могли успешно обменивать скуку с одного конца на глупость - с другого. Хуже всего был твой собственный дом, скорее, дом твоей жены, где тебе ничего не принадлежало и где не было дружеских отношений. Холодная душа Эрмы проникала в каждую комнату и каждый уголок, и даже слуги, отлично вышколенные, были совершенно изолированы от вас и друг от друга.

Да, все это было невыносимо, и ты не видел выхода.

В тот день уехал Ларри, вышвырнул все за борт и отправился на запад. Почему ты не последовал за ним? Там было бы не хуже, чем здесь.

Ты перешел на Бродвей и брел, поглядывая на вывески театров, раздумывая, не пойти ли на какое-нибудь шоу, когда вдруг вспомнил, что тебя ожидают дома на танцы. Ты подозвал такси...

Это было через год или чуть больше, потому что наступила вторая осень после отъезда Ларри в Айдахо, когда ты переехал на Парк-авеню. Ты был женат уже пять лет!

- У меня никогда не было жилища, напоминающего нечто среднее между номером в гостинице и домом, - сказала Эрма. - Слово "квартира" звучит для меня удушающе. Если она нам не понравится, мы сможем без потерь продать ее.

- Думаю, мы как-нибудь сэкономим, - сухо заметил ты, - с девятнадцатью комнатами и восемью ваннами.

Расположение квартиры было идеальным, твои комнаты были размещены в дальней части дома наверху, и в ту ночь, когда впервые спал там, ты благодушно согласился с предложением Эрмы, что она сама будет приходить к тебе. В сущности, так оно и было на протяжении двух лет; теперь это было формально согласовано. Ты испытывал облегчение, что оказалось возможным установить такие условия.

Она истратила порядка полумиллиона на то, чтобы обставить дом, - это больше, чем твоя зарплата за десять лет.

Ты однажды подсчитал с ней эти расходы, но это было до того, как из Италии прибыли портьеры, а также до приобретения ею в Лондоне картин и разных безделушек. Господи, зачем? Она не собиралась устраивать из дома показное шоу, она находила это слишком обременительным для себя. Ты никогда не знал, кого застанешь дома, придя на обед - французского виконта с его косоглазой женой или красного профессора из большевиков. Стол всегда ломился от угощений. Затем в течение месяца ты обедал в клубе, предпочитая это уединение домашнему обеду, Эрма моталась черт знает где, неустанно охотясь за тем, чего никогда не сможет найти.

Ты тоже. Впрочем, ты ничего и не искал. Хотя однажды ты увидел нечто заставившее тебя остановиться посередине тротуара. После слишком обильного ужина в клубе ты вышел, быстро зашагал холодным зимним вечером по Пятьдесят пятой улице и неожиданно на афише "Карнеги-Холл" увидел имя, привлекшее твое внимание: Люси Крофтс. Афиша была огромной, и ее имя было напечатано громадными черными буквами. Ты подошел ближе и дважды перечитал ее - выдающаяся пианистка, европейский триумф, первый концерт в Америке...

Концерт должен был состояться на следующей неделе.

Прошло двенадцать лет, подумал ты, это казалось невероятным. Ей почти тридцать лет. Больше тридцати. Эти свободные пряди волос, этот поток волос вокруг нее. У нее были любовники, она целовала мужчин и обнимала их. И мужчины, имевшие ее, зевали и говорили: "Господи, как же я хочу есть!.."

Люси, Люси.

Да, теперь ты зовешь ее. Если бы ты мог вернуть ее - ты же не так много хочешь, правда? Чтобы она пришла сюда, взбежала бы к тебе по лестнице и ты мог бы пригласить и вежливо представить ее - Люси, это...

К

Он поднимался по второму пролету в полумраке, медленно и устало. Поглядывая вверх, остановился и прислушался - оттуда не доносилось ни звука, и он только мог разглядеть смутные очертания выступа стены на следующей площадке и уголок двери напротив - черного хода, которым редко пользовались.

Невольно - привычным жестом, совершенно бессознательным, - его рука скользнула в карман брюк и достала оттуда кольцо с двумя ключами, и так же машинально он отделил один из них и приготовил его, чтобы вставить в скважину замка. Правой рукой он по-прежнему цеплялся за перила, как будто без этой поддержки потерял бы равновесие и рухнул вниз, как марионетка, отрезанная от своей нитки.

Он ощутил в руке ключи и тупо смотрел на них, удивляясь, как они туда попали.

11

"Люси, позволь мне, это твой дублер. Поздравь меня, дорогая".

В тот вечер на концерте ожидание увидеть ее стало невыносимым. Ты приехал заранее, чтобы не пропустить ее появления, и две чопорные матроны справа от тебя сказали друг другу все, что тебе не интересно было знать.

Одна из них слышала, как Люси играла в Вене, а позднее видела ее в Канне; вторая знала ее мужа, который бросил свое имение в Баварии, чтобы быть с ней во время ее гастролей по Америке. Она заявила, что никогда еще не было такого преданного мужа. И так далее в том же духе. К моменту ее появления в этой всемирно известной актрисе не осталось ничего, что связывало бы ее с лугами Огайо и ночами в Кливленде.

Она была невероятно хороша собой, великолепно одета, чудесно сложена и совершенно очаровательна. Аудитория сразу в нее влюбилась. Тебя пронзала дрожь в те мгновения, когда она заканчивала исполнять какую-либо вещь, грациозно кланялась в ответ на аплодисменты; но когда она снова усаживалась за инструмент и начинала играть, ты чувствовал скуку и безразличие. Опытная женщина, играющая Мясковского при полном зале!

Ты ушел с концерта после первого отделения.

Когда ты увидел ее еще раз, в тот вечер в Париже у Мориса, ты положительно испугался. Эрма еще издали узнала ее в вестибюле и настояла на том, чтобы подойти к ней. Ты тянул ее назад, чуть ли не удерживая за руку.

- Это будет забавно, - настаивала она. - Пойдем, может, она припадет к тебе на грудь и разрыдается. Но как же она восхитительна! И совсем не похожа на твою Деревенскую пастушку, правда, Билл? Все критики безумствуют из-за нее, так что она будет им улыбаться.

Ты до смешного обрадовался, когда Люси и ее компания исчезли за вращающимися дверями на рю Мон-Табор.

Тот год, проведенный в Европе, был интересным. Вы собирались провести там три месяца, затем остались на шесть и, наконец, на целый год. На этом настояла Эрма.

Она всегда настаивала на том, чтобы самой оплачивать все счета, что было как нельзя кстати, поскольку номера в Морисе, например, стоили две тысячи франков в день. Господи, как она умела тратить деньги! В Алжире она практически подарила кому-то свою "минерву", потому что как-то на узкой дороге в горах Атлас машина заскользила и она заявила, что больше никогда не будет чувствовать себя в ней уверенной.

Да, было интересно, но это было отстраненное, сухое веселье, без вкуса.

Ни одно из тех мест не казалось таким хорошим, как этого можно было ожидать, судя по их названию. Какую, например, радость ты мог найти в Париже, если уже видел его в юности с Джейн! Или в поездке из Перпиньяна в Порт-Вандр, мимо крошечных рыболовецких деревушек, мимо красных и голубых коттеджей, утопающих в виноградниках на террасах холмов. Или в этой кофейне по дороге в Бу-Саада с маленькими черными столиками в выложенном плитками алькове, с пурпурными курами за окном, под миндалем, в ожидании крошек...

- Думаю, тебе нужно повидать Германию, - как-то вечером сказала Эрма, когда вы сидели в саду отеля в Вене. - По крайней мере, Мюнхен и Нюрнберг. До конца года еще целый месяц, да и какая разница, если мы проведем здесь не один, а два года? Да хоть десять!

- Никакой, - согласился ты. - Лаусон имеет такое же право подписывать бумаги, как и я, но только мне все равно нужно вернуться к началу следующего года.

Договорились на том, что ты один поедешь в Мюнхен, оставив Эрму в Вене, для этого были приведены следующие основания... впрочем, это не имело значения, настоящая причина присоединилась к вам в тот вечер за обедом и в опере, так же как и в несколько прошедших вечеров. Это был молчаливый и меланхоличный норвежец, который приехал в столицу Австрии изучать психоанализ, и ты с усмешкой подумал, что от Эрмы он мало что узнает о торможении сознания.

Ты несколько дней бродил по Нюрнбергу, недоумевая, зачем ты здесь оказался, а затем по непонятной причине отправился в Мюнхен, если не считать того, что билет на поезд был уже приобретен.

Это было самым роскошным весельем, которое ты себе когда-либо доставлял. Странно, что ты не чувствовал при этом смущения, потому что на самом деле ты был достаточно смешон. Ты принял это решение, сидя в гостиничном номере после серьезного размышления: ты хотел узнать, что такое проститутка. В тот вечер во дворике пивной ты уступил призыву одной из них; она привела тебя в свою чистую и скромную комнатку, куда тебе пришлось подниматься на третий этаж по узкой деревянной лестнице, в переулке около железнодорожного вокзала.

Она сбросила с себя одежду, а потом, прерванная вопросом - ты спросил о значении какого-то немецкого слова, - села на кровать в розовой комбинации, из-под которой, как мощные колонны, вырисовывались ее пышные бедра и колени, а полные руки скрестила на такой же необъятной груди. Ты сидел на деревянном стуле прямо напротив, положив шляпу на колени.

Проститутка хрипло рассмеялась твоему вопросу и объяснила, что по-немецки так не говорят. Это вызвало еще один вопрос, а за ним и остальные. Она предложила выпить бутылку пива; за ней послали; женщина пила и с энтузиазмом продолжала учить тебя немецкому. Единственное, что ты понял из ее тарбарщины, - так это то, что самый надежный способ выучить немецкий - это жить с немкой, мужчины не умеют учить.

Появилась еще одна бутылка с пивом. Вдруг она посмотрела на часы, стоящие на столе, и заявила, что твое время вышло. Ты встал, протянул ей несколько тысяч обесцененных марок и вышел. Спускаясь по лестнице, ты слышал, как она гортанно напевала какую-то песню.

В такси по дороге в отель и потом в своей комнате, когда ты раздевался, ты хохотал вслух - ты давно уже не видел и не слышал ничего более смешного. Ну разве Эрма не пришла бы от этого в восторг?! А может, и не пришла бы? Да. Ты снова рассмеялся. Приз за эротику.

Ее было так много, а ты взял так мало! Было восхитительно, что она восприняла это как само собой разумеющееся. А что она сказала после твоего ухода - этого ты никогда не узнаешь.

Через два дня от Эрмы пришла телеграмма, в которой она извещала тебя, что собирается на несколько месяцев поехать в Испанию. Ты ответил по телеграфу, что собираешься вернуться в Штаты, и в тот же вечер через Лондон отправился в Саутгемптон.

Эрмы не было почти год, и ты, к своему удивлению, понял ее значение как единственной нити, связующей тебя с жизнью. Ты удивительно скучал без нее, каждый день тебе хотелось что-то рассказать ей, тебе хотелось, чтобы она ездилась с тобой в театр и сидела рядом с тем обманчиво покорным спокойствием, тебе хотелось вернуться из офиса к ней домой, хотя бы только для того, чтобы поздороваться, - как, например, она приветствовала тебя как-то осенью:

- Ради бога, Билл, почему бы тебе хоть однажды не вернуться домой в дым пьяным - или совсем не вернуться?

Ты испытываешь дискомфорт, лишившись длительной привычки, сказал ты себе; но Эрма вовсе не была старыми туфлями. Ты начал уважать себя за то, что женился на ней, потому что, в конце концов, ты не просто продался за лист бумаги, который лежал в твоём депозитном ящике. По крайней мере, ты мог сказать, что она относилась к тебе так, как ни к кому из других мужчин.

Поэтому, когда из Шотландии пришла телеграмма о ее приезде, ты испытал радостное возбуждение, занимаясь подбором слуг; ты разыскал Джона и убедил его вернуться к вам, велел достать из кладовой ковры и столовое серебро, обновил и устроил в доме все так, чтобы вызвать у нее столь редкую одобрительную улыбку.

Ты встретил ее на перроне один, как она того хотела; она шутливо поцеловала тебя, затем серьезно и объявила, что в мире с тобой не может сравниться ни один мужчина, если не считать испанского солдата, который проверял ее паспорт на северной границе Фигуэрос. Ты сел, окруженный ее бесчисленными чемоданами, сумками и свертками, и с удовольствием слушал, как она объясняла пораженному таможеннику, что, поскольку каждый предмет, содержащийся в них, облагается пошлиной, она не стала затруднять себя составлением декларации.

Уже через месяц ты хотел бы, чтобы она осталась в Шотландии или в любом другом месте, например на берегу Средиземного моря или на его дне. Ты не верил себе, вспоминая, как тосковал без нее.

На следующее лето по ее предложению вы поехали в Айдахо на ранчо Ларри, и там ты снова был близок с Джейн, вспоминая звук ее шагов, раздававшихся здесь годом раньше. Пустынная и гористая идилия, которая закончилась тем, что в середине ночи ты босым на цыпочках спустился вниз, в пронизываемый ледяным ветром холл, чтобы услышать, как твой брат залепил Эрме пощечину, вероятно в лицо, хотя это вполне могла оказаться рука или плечо. Сколько раз с тех пор ты смотрел на нее и тщетно пытался вообразить эту пощечину, отчетливый звук, который пришелся по этому гордому, насмешливому и красивому лицу! Конечно, ни Ларри, - ни какой-либо другой мужчина не посмел бы этого сделать при свете дня.

Днем раньше, под жарким солнцем, по какой-то безумной прихоти в твои фантазии о маленькой Миллисент неожиданно вкралась Джейн...

Вернувшись от Ларри в Нью-Йорк, ты обнаружил у себя в сумке пистолет.

В ту зиму Эрме вдруг взбрела идея оказать поддержку Маргарет и Розе. Они с Джейн всегда с удовольствием общались. Они искренне любили друг друга, каждая по-своему, но поначалу немного дичились. Тебя это вполне устраивало. "Держитесь, если можно, подальше от моей лужайки". Однако она не сблизилась с Маргарет - Маргарет довольно странная девушка и не очень умная, воображающая, что влюблена, потому что доктор Эмсен печатает статьи в американском научном журнале, или как там он называется, ходит с ней на дальние прогулки и объясняет, что такое электроны или что он о них думает. Вероятно, она с ним спала, как Джейн с Виктором; твои сестры, видно, имеют способность ездить без соблюдения правил. За исключением Розы. Хотя она и не прыгнула на первый жест Эрмы! Но твоей жене скоро надоели ее хитроумные трюки, а Роза продолжала играть, пока не заполучила все, что хотела.

Сначала тебе казалось, что она охотится за Диком, может, так оно и было, вскоре обнаружилось, что Мэри Беллоуз ее опередила. Мэри Элейр Керью Беллоуз - это звучало очень впечатляюще, когда сообщали о ее появлении.

Эрма немедленно оказывалась рядом, восхищаясь ею.

- Настоящая шлюха, - прошептала она тебе, когда ты помогал ей прикурить.

- Настоящая шлюха или шлюха настоящая? - шепотом же спросил ты.

- И то и другое, хуже некуда, - ответила она вслух.

Позже, когда они ушли, ты сказал Эрме, что Дик заслуживает лучшей девушки и что в качестве старшей сестры ее долг спасти его от такой неприятной особы. Она ответила, что это замечание - высшее достижение твоей глупости, что, если бы она стала злословить по поводу Беллоуз в этот вечер, Дик, судя по всему, решивший жениться, найдет себе через неделю такую же, как она.

Ни одна приятная женщина не станет тратить себя на него.

- Ну и что из этого выйдет? - спросил ты.

- Она будет тратить его деньги, которых к тому времени наберется страшно много, через год он начнет таскать ее за волосы и рвать на ней одежду, и, когда в следующий раз он пойдет голосовать и его спросят, женат ли он, Дик ответит, что нет, и сядет в тюрьму за лжесвидетельство.

Их свадьба была абсолютно не похожей на твое с Эрмой скромное бракосочетание; дом приходского священника не подходил Мэри Элейр Керью Беллоуз. Ты был посаженным отцом, и, когда в самый ответственный момент Эрма состроила гримасу и подмигнула тебе, ты чуть не уронил обручальное кольцо. Они заняли дом на Лонг-Айленде, кроме того, еще четыре или пять этажей в доме на Авеню, и в первый раз в жизни Дик стал испытывать интерес к личным расходам. Но даже ее бешеные траты не могли особенно поколебать безмятежность этих колоссальных колонок цифр; за год их стройность и мощь были восстановлены. Вдруг однажды за ленчем Дик возвестил:

- Господи, Билл, женщин нужно держать взаперти в крошечной комнатухе и кормить через замочную скважину!

Ты счел момент неблагоприятным для того, чтобы сказать ему об идее, осенившей тебя в то утро. Неделю назад ты возвратился из Огайо, с похорон матери, и, к твоему удивлению, Ларри не только принял приглашение Джейн на некоторое время приехать в Нью-Йорк, но, видимо, решил осесть здесь на довольно продолжительный период, для чего снял себе двухкомнатную квартиру на Двенадцатой улице. Он ничего не говорил тебе о своих планах, но ты полагал, что за пять лет, проведенных им в Айдахо, ему надоела такая жизнь и он решил снова продолжить свою карьеру, которую когда-то так удачно начал и с таким отвращением бросил. Ты хотел спросить Дика, может ли он принять Ларри на работу, и если да, то на каких условиях.

Этот твой проект временно был отодвинут на второй план неожиданным появлением миссис Дэвис и твоего сына. Твоего сына Пола. Как бы реально это ни звучало, для тебя ничего не изменилось в жизни. Хотя за краткое время твоего общения с сыном ему удалось оставить в твоей душе свой след. Просто невероятно, что это было всего два года назад; утверждать, что период времени, прошедший с тех пор, как ты позировал в студии Пола, ровно такой же, как между твоим возвращением из Европы и поездкой в Айдахо, кажется чудовищным искажением фактов. Измерение времени по часам - такой же фокус, как и вся остальная арифметика. Два года назад! Если б только ты мог вернуться...

Ты думал, что в бюсте будут изображены плечи, грудь и верхняя часть рук, но Пол позволил тебе обнажить только шею; он утверждал, что твоя голова должна как бы вырастать из грубого пьедестала неполированного мрамора. Он привел множество доводов в пользу такого решения, ни один из них не уничтожал факта, что за работу платишь ты и поэтому можешь высказать свое пожелание. Однако Пол поступил по-своему. День за днем сразу после ленча ты приходил в пустую маленькую комнатку, окна которой выходили на грязную улочку Вест-Сайда, сидел там и блуждал мыслями, перескакивая от вчерашнего дня в детство и обратно, пока Пол работал, временами что-то насвистывая, иногда зажав в губах сигарету, всегда веселый и оживленный. О

твоим позированием никто не знал. Ты размышлял, что тебе делать с этим проклятым бюстом, когда он будет закончен.

Поместить его в галерею, верно! Засунуть его под мышку, направиться на Пятую авеню, останавливаясь у каждого дилера и спрашивая, не нужен ли ему для витрины бюст симпатичного современного служащего индустриального концерна. Не мог же ты поставить его дома или в офисе! С удивлением и некоторым раздражением ты понял, что это выливается в проблему, единственным выходом из которой было потихоньку принести ее домой и спрятать в стенном шкафу.

Однажды Пол сказал:

- Если вы не возражаете, галерея "Гринвич" на Восьмой улице хотела бы выставить этот бюст месяца на два - они собираются устроить небольшую экспозицию современной американской скульптуры.

- Когда?

- Кажется, первого апреля.

Это было устроено с оговоркой, что твое имя не появится ни в каталоге, ни в карточке. В конце марта бюст был закончен и отправлен в галерею, а Пол с несколькими сотнями долларов твоих денег в кармане и со счетом, открытым на его имя в Париже, уехал. Между вами так и не появилось никакой близости - он был слишком умен, чтобы скрывать, ты имел значение только как счастливая находка, которой он был обязан улыбнувшейся удаче и преданной матери. Чем больше ты находился с ним, тем больше чувствовал себя чужим этому беззаботному и самоуверенному попрошайке, чьи взгляды на жизнь и слова целиком противоречили тем ценностям, которым ты себя посвятил.

Дважды ты посещал галерею "Гринвич", чтобы увидеть свою голову и лицо в мраморе, выставленные на всеобщее обозрение, и посмотреть, как остальные пялятся на него, тогда как ты сам притворялся, что смотришь на какие-то другие работы. Твой бюст был помещен на центральном подиуме в просторном переднем зале. Ты находил в скульптурном портрете большое сходство с собой; определенно работа была интересной и мастерски выполненной: крупная, хорошо вылепленная голова, чуть откинута назад и вбок, стройно выступала из грубоватой неотесанной глыбы мрамора. Ты и боялся и надеялся, что кто-нибудь узнает в тебе оригинал.

Потом эти бестолковые идиоты, совершенно забыв тщательные инструкции Пола, чтобы по окончании выставки они держали работу у себя, пока ты сам ее не заберешь, прямо в день закрытия выставки доставили ее тебе на Парк-авеню. Когда вечером ты вернулся из офиса, бюст стоял в середине большого стола в библиотеке, с венком из папоротника и красных роз на голове и с ожерельем из желтых маргариток на шее. Эрма, едва успев закончить эту декорацию, усаживалась за пианино. Она ударила по клавишам, как только ты вошел в дом, и при твоём появлении в библиотеке заиграла военный марш.

Ты хотел рассмеяться, но ее шутка была слишком жестокой; тебя охватила ярость, которую ты пытался скрыть, но было слишком поздно: Эрма следила за твоим лицом. Затем она вдруг встала из-за пианино и подошла к столу, около которого ты замер.

- Я старалась сделать все как можно красивее, - сказала она, делая вид, что поправляет ожерелье из маргариток. - За ним приходили уже три человека, чтобы забрать его в Зал славы, но мы с Джоном прогнали их.

Билл, дорогой, это великолепно - эта неукротимая воля, этот изящный поворот головы, - я решила назвать этот бюст Уильям Завоеватель.

Ты резко повернулся, покинул комнату и ушел из дома. Весь вечер ты провел в клубе.

Днем уже стало полегче, особенно в отношении Эрмы.

Возможно, она была жестокой и безжалостной, может, даже злой, но была права. Она нашла единственно верный подход к этой истории. И все-таки ты чувствовал неуверенность, когда прошел в конец коридора и постучал в ее дверь.

Вошел с возгласом:

- Да здравствует Уильям Завоеватель!

Она выслушала объяснения по поводу происхождения бюста и налила тебе чашку чаю.

- Твой юный скульптор или совершенно глуп, или тонкий сатирик, - сказала она. - Жаль, что он уже уехал, почему ты не привел его к нам? Он великолепно посмеялся над тобой, Билл. Это меня огорчает. Ты единственный человек, которого невозможно провести. Ты помнишь памятник из гранита Гаспару де Колиньи на рю де Риволи, за железным забором? Рядом со статуей каждого человека, изображенного со сложенными на груди руками и выглядящего таким уверенным, нужно помещать другую, изображающую его в приемной у дантиста, или страдающим морской болезнью, или изнывающим от безответной любви.

- Но они действительно уверенные люди, - заметил ты.

- И среди них нет ни одного с чувством юмора, - ответила она, - а у других оно проявляется только тогда, когда неблагоприятные обстоятельства, с которыми они сталкиваются, становятся еще хуже. Разумеется, ты вовсе не самоуверенный человек, в твоей жизни не было ни минуты, когда бы ты не был готов сбежать, если кто-то сделает тебе страшную мину. Вот почему Уильям Завоеватель такой замечательно смешной. В стиле елизаветинской эпохи. "Как похож на демиурга!" Нет, тогда это понимали! Слушай, ведь я думала, что у тебя-то действительно есть чувство юмора, а ты сидел там день за днем и позволял ему вытворять над собой этакое!

Ты хотел ей небрежно заметить: "Видишь ли, это был мой сын, и мне хотелось, чтобы он развлекся". Это могло остановить ее. Она, которую ничем невозможно поразить, ошеломленно распахнула бы глаза, узнав, что у тебя есть вот такой, уже взрослый сын да еще подающий надежды скульптор. Ты чуть было это не сделал, но в последний момент удержался и просто налил себе еще чаю, предоставив ей производить дальнейший анализ твоего характера.

В тот же вечер Уильяма Завоевателя затолкали в самый дальний уголок стенового шкафа в твоей туалетной комнате.

Ты никогда не говорил себе правды об этом, скрывая ее глубоко внутри. Это казалось совершенно простым: вот он, мраморный бюст, который изображает тебя, но на самом деле вовсе не тебя. Это тот ты, которым ты мог быть, обладай ты волей Дика и искренней доверчивостью Джейн. Что ж, это не ты, и нечего об этом говорить.

Портрет человека, довольно похожего на тебя, и несходство гораздо более неуловимое и глубокое, чем если бы у изображенного человека был крючковатый нос или двойной подбородок. Но самое обескураживающее было в том, что, сколько бы ты это ни повторял, ты не совсем в это верил. Какого черта, что это означает?! Зачем ты пытаешься обмануть сам себя? Или ты втайне думал, что твой сын, будучи гением, угадал правду, больше ни для кого не доступную? Осел! Самоуверенный осел! Называй себя как хочешь и шути над этим сколько влезет, но ведь в глубине твоей души действительно прячутся подобные идиотские мысли, которые разъедают тебя...

Ты переставил бюст в угол комнаты, чтобы его не было видно. Поместить его на стол тебе не хватало смелости, но ты не стал прятать его в стенном шкафу. Иногда, когда ты раздевался, тебе доставляло удовольствие сказать ему: "Ах ты, старая башка, пригодись хоть на что-нибудь!" - и набросить ему на отполированный лоб рубашку или трусы.

Ты не смог победить желание показать бюст Джейн, взяв с нее слово хранить это в тайне. Ты подтащил его ближе к свету и насмешливо представил как Уильяма Завоевателя, объяснив, что так его назвала Эрма. Она оглядела бюст со всех сторон, затем уселась перед ним на пол и подняла на тебя глаза.

- Портрет замечательный, - сказала она, - но это не твой портрет.

- Нет? Почему же?

- Он слишком... - Она нерешительно помолчала. - Он слишком глуп. Он такой, каким ты был бы, если бы ходил по улицам, расталкивая людей.

Несомненно, Гаспар де Колиньи так поступал.

Это произошло в твой день рождения. Тебе исполнилось сорок лет. Еще один из неожиданных поступков Эрмы. Боже, семья - такая комедия, ты только взгляни на этих людей, собравшихся за столом! Джейн и Эрма, Ларри и Роза, Маргарет и Дик, Виктор и Мэри. Мэри Элейр Керью Беллоуз была последним штрихом. Она едва притронулась к супу из-за больной руки, объяснив, что упала с лошади.

- Вероятно, ее подхлестнул Дик, - услышал ты слова Эрмы, обращенные к Розе.

Виктор с Эрмой затеяли спор о воспитании детей, Эрма оказалась для него слишком находчивой, так что настолько вывела его из себя, что он потерял аппетит.

- Во всяком случае, у них больше шансов, чем у тех, кто выскабливается! - крикнул он ей.

Мэри была шокирована, а Роза захихикала; Эрма ласково улыбнулась ему и сказала:

- Полагаю, ты не имел в виду никого лично, верно?

Видишь ли, я бесплодна.

Это было ложью; она могла бы иметь дюжину детей, если бы хотела. Но я не считал это важным.

И вот они сидели вокруг тебя, люди, составляющие твой круг, собравшиеся в честь твоего дня рождения, самые знакомые и любимые тебе лица. Если на свете существовали для тебя счастье, надежность и любовь, то вот они. Вот они! Ларри с насмешкой отверг тебя и отделился. Джейн тебя обманула, освобождаясь иронией.

Дик радовался случаю (что доказано) вышвырнуть тебя и сделал бы это снова при подобных обстоятельствах. Ты можешь зависеть от Эрмы до тех пор, пока забавляешь ее, на это способна и собака. Ну, остальные не считаются. И вы говорите, что наглости не существует? Кажется, людям она нравится, они смеются над ней, дерутся из-за нее, и все-таки она им нравится. В отношении некоторых есть простое объяснение, что они безмозглые идиоты вроде этого тупицы Симпсона, который держал карточку с очками своей лучшей игры в гольф, прикнутив ее к стене над своим столом, с надписью: "Ad astra per aspera" {"Через тернии к звездам" (лат.)}. Может, так оно и есть, может, единственные, которым что-то удастся в жизни, - это люди, у которых достаточно здравого смысла, чтобы сойти с ума.

Ненормальные они или нет, им есть за что держаться. Дик целыми днями ведет борьбу в бизнесе, сражается с конкурентами, приятелями-директорами, законодателями, с самой природой - все, что угодно, лишь бы кому-нибудь заехать в челюсть. Он посылает лошадь через лужи и ограды с таким бешеным энтузиазмом, как будто на кону стоят его жизнь и честь - хотя вопросы чести его не слишком беспокоят, во всяком случае, у него на этот счет свои представления. Нет смысла с презрением спрашивать, зачем ему это нужно, - его это возбуждает, и ему это нравится. Джейн получает удовольствие от всего, что угодно, от своих детей, работы, выжимая вино из изюма, да здравствует Ла Фолетт! Ларри ненавидел этот офис больше всего, но он за те два года больше сроднился с ним, чем ты за все двадцать лет.

В то лето в Айдахо он проехал верхом сорок миль туда и обратно, чтобы поймать старую кобылу, не стоящую и десяти долларов, которая убежала из корраля и вернулась в лагерь индейцев, прошлой весной у нее родился жеребенок. Роза целых два дня таскалась пешком по городу, отыскивая в магазинах новый оттенок румян.

Но Роза лучше других знала, что ей нужно; по натуре она невероятно ленива и не стала бы тратить силы на поиски этих румян, если бы они не были ей так необходимы. Она единственная успешно сражалась с Эрмой, проявляя откровенную наглость. Роза заставляла плясать под свою дудку и Маргарет. Это было в твой день рождения, вы поднялись к тебе, и Джейн рассказала, что утром она имела окончательный разговор с миссис Эмсен; они определенно договорились, что процедура развода будет отложена на осень, самое раннее на октябрь.

Свадьба Розы была назначена на середину сентября, так что Маргарет могла в течение месяца пользоваться репутацией порядочной девушки, после чего станет соответчицей в бракоразводном процессе, и Роза, которая отправится в свадебное путешествие по Европе, будет за три тысячи миль от газетных сплетен.

- Как тебе удалось убедить ее? - спросил ты.

- Я сказала ей, что, если она не согласится подождать, Маргарет уедет в Южные моря, и доктор Эмсен последует за ней, и тогда она потеряет все.

Ты подумал, что Роза, которая тебе не нравилась и с которой у тебя не было даже отдаленной связи, была единственным членом семьи, получившим благодаря тебе кое-что существенное. Ведь она подцепила себе мужа в доме твоей жены. Джейн и Маргарет, ничего, Ларри...

Эта рана снова открылась, но с гораздо меньшей потерей крови и не с такой болью. Однажды за ленчем ты сказал Дикю:

- Кстати, я тут все думаю о Ларри. Кажется, он болтается здесь без дела, наверное, ему надоело у себя в Айдахо, и он с удовольствием бы приложил руки к продаже нескольких машин, нагруженных фермами для мостов.

Если он спросит меня на этот счет, мне хотелось бы знать, что ему ответить. Как ты считаешь? Ты хотел бы...

Ты замолчал, увидев удивленное выражение лица Дика. Он сказал:

- Я приобрел в Айдахо ранчо, и Ларри будет управлять им. Разве он не говорил тебе?

Из последовавших затем объяснений ты узнал, что вскоре после приезда Ларри в Нью-Йорк он явился к Дикю с надежным и тщательно оформленным предложением купить громадный кусок земли, включая долину, на которой расположено его теперешнее скромное ранчо, и с большим размахом заняться разведением породистого скота и земледелием. Дик согласился внести более полумиллиона долларов наличными, и теперь их планы близки к завершению. Ларри задержался в Нью-Йорке для того, чтобы заключить соглашения о поставке техники и другого оборудования.

- Твой младший брат понимает толк в сделках, - усмехнулся Дик. - У него хватило характера предложить, чтобы он оставался владельцем своего ранчо, и дать мне семь процентов по зкладным. Семь процентов!

Шансы против нас приблизительно восемьдесят к одному, но он меня уговорил.

Ты испытывал унижение, смешанное с бешенством, оттого, что тебе пришлось узнать все это от Дика. Однако всего через несколько дней, за обедом у Джейн, Ларри обо всем рассказал тебе, объяснив, что намеренно скрывал от тебя свою идею, потому что хотел, чтобы Дик подошел к его предложению как делец, исключая родственную услугу зятю; ты не признался, что уже все знаешь от Дика.

- Я хотел пригласить тебя в дело, - добавил Ларри, - но это слишком рискованно. Если полмиллиона Дика уйдут в песок, его это не разорит, но ты-то живешь на заработок.

Ты быстро взглянул на него, заподозрив насмешку, но ничего подобного не увидел на его серьезном лице. Действительно, десять лет, прожитых с Эрмой, сделали тебя несколько уязвимым. Что ж, работа бывает разной.

В тот вечер ты решил пойти домой пешком, прошел почти три мили, с удовольствием вдыхая свежий, июньский воздух, каким-то образом проникающий даже на Пятую авеню через мили асфальта и вонючих газов. Как было бы приятно, думал ты, вернуться сейчас в маленький городок в Огайо, осененный кленами... Господи, что за идиотская мысль! Было бы еще хуже. Всегда может быть хуже того, что есть. Скоро уже Эрма снова уедет, ты не знал куда и не стремился это выяснить, только ехать с ней не собирался; Ларри вернется в свою империю песка и полыни; Джейн с детишками загрузятся в свой старенький "стефенс" и отправятся к морю...

Ты никому из них не принадлежишь. И тебе нигде нет места.

Эрмы не было дома, когда ты пришел. Ты бродил по тихому, просторному и безупречному дому - фаянс, китайские безделушки, Шератон, Керманшах, баята, - что за чепуха, игрушки для скучающих дебилов. Люди, которые их делали, давно рассыпались в прах. Тебе захотелось разбить или разорвать что-нибудь.

Тебе была противна мысль лечь в постель, но она, по крайней мере, была неприкосновенно твоя, и ты направился к себе раздеться. Снимая пиджак, ты заметил, что горничная во время уборки отодвинула бюст Уильяма Завоевателя, а потом забыла поставить в угол, и он стоял там, глядя на тебя, со своей величавой головой, улыбающийся и самоуверенный. В припадке неожиданной ярости ты столкнул его на пол и пнул ногой, едва ее не сломав.

Морщась от боли, ты снял туфли, опустил ноги в ванну с горячей водой и уселся там, читая газету...

L

Он остановился и замер.

Из-за закрытой двери на верхней площадке слабо донесся голос:

Я ничего не могу, беби, дать тебе, кроме любви, Это единственное, что есть у меня в избытке...

Невыразительный и тонкий голос выводил то, что едва ли можно было назвать мелодией. Несколько фальшивых и сбивчивых модуляций, заканчивающихся каким-то жалким и отчаянным писком. Последовала долгая пауза, а затем снова раздалось:

Счастье, и я думаю...

Опять тишина.

Его затрясло, но он с усилием овладел собой и застыл. Голос звучал теперь еще слабее:

Я ничего не могу, беби, дать тебе, кроме любви, Это единственное, что есть у меня в избытке...

Затем более длительное молчание и опять:

Счастье, и я думаю...

Тишина.

Так, подумал он, значит, она не сидит в кресле и не читает - она расхаживает по комнате, что-то делает, приближается к двери, затем удаляется в спальню; ее шагов не слышно, она в своих тапочках на фетровой подметке...

12

Она всегда так пела - остальных слов просто не знала. За исключением этого "беби", какого черта ей не вставить его дважды, по крайней мере. Если это можно назвать пением. Давным-давно, еще тогда, очень давно, в ее голосе было что-то волнующее, может, и сейчас это есть - да, что-то есть, только дело не в ее голосе.

И все-таки в ее голосе было что-то, и в тот первый вечер ты снова это услышал. Не так давно ты проклинал судьбу за то совпадение, благодаря которому нашел ее, но удивительно скорее то, что ты не нашел ее раньше. Она жила в Нью-Йорке больше пяти лет, иногда, возможно, оказывалась совсем рядом с тобой - в поезде подземки или где-нибудь на улице. Рано или поздно...

Вы появились в театре, когда занавес уже был поднят, как это обычно бывает, когда ты приходишь с Эрмой.

Это было накануне ее отъезда в Эдирондекс. В конце первого акта, когда занавес опустился, ты услышал прямо за своей спиной чей-то голос:

- Кажется, я оставила свой носовой платок в туалетной комнате.

Эффект был странным. Ты не узнал этого голоса, тебе даже не пришло в голову, что ты когда-либо слышал его, но он поразительно взволновал тебя; ты вздрогнул и почувствовал тревогу; не поворачивая головы, ты не ответил на какой-то вопрос Эрмы и с волнением ожидал. Мужской баритон ответил:

- Может, одолжить тебе мой?

Затем снова послышался тот голос:

- Да, видимо, придется так сделать.

Ты мгновенно обернулся, пренебрегая приличиями, в упор посмотрел на сидевшую за тобой женщину и сразу ее узнал.

Если бы у тебя была хоть капля мозгов, ты сказал бы Эрме, что у тебя внезапно заболел живот или тебя поразил приступ слабоумия, после чего немедленно покинул бы театр. Но ты просидел весь антракт, прислушиваясь к хриловатому голосу, и к концу второго акта, ощущая столь близкое присутствие Миллисент, ты пришел в состояние невероятного возбуждения.

- Может, служащая туалета его нашла, - сказала она, - посмотрю после второго акта.

Когда занавес снова упал, ты пробормотал Эрме какие-то сбивчивые извинения, вскочил с места и оказался за оркестром еще до того, как включили свет. Она прошла по боковому проходу между креслами под руку со своим партнером, высоким худым молодым человеком в коричневом костюме, и ты встал в сторонку, пропуская их. Затем они разошлись в разных направлениях, и ты бросился за ней и тронул ее за плечо.

- Простите, - сказал ты, - вы, случайно, не Миллисент Моран?

Она повернула голову и спокойно посмотрела на тебя.

- Да, это мое девичье имя, но теперь я миссис Грин, - ответила она.

По ее лицу ты понял, что она узнала тебе, еще не закончив говорить, но в типичной для нее манере только потом добавила:

- Как же, я вас помню.

- Храбрый Билл, - неловко запинаясь, напомнил ты.

- Уилл Сидни, - сказала она. - Ужасно приятно снова вас видеть.

- Я удивлен, что вы еще меня помните.

Не зная, что на это ответить, она просто молча смотрела на тебя. Внезапно ты почувствовал себя глупым и неуверенным, в растерянности не зная, что сказать, но все твоё существо пронизывало возбуждение. Ты колебался...

- Может, как-нибудь встретимся и потолкуем о старых добрых временах, - сказал ты. - У меня нет с собой визитной карточки, но вы можете найти меня в телефонном справочнике. Уильям Б. Сидни.

- Это было бы очень мило, - согласилась она.

- И если бы вы дали мне свой адрес...

Она назвала тебе свой адрес и номер телефона, и ты сразу же и навечно запомнил их. Затем она попрощалась и ушла, вероятно, в дамскую комнату, чтобы найти носовой платок.

В течение последующих двух актов представления и в антракте между ними ты опасался, что она скажет что-нибудь тебе прямо там, в партере, вынудив представить ее Эрме, и втянет в разговор сопровождающего ее человека, как ты предполагал, мистера Грина. Это был сдержанный мужчина с задумчивым видом, на котором был аккуратный деловой костюм и высокий накрахмаленный воротничок, не очень здесь уместный. Ты предположил, что у него какая-нибудь необычная профессия вроде автора газетных статей по финансовым вопросам или эксперта по уничтожению мусора. Во всяком случае, страшно не хотелось посвящать в это Эрму, и ты испытал невероятное облегчение, когда по окончании спектакля увидел, как они направляются к выходу из зала.

В ту ночь ты не смог заснуть. Это не было для тебя чем-то непривычным, но твое бдение было совершенно иного характера. Нет, ты даже и не пытался уснуть.

Эта случайная встреча снова всколыхнула весь сбивчивый подтекст вопроса, от которого ты уклонялся в течение многих лет: что делать с призраком маленькой Миллисент, который все больше и больше присутствует в твоих самых интимных и тайных моментах, который постепенно достиг такой полной власти над твоими фантазиями, что вскоре угрожал лишить реальности все, кроме ощущения стула под тобой и вкуса пищи, которую ты принимаешь. Это было в высшей степени капризное привидение, с разнообразной и пестрой карьерой, сложившейся за двадцать с небольшим лет. Иногда проходило довольно много времени, и оно ни разу не появлялось; порой оно было с тобой почти неразлучно, и если не активно управляло твоими мыслями, то, по крайней мере, парило на границе подсознания. Наибольшую настойчивость и наглость оно проявляло в моменты, когда ты утрачивал какой-либо источник активного интереса, например после отъезда Люси, или после замужества сестры, когда распалась ваша с ней близость, или когда ты один вернулся из Европы. Ты часами лежал без сна, припоминая и анализируя.

Временами ты его ненавидел. Отвергал его, как инфантильный, постыдный, немужской, отвратительный. Ты так чувствовал, но никогда так не думал, потому что в тех случаях, когда оно появлялось, в тебе кипели яркие ощущения, кровь бешено и горячо бежала по жилам, приливая к голове и к кончикам пальцев, тут было не до размышлений. Если же ты пытался размышлять об этом позже, ты приходил к выводу, что, когда эти ощущения и ненависть исчезали, все становилось таким нереальным и не относящимся к тебе и не имело значения. Затем это возвращалось - но не обязательно в прежнем виде. Иногда это было так приятно и так неоскорбительно, как, например, собирать розы в саду Эрмы в Уайтстоуне.

Теперь, когда ты снова с ней встретился, тебя поразило, что за все эти годы ты ни разу не попытался ее отыскать. Ты не только не делал этого, но даже и не думал. А найти ее было легко. Ты мог найти ее пять лет назад, десять...

Зачем?

Для жизни! Для того чтобы любить кого-то и заботиться о ком-то, чтобы ссориться по пустякам, нежить и холить - и ты мог бы не обращать внимания на холодное презрение Эрмы, ты мог бы усмехаться бешеным и властным выговорам Дика, Джейн могла бы растить своих отпрысков и учредить колонию свободной любви, а тебе было бы на все наплевать...

Э, подумалось тебе, слишком уж ты преувеличиваешь значение всего этого. У каждого есть свои фантазии и любимые мечты; здоровый и разумный подход заключается в том, чтобы воспользоваться ими, когда они приходят, а затем спокойно отпустить их восвосяси. А что касается Миллисент, этой миссис Грин, она была застрахована от какого бы то ни было значения. Она не имела никакого отношения к призраку. Ты вспоминал, как она выглядела, стоя рядом с тобой в театре: ее тонкую, слегка увядшую фигуру в простом темном платье, ее тусклые тонкие волосы, небрежно прибранные, так что из прически неряшливо выбивались отдельные пряди, ее

спокойные серо-голубые глаза, бледное, неприметное лицо. Можно сказать, что, какая бы страсть ни имела в ее крови, она давно исчезла. Она моложе тебя на десять лет, значит, ей тридцать. У нее есть муж, возможно, и дети. Она и вправду взволновала тебя, но это было просто волнение воспоминания; ты проявил себя глупо, не подавив желания заговорить с ней. Теперь она может надоедать тебе, писать письма, звонить по телефону.

Наконец ты заснул.

На следующий день ты встал поздно, не собираясь идти на работу, потому что дни отъезда Эрмы обычно бывали наполнены суматохой, какими-то делами, которые приходилось делать в последние минуты. На этот раз ее несло к Эдирондексам, чтобы провести лето в отделке двадцатикомнатного дома, который она купила в поместье Хэттона. Джон с женой и две горничные отправились туда на предыдущей неделе; четверо или пятеро слуг отбыли утренним поездом; Эрма собиралась отправиться в путь сразу после ленча в новом "линкольне" с Дорстом за рулем. Наконец около пяти они уехали, оставив тебе кучу инструкций насчет шляп, ковров, галет для собак и теннисных ракеток.

Ты должен был последовать за ними через неделю, но ты не связал себя конкретной датой. Предполагалось, что ты куда-нибудь поедешь отдохнуть; не было смысла болтаться в Нью-Йорке в июле и августе. А тем временем ты снял комнату в клубе.

На следующее утро, появившись в офисе, ты ожидал обнаружить на столе розовый листок с запиской: "Звонила миссис Грин, ничего не передала". Его там не оказалось, и в ближайшие два дня тоже. Ты с усмешкой вспомнил свою историю с миссис Дэвис в Кливленде.

Что ж, по крайней мере, миссис Грин не приведет тебе сына приблизительно твоего возраста, чтобы ты послал его в Европу развлекаться там за твой счет.

Однажды утром, через неделю после отъезда Эрмы, ты отправился из клуба сразу на Парк-авеню и там из ящика стола достал листок бумаги, вырванный из театральной программки, где ты записал ее адрес и номер телефона. Сразу же набрал ее номер, после долгих гудков в трубке раздался сонный и невнятный голос.

- Извините, если я разбудил вас, - сказал ты.

- Да, - ответила она, - обычно я встаю не раньше полудня.

Не пообедал ли она с тобой? Да. Сегодня вечером?

Да. Можешь ты зайти к ней в семь? Да. Ты повесил трубку, гадая, не слишком ли она сонная, чтобы понимать то, о чем она говорит. Привычка спать до полудня не очень свойственна матери семейства.

Хотя в твоем распоряжении были две-три машины, да еще "фостер", оставленный Эрмой, ты почел за благо воспользоваться такси. Ты решил не одеваться и был рад этому, когда вошел в скромную маленькую гостиную на Двадцать второй улице и нашел ее в том же неопишемом платье, в котором она была в театре. Она была уже в шляпе.

- Я пожалела, что не попросила вас прийти в половине шестого, - сказала она. - Я завтракаю в двенадцать и к шести уже страшно проголодалась.

Было очень жарко, по сути, это был первый по-летнему жаркий вечер, и ты повел ее в "Касл" на Тридцать шестой улице, где вы могли сидеть у открытого окна.

Твои попытки завязать разговор в продолжении вечера были тщетны и под конец смешны. Казалось, она была совершенно лишена мнения даже относительно выбора еды, к которой проявила полное безразличие. Ты нестерпимо скучал, а в конце обеда даже впал в отчаяние; просто невозможно, думал ты, чтобы человек, восставший из могилы, был до такой степени бесцветным и плоским. Бесспорно, такой же она была и в детстве - изменения произошли в тебе самом. Ты смотрел на ее бледное, непроницаемое лицо и пытался вспомнить страстные, беспокойные часы, которые проводил в ожидании ее.

После обеда ты предложил пойти на шоу или покататься в автомобиле в парке и у реки. На этот счет у нее имелось собственное мнение: она предпочла прогулку в автомобиле. Ты нашел открытое такси, и вы ездили взад-вперед битых два часа, пока у тебя не закружилась голова и ты не начал чувствовать себя так, как будто развлекал глухонемую старушку из Среднего Запада. Доставив ее наконец на Двадцать вторую улицу и распрощавшись с ней у дверей, ты с облегчением вздохнул: вечер закончился.

Ты позвонил ей опять через три дня, бог знает зачем.

Странно, что ты сделал это, не испытывая ни намека на прежнее - естественно и почти весело, отдавая себе отчет, что этот забавный сфинкс может тебе надоесть так же, как тупицы в твоём клубе или как ты сам.

За эти первые с ней встречи тебе удалось немного продвинуться и постепенно, шаг за шагом, вытянуть из нее некоторые подробности ее жизни за прошедшие двадцать лет с того момента, как мать затолкала ее в поезд, отправлявшийся на Запад. Не сказать, чтобы тебя это очень интересовало, но ни на какие другие темы она, казалось, была не способна разговаривать. Они уехали тогда в Индианаполис, где жил ее дядя, и там миссис Моран опять стала работать прачкой и работала восемь лет, пока Миллисент не закончила школу. В самый день окончания школы миссис Моран слегла в постель и скончалась через три дня ночью, а ее получившая образование дочка держала ее за руку и смотрела на нее сухими глазами.

- Нет, я не могла плакать, - сказала Миллисент. - Я плакала только раз в жизни.

Она не сказала, по какому случаю это было.

Она стала жить у своего дяди и устроилась на работу в юридическую контору заполнять бумаги. Это было ей не по вкусу (слишком скучно, как она сама сказала!), вскоре она отказалась от места и через своего дядю, полотера, получила место продавщицы в крупном универмаге. Все это было лишь подготовлением к ее настоящей карьере, которая началась, когда ей исполнился двадцать один год, через три года после смерти матери.

Ей предложили работу в табачном киоске в самом шикарном отеле Индианаполиса. Тебе было поведено несколько версий по поводу происхождения этой работы; наиболее вероятной казалась та, в которой упоминался помощник управляющего отеля, покупавший у нее в универмаге чулки для своей жены. В течение четырех лет она продавала там сигары и сигареты знатым гостям Индианаполиса, коммерсантам, разъездным лекторам и клиентам парикмахерской, пока в один прекрасный День некто Кларенс Грин, разъезжающий по Индиане и Иллинойсу с товарами "Руббалайт компани", вдовец средних лет, не сделал ей предложение.

Они сразу же поженились и, когда вскоре после этого его перевели на восточные территории, приехали в Нью-Йорк и устроились на квартире. Дальше история становилась такой смутной, что ничего невозможно было разобрать. Кажется, в конце первого лета, которое они прожили в Нью-Йорке, она вернулась после недельного отдыха за городом со своей подругой Грейс и нашла квартиру пустой, опустевшей, из нее украли все, кроме ее личных вещей. Как-то неожиданно получился развод, и ей были назначены алименты в размере сто пятьдесят долларов в месяц.

- Он очень добросовестно выплачивает алименты, - сказала она. - Никогда больше четырех дней не задерживает их.

Так же выяснилось, что за прошедшие три года у нее было несколько предложений, одно от очень состоятельного человека, у которого есть собственный дом за городом, но она решила, что алиментов на жизнь хватает, и ей нравится, что не нужно ни о ком заботиться. Ты выразил недоверчивость по поводу брачных предложений; она не назвала тебе ни одного имени, объяснив, что никого не хочет компрометировать. Ты критически посмотрел на нее: с чего это какому-то мужчине пожелать купаться в этой стоячей луже?

В тот вечер ты поздно засиделся у нее. Вы пообедали в ресторане гостиницы "Эрроухед", а потом уселись на террасе, наслаждаясь свежим ветерком, порывами налетающим с реки, дожидаясь, пока с наступлением вечера слегка остынут раскалившиеся за день городские стены и асфальт, и поздно приехали к ней. Она лежала на диване - который, видимо, служил ей и кроватью, - забросив за спину две плоские подушки, а ты сидел на шатком, рахитичном стуле.

- Возможно, в конце недели я поеду в Эдирондекс, - сказал ты. - Моя жена недоумеваает, почему я остался здесь, в этой раскаленной духовке. Я не говорил ей, что встретил старую приятельницу по школьным годам.

- И надолго ты уедешь?

- Наверное, до конца лета. Обычно я возвращаюсь только ко Дню труда, иногда позже.

- Верно, у тебя очень богатая жена?

Ты кивнул:

- Я зарабатываю куда больше того, на что рассчитывал, но по сравнению с ней я нищий. Когда я вспоминаю, как урезал себя в курении, чтобы купить тебе конфет...

- Я по-прежнему очень люблю конфеты, - сказала она.

- Тогда мне нужно было принести тебе что-нибудь сладкое, в память о прежних временах. Полную корзину, чтобы пустить пыль в глаза.

Она молчала. Ты взглянул на нее и увидел, что она неподвижно и пристально смотрит на тебя, тебе стало неловко, и ты отвел взгляд. По тебе пробежала дрожь ожидания; ты долго сидел совершенно неподвижно, по временам взглядывая на нее и снова отводя взгляд.

- Подойди ко мне, - сказала она низким тихим голосом, не двигаясь, казалось, губы у нее даже не шевельнулись.

Ты сразу встал, но без спешки, подошел и сел рядом с ней на диван.

С первым же прикосновением ее руки ты весь задрожал; ты затаил дыхание, и что-то внутри тебя порывалось уйти, заставить тебя встать и уйти. Но ты уже лишился самообладания, стал беспомощным. Как ты теперь понимаешь, ты стал таким с первого звука ее голоса, услышанного там, в театре. Это кажется безумием, какой-то головоломкой, которую ты не в силах разгадать. Во всех ее Движениях было что-то пугающее и невыносимое: в том, как ее костлявые ягодицы давили тебе на ноги, когда она сидела у тебя на коленях; в ощущении ее ног, ни теплых и ни холодных, но подавляющих, когда они касались тебя, и самое волнующее, когда она касалась тебя своими руками. Она должна была знать с самого начала, что ты был готов к этому; почему же она так долго ждала? Потом она сказала тебе, что должна быть честной по отношению к мистеру Гоуэну! Иногда тебе казалось, что она думала, что ты веришь ее бесстыдному вранью...

В тот первый вечер ты остался ненадолго, очнувшись, ты понял, что она гладит тебя по волосам и говорит:

- Уже поздно, думаю, тебе пора уходить.

Ты был смущен и не хотел смотреть ей в лицо. Ее рука обжигала тебя, хотя теперь ее поглаживания были медленными и приятными. Ты встал с дивана, посмотрел на часы и оглянулся в поисках шляпы.

- Ты называл меня Мил, - сказала она.

- Да.

- Когда будешь выходить из дома, не хлопай дверью.

- Хорошо.

- Увидимся снова, да?

- Да, конечно. Я тебе позвоню.

Она так и не встала, когда ты осторожно выскользнул из комнаты.

На Седьмой авеню ты взял такси, но, добравшись до клуба, не испытывал желания спать. Ты бесцельно бродил по опустевшим улицам, пока небо не осветили первые лучи рассвета. Ты чувствовал, что с тобой происходит что-то глубинное и неизбежное, и не понимал ничего, так же как не понимал и сильнейший дискомфорт на душе. В ощущениях вины и нечистоплотности не было ничего нового, они часто приходили к тебе с твоими фантазиями и даже с Эрмой, но не так, как сейчас, со страхом и отвращением, которые тебя пугали.

Неужели ты позволил себя втянуть в нечто настолько безобразное, что на этот раз ты сам не сможешь себя простить? Ты раздраженно возражал, что все это несправедливая и необъяснимая чепуха, в конце концов, женщина есть женщина, а руки - всего лишь руки, и было бы чертовски смешно, если бы ты проявлял слишком большую брезгливость.

Ты все время раздумывал, что делать. Ты не останешься здесь, чтобы погубить лето в поездках на такси в мотели, которыми заканчиваются приключения, подобные сегодняшнему. Ты с содроганием вспоминал ее комнату: скрипучий, расшатанный стул, из-под обивки которого во все стороны торчит солома, дешевый потертый ковер, лоснящаяся от грязи накидка на диване, испещренная пятнами, древнее и липкое пятно от раздавленной шоколадки на одном ее конце. Разумеется, это не целиком ее вина, невозможно жить на сто пятьдесят долларов в месяц, но могла она хотя бы соскрести этот шоколад!

Все равно тебе нужно было на какое-то время уехать.

Ты решительно отверг Эдирондекс. Не только из-за того, что там была Эрма, но там наверняка будет банда старых знакомых, а тебе они давно уже надоели. Если поехать к Джейн на побережье - нет, в малых дозах ты еще можешь выносить Виктора, но не в виде постоянной диеты. Можешь отправиться в Айдахо - двумя неделями раньше туда уехал Ларри с половиной миллиона долларов Дика, вложенных в корраль, и со своими планами по созданию целой империи. Ты можешь туда поехать, хотя вряд ли тебе очень обрадуются, но что ты станешь там делать? Ладно, тогда поезжай куда-нибудь один, подальше от этого проклятого города, в Квебек, в Бар-Харбор, Нантакет, возьми одну из машин и поезжай в Майами. Ты совершенно свободен, можешь ехать куда пожелаешь, у тебя куча денег, отличное здоровье и достаточно ума - просто смешно, что ты не способен сам как-то развлечься.

Невероятно, но ты поймал себя на мысли, что параллельно всем этим рассуждениям ты гадаешь, нельзя ли куда-нибудь уехать с Миллисент, в такое место, где тебя не могут узнать...

Уже рассвело, когда наконец ты вернулся к себе, погрузился в горячую ванну, съел сэндвич и выпил кофе, после чего улегся в постель как раз тогда, когда в окно начала дышать жара и уличная суматоха завела свою адскую шарманку.

И все-таки ты ей позвонил уже на следующий день.

Она сожалеет, что не может с тобой встретиться, но у нее назначено свидание. "С мистером Гоуэном?" - тупо спросил ты. О нет, сказала она, с другим молодым человеком. Тогда завтра вечером. Нет, она сожалеет, но завтра вечером мистер Гоуэн пригласил ее на шоу. Ты заметил, что в театре из-за жары и духоты невозможно сидеть, но она сказала, что нисколько этого не замечает.

- Может, мы встретимся в пятницу, - сказала она.

В пятницу вечером шел дождь, заметно похолодало, и ты отказался от своего намерения прокатиться за город, а вместо этого повел ее в театр. Эту пьесу ты уже видел, она не очень тебе понравилась, поэтому ты развлекался, наблюдая за Миллисент уголком глаза - она следила за действием молча, сидя неподвижно, со сложенными на коленях руками, настолько застывшими в неподвижности, что, когда они вдруг шевелились, ты едва не вздрагивал.

- Мне кажется, - сказала она после первого акта, - я могу ходить на шоу каждый день, включая воскресенье.

- Если бы все шоу были такими же, как это, я бы не ходил вообще, - ответил ты.

- Я видела его пять раз.

- Что?! Пять раз!

- Да, не потому, что спектакль такой хороший, но летом утомляешься, когда ходишь так часто, как я.

Ты был поражен. Позже ты узнал, что это было одним из ее пристрастий, что она охотно смотрит любую постановку по пять-десять раз, все, что угодно, от Фоллиса до Ибсена.

Из театра вы сразу отправились на Двадцать вторую улицу. Ты принял решение, что не пойдешь, и все-таки пошел. Оказавшись у нее в комнате, ты дал себе слово, что все время просидишь на шатком стуле, но не сдержал его.

В два часа ночи ты все еще оставался у нее, подоткнув за спину одну из ее сплюснутых тощих подушек, и курил.

- На днях я купил машину, - сказал ты. - Ее доставят завтра утром. Думаю, будет здорово, если в одну из этих жарких ночей мы съездим куда-нибудь за город.

Она сидела, жуя датский шоколад, который ты купил для нее, в той же своей манере, методично, как какой-нибудь автомат для уничтожения.

- Должно быть, она стоит кучу денег, - заметила она. - Не понимаю, почему бы нам не воспользоваться одной из машин твоей жены, раз у нее их так много.

Ты еще раз объяснил ей об опасности, которую должен избегать человек твоего положения.

- Я не могу уехать на всю ночь, - заявила она. - Если об этом узнает мистер Грин...

Ты был рад, что забота об алиментах тоже вынуждала ее соблюдать осторожность, но тебе хотелось, чтобы она перестала называть своего мужа мистером Грином.

- А мы и не станем этого делать, - согласился ты. - Я имею в виду, что мы поедем за город пообедать, может, устроим где-нибудь в лесу пикник.

Она гладила тебя по колену, слегка прикрыв глаза, как делала это немного раньше, как делала это тысячу раз.

- Будет приятно оказаться с тобой в лесу, - сказала она. - В прошлом году я ездила с мистером Гоуэном на Лонг-Айленд. А у мистера Пефта есть лодка на Гудзоне - это было два года назад.

- Кажется, у тебя много знакомых мужчин?

Она усмехнулась - тихий, слабый звук, от которого у нее не дрогнули даже плечи, прижимающиеся к тебе.

- Хотя тебе бы этого не хотелось знать, - сказала она.

- Чем занимается мистер Гоуэн?

Ты уже знал, что у нее существует три особых способа отвечать на прямые вопросы, каждый резко отличается от другого, как будто она их сформулировала для себя. На этот раз она выбрала вариант прямого ответа:

- Он таксист. Сам он их не водит - ему принадлежат тридцать семь такси - такие коричневые с маленькой птичкой на дверце.

- Любопытно.

- Почему?

- Да ничего, только он не кажется мне человеком, который держит целую флотилию такси.

- Откуда ты знаешь, как он выглядит, ты же никогда его не видел.

- Конечно видел, в тот вечер в театре.

Она повернула голову, ее подбородок коснулся твоих волос, затем наклонилась и легко куснула тебя за ухо.

- Это был не он, - сказала она.

- Ты сказала мне, это был он.

- Ну, не надо было спрашивать.

- Тогда кто же это был?

Она снова усмехнулась:

- Это был мистер Грин.

Ее муж! Черт, конечно нет! Ты сдался, раздраженный ее ограниченным, инфантильным враньем. Видимо, почувствовав твоё раздражение, она мягко погладила твою руку.

Ты хотел сначала отодвинуться или оттолкнуть ее руку, но сердце твое забилося сильнее... и ты не двинулся...

- Больше не надо, - почти взмолился ты и накрыл ее руки своей.

- Уже поздно, - вздохнула она.

Приблизительно через неделю, после того как вы несколько раз ездили в загородные гостиницы, ты наконец набрался духу заговорить с ней о ее одежде. Ты не был уверен, как она это воспримет, и не понимал, что тебя вызвало на этот разговор. Но бесконечная перемена двух дешевых платьев, темно-коричневого и жуткого платья в клетку, выводила тебя из себя. И господи, что за шляпы!

Ты был высокого мнения о своем вкусе - будучи хорошим от природы, он был отшлифован до тонкости десятью годами жизни с Эрмой. Конечно, думал ты, это не тот случай, когда нужно добиваться экстравагантности.

- Я никогда не обращаю внимания на одежду, - равнодушно сказала она. - Даже если бы у меня было много денег, все это так сложно.

Ты подумывал о том, чтобы купить ей пару платьев и шляпок, но с удивлением обнаружил, что за покупкой одной вещи следует покупка другой. Однажды начав одеваться, она стала делать это почти с энтузиазмом, проявляя особенный интерес к туфлям, но даже с туфлями она ни разу не сказала определенно, что хочет именно эту пару. Она признавала преимущество одного фасона перед другим, всегда немного ворчливо, но оставляла за тобой право принимать решение. Ты ломал себе голову, как она покупала себе вещи, когда ходила в магазин одна.

Новые вещи были безусловным прогрессом, но странно смотрелись на ней. У нее была совершенно бесцветная кожа лица, того же мертвенно-серого тона, как и в детстве, никаких оттенков и разницы между щеками, подбородком, ушами и лбом, и она никогда не пользовалась ни румянами, ни губной помадой, хотя постоянно припудривала лицо какой-то странной коричневатой пудрой. Такую можно было достать только в Гарлеме - только, насколько ты знал, она никогда там не была. В старой тусклой одежде ее лицо терялось, но, когда она надевала что-то яркое и броское, смотреть на нее было жутко.

Когда ты давал ей денег, чтобы Миллисент сама купила себе белье или ночную рубашку, она аккуратно возвращала тебе на следующий день сдачу вместе со старательно скрепленными чеком и этикеткой, на которой указана цена. В отношении денег она всегда была очень честна, возможно, потому, что не придавала им особого значения.

Тебе следовало догадаться, что она выдумала всю эту чушь насчет Дика. А с алиментами - невозможно было выяснить то, что она хотела скрыть, ты и сегодня не знаешь, действительно ли она получала алименты от своего мужа и была ли она вообще замужем. Твое первое подозрение на этот счет появилось в тот день, когда вы отправились на Брайарклиф и ты предложил ей поехать

куда-нибудь отдохнуть, например в центральную Пенсильванию, где тебя меньше всего подстерегала опасность встретить знакомых.

Когда ты спросил ее, что она думает на этот счет, оказалось, ее это совершенно не волнует.

- Но не так давно ты боялась остаться где-то даже на одну ночь, - напомнил ты ей.

- Да. Ну... не важно.

- Мы можем провести там неделю, две или месяц, сколько захотим. Что ты скажешь?

- Думаю, это было бы хорошо.

Ладно, договорились. Сидя на возвышении Лоджа, ты смотрел на широкое пространство, поросшее густым лесом с прогалинами полей, на котором сверкала под солнцем синяя лента Гудзона, и думал, какого черта ты это делаешь.

Ты и сейчас не можешь этого понять. В этом есть что-то такое, что толкает тебя делать то или иное, так что ты Даже не успеваешь сообразить. Как, например, эта поездка. Признавая, что в этом есть нечто такое, чему ты не в состоянии противостоять, все же нет причин полностью терять рассудок. Почему ты не мог попользоваться ею, купить ей какие-то вещи для собственного удовольствия - нет, тебе нужно было целиком погрязнуть в этих мерзких отношениях. Ты боялся покинуть ее, должен есть и спать с ней, чтобы не пропустить ни единого момента, когда она могла вцепиться в тебя, как крыса.

Уже всего через одну ночь в том маленьком отеле в пенсильванских горах, когда она лежала рядом с тобой, ты чувствовал, что, если она еще раз дотронется до тебя, ты не перенесешь этого. Однажды ты сказал:

- Ради бога, Мил...

Она не обращала на тебя внимания.

М

Еще пара ступеней, и тогда он сможет увидеть свет, выбивающийся из-под двери.

Он убрал руку с перил и засунул ее в карман пальто, где снова обхватил рукоятку пистолета. Другая рука, в которой он держал ключи, была опущена вдоль тела со стороны стены. Когда он поднялся еще на одну ступеньку и рука нечаянно задела торчащий из стены гвоздь, он судорожно отдернул ее и уронил ключ, который упал на край деревянной ступени.

Он быстро взглянул вверх - не услышала ли она, - нет, конечно, - а потом нагнулся и поднял тускло блестящий в полумраке ключ.

Из комнаты больше не доносился ее голос, но в голове у него шумели какие-то другие голоса, жуткая смесь голосов, от которых у него стучало в висках... это ты, крыса... ради бога, Мил... застенчивый, безответный, бездейственный...

13

Ты не годишься, больше ни на что не годишься. Вот что ты твердил себе в тот день, когда после работы поехал на Восемьдесят пятую улицу, прямо в день ее переезда туда. "Теперь ты пропал, - думал ты, - позволил загнать себя в нору, откуда нет выхода".

Она была дома, расставляя кресла и прилаживая ковры с таким сосредоточенным видом, что ты невольно рассмеялся. Она ставила их то туда, то сюда с необыкновенной серьезностью, что было для тебя в новинку, пока ты сидел на диване, курил и притворялся, что разделяешь ее оживление. Позднее ты понял, что для нее каждая вещь, однажды положенная на какое-то место, там должна

оставаться. Вроде того красного ковра, который она положила у входа; он был таким толстым, что каждый раз, когда открывали дверь, у него заворачивался угол или весь он сбивался, но, когда однажды ты с раздражением перетащил его на середину комнаты, на следующий день ты нашел его на старом месте, и тебе пришлось самому перенести его в спальню.

Когда по возвращении из поездки в Пенсильванию она согласилась покинуть Двадцать вторую улицу и устроиться в доме под именем миссис и мистера Льюис, она пожелала, чтобы это была меблированная квартира. Покупать мебель, сказала она, будет слишком дорого и хлопотно. Про себя ты думал, что делаешь это вовсе не для нее, что за всю твою жизнь у тебя никогда не было по-настоящему своего дома с твоими собственными вещами, ты никогда не сидел в кресле, которое принадлежало бы только тебе. Во всяком случае, что бы ни случилось, было бы очень приятно иметь свою квартиру и мебель.

Тебя обуревала приятная дрожь, когда ты в первый раз поднялся по этой лестнице и открыл дверь своим ключом. В чистеньком клетчатом платье Миллисент выглядела совершенно домашней, обыкновенной женщиной, подобно всем остальным женщинам, даже какой-то уютной. Это были твои ковры, которые она перетаскивала из комнаты в комнату, эти новые пышные чистые подушки были твоими, здесь стояло обтянутое кожей кресло, которое ты купил специально для себя.

Ты прошел по небольшому коридору, из которого слева открывалась дверь в ванную, в дальнюю комнату.

Там уже были поставлены у стены друг напротив друга две кровати. Вряд ли ты будешь спать здесь слишком часто, но это была твоя собственная кровать, с новым толстым матрасом и пухлыми подушками. Миллисент не понимала, почему ты настаивал на двух кроватях, она сказала, что всегда спит так крепко, что ты спокойно можешь вертеться всю ночь и не разбудишь ее. Ты подошел к кровати и пощупал покрывало и стеганое ватное одеяло. Затем вернулся в холл и взял сумку, которую принес с собой, набитую новыми покупками, распаковал ее, ставя каждый предмет на нужное место - зубную щетку, щетку для головы, ножницы, тапочки, расческу, блок сигарет, бензин для твоей зажигалки.

- У тебя так много полотенец, - сказала Миллисент из двери.

Под молчаливым безразличием в ней скрывалось любопытство к симпатичным новым вещам, интерес гораздо более сильный, чем тот, который она питала к одежде. Она помогла тебе составить список вещей, которые ты забыл купить: пепельницы, корзинки для мусора, вешалки для одежды. Она пристроила на бра абажуры, расположила на столе две бронзовые вазы, наконец, опустила на пол и начала ставить книги на угловую полку. Ты встал рядом на колени. Это были книги, которые она покупала в городе, - популярные романы и детективные рассказы.

- Здесь будет очень мило, - сказала она.

Ты кивнул:

- Ты рада, что мы сами купили эту мебель?

- Да, это оказалось не так сложно, как я думала. Должно быть, она стоит огромных денег.

Это было в сентябре - прошлогодним сентябрем.

Кажется, с тех пор прошло сто лет. И все же за это время ничего не произошло. Все было уже позади. Что ты узнал за это время такого, чего уже не знал? Ты трогательно встал рядом с ней на колени и передавал ей книги, одну за другой, хотя внутри у тебя все кипело от ненависти, потому что знал: чего бы она ни захотела, она склонит тебя к этому, заставит тебя против твоей воли откинуться на спину, закрыть глаза и чувствовать то жуткое тесное удушье в горле...

Все дело вовсе не в ней - это ты ненормальный.

Миссис Джордан, видимо, считает ее просто глупой женщиной, у которой не хватает самоуважения, чтобы держать одежду в чистоте, судя по тому, что она как-то сказала Грейс. Грейс

она нравится, ей нравится быть с ней, иначе она не стала бы так часто приходить. В этом тоже нет ничего странного, Грейс - обычная, нормальная и симпатичная девушка, каких сотни.

Ты ужасно ленивая, - однажды вечером сказала она Миллисент, - но я все равно люблю тебя.

Услышать это слово, обращенное к ней, было жутко.

Даже в качестве шутки, возможно, Грейс и шутила. "Я тебя люблю". Кому ты мог бы это сказать? Представь себе Эрму, твою дорогую жену! "Я люблю тебя". Боже мой! Правда, это одна женщина говорила другой. Попробуй на мужчине. Дик, Ларри, Шварц или Виктор - лучше всего на Викторе. "Я люблю тебя, проклятая вшивая свинья..."

Прошлым летом, когда ты возвратился из Мейна, Джейн разговаривала с тобой так, как будто что-то знала о Миллисент, и недавно опять. Этот номер телефона... Приблизительно в это же время Миллисент тоже вела себя довольно странно. Впрочем, они все такие.

Лучше бы они занимались своими делами - кто ты такой, по их мнению, дебил, которому нужно застегивать рубашку? Хотя нужно признать, Джейн так и думает. Она считает, что тебе необходимо найти какой-то интерес в жизни! Она такая же глупая и бестолковая, как и все остальные, - хотела, чтобы ты поехал с ней и со всем ее зверинцем в Нассау, где лежал бы в плавках на пляже и строил бы крепости из песочка. Спасибо, мог бы ты ей сказать, у меня уже есть интерес в жизни, у меня очаровательная любовница в очаровательном доме, где на столе стоит ваза с цветами, а на стойке - Уильям Завоеватель...

Это было ужасно смешно, единственное по-настоящему забавное, что когда-либо сделала Миллисент. Ты перевез сюда бюст, считая этот жест весьма ироничным, но она тебя обскакала. Всего через несколько дней после переезда на эту квартиру Миллисент сказала, что нужно ее украсить вазами и разными безделушками, двух бронзовых ваз, купленных тобой, явно недостаточно. На следующий день ты поехал в магазин и приобрел несколько подсвечников, еще несколько ваз и две или три бронзовые статуэтки. Она носилась с ними по всей квартире и наконец пристроила их по своему вкусу, в то время как ты сидел с непрочитанной вечерней газетой на коленях, внутренне усмехаясь при мысли, что бы подумала Эрма об этой выставке произведений искусства.

- Ну вот теперь хорошо, - наконец сказала Миллисент, окидывая взглядом результаты своей работы. - Только вот сюда нужно поставить что-нибудь крупное, может, статуэтку побольше. Вчера на Бродвее я видела подходящую, группу девушек с ветками винограда, она стоила всего семь долларов.

- Статуя! - воскликнул ты.

- Да, для этого места.

- Я знаю, что сюда подойдет. Прекрасный белый мрамор и как раз того размера, что нужно. Завтра принесу.

На следующий день ты поехал на Парк-авеню, завернул свой бюст в газету и отнес его в такси. Ты боялся, что придется просить кого-нибудь помочь тебе дотащить его, но справился и сам, взвалив его на плечо. Через полчаса, запыхавшись после подъема по лестнице, ты поставил его на стол, снял бумагу и позвал Миллисент полюбоваться.

- Это очень современная работа, замечательное произведение искусства, - сказал ты. - Называется Уильям Завоеватель.

Она серьезно оглядела бюст, затем подошла поближе и потрогала необработанную колонну и гладкую белизну щек и лба. Ты так реально чувствовал ее руку, как будто она касалась твоей собственной кожи, и усилием воли подавил желание резко оттолкнуть ее - схватить ее за кисть руки обеими руками и вывернуть ее, чтобы в ней хрустнули кости.

- Он похож на тебя. - Она усмехнулась. - По-моему, точь-в-точь ты. - Она обернулась и оценивающе оглядела тебя. - Если бы ты действительно был таким, ты бы меня не боялся.

Пораженный, ты воскликнул:

- Господи милостивый! Я тебя не боюсь!

- Нет, боишься. Ты думаешь, что я злая, грешная, безнравственная. Все мужчины так думают только потому, что я ничего не стыжусь. Вот почему им безразлично, что я не очень хорошенькая.

- Кто тебе это сказал! Наверняка тебе кто-то это сказал.

Она только покачала головой и снова любовно погладила мрамор.

- Очень красиво то, как голова выступает из этого камня, - сказала она.

Она лишила твою затею всякой иронии, и ты пожалел, что не оставил бюст торчать в углу.

На следующий вечер ты приехал сюда, вошел в переднюю комнату и сразу упал в ближайшее кресло, не раздеваясь, недоверчиво тараща глаза и захлебываясь хохотом. Как же ты хохотал! Миллисент сидела в голубом кресле и читала, а рядом с ней на столе стоял Уильям Завоеватель с ожерельем из желтых хризантем на шее!

- Нет, это слишком роскошно! - задыхаясь, проговорил ты. - Господи, это просто невозможно! Эрма, дорогая, иди посмотри на это!

Миллисент, которая не шевельнулась и не улыбнулась, просто сказала:

- Не вижу здесь ничего смешного. Мне кажется, они очень хорошо там смотрятся.

Ты разразился новым, неудержимым приступом хохота. Затем внезапно оборвал смех.

- Послушай, - сказал ты, - просто ради любопытства, скажи, зачем ты это сделала?

Она закрыла книгу и посмотрела на тебя недрогнувшим взглядом:

- Не понимаю, что ты имеешь в виду. Просто повесила цветы.

- Ты сделала это для того, чтобы сделать из меня посмешище? Я спрашиваю просто из чисто научного интереса. Не обращай внимания на мое самолюбие.

- А почему я должна делать из тебя посмешище? Я не считаю тебя смешным.

- Ну же, не будь дурочкой, - настаивал ты. - О чем ты думала, когда вешала это ожерелье?

У нее вырвался смешок.

- Я думала о том, что если бы не истратила доллар на эти цветы, то от тех денег, которые ты дал мне на этой неделе, осталось бы целых двадцать долларов.

Ты беспомощно и с подозрением посмотрел на нее, желание смеяться прошло. Ты не испытывал обиды, это было слишком комично, даже если смотреть на это как на совпадение, ты до сих пор сомневался, действительно ли это было простым совпадением. Разве можно быть более разными, чем блестящая, циничная, ясно мыслящая Эрма и это жалкое серое насекомое? И при этом такое совпадение! Какие скрытые изменения в течение веков привели к столь идентичному поступку? Та твоя часть, которая еще сохраняла слабую способность притворяться, та, что смотрит на все со стороны, хотела бы рассказать об этом Эрме, чтобы насладиться ее восклицаниями восторга от такого совершенного подтверждения ее злой иронии по отношению к тебе.

Желание поделиться с Эрмой появилось, потому что она только несколько дней назад вернулась из поездки в горы, причем в необычайно хорошем настроении, с хорошим запасом всяческих сплетен. Тот первый обед наедине с ней в просторном и роскошно обставленном доме - твой первый обед без Миллисент за прошедшие два месяца - подарил тебе чувство невероятной благодарности и безопасности, которым ты был обязан Эрме.

Ты чувствовал, что при всем ее эгоизме и вкрадчивой жестокости она была твоим лучшим другом, что она была сильной, уверенной и умной; тебе хотелось рассказать ей о Миллисент, хотелось сказать ей: "Каким-то образом, непонятным мне самому, я привязан к мерзкой, невежественной шлюхе, которую я презираю. Она тупа, испорчена, извращена, фальшива (здесь

Эрма улыбнется), но интимные прикосновения ее рук двадцать лет хранились у меня в памяти, и сейчас я ее беспомощный раб. Ради бога, подскажи, что мне делать!"

Эрма посоветовала бы тебе положить ей на лицо подушку и сесть на нее, а потом сосчитать до десяти тысяч. Она и сама могла бы тебя избавить от твоей рабской зависимости, просто ради удовольствия показать, на что она способна. Что она могла сделать? Ничего, кроме как задушить или застрелить ее? Ты столько над этим думал.

Что можно сделать?

Эрма не понимала, почему ты не поехал в Эдирондекс, почему поехал один куда-то в Пенсильванию и не воспользовался одной из ее машин. Она сказала, что ты какой-то желтый, вокруг глаз круги, ты выглядишь гораздо хуже, чем обычно. В чем дело? Ты с усмешкой отмахнулся от ответа и сказал, что это просто результат тяжелой работы и тоски по ней. После обеда ты удалился в свою комнату и начал внимательно разглядывать себя в зеркало. Ты старался не встречаться с собой взглядом и только усилием воли заставил себя смотреть прямо. Что пряталось за этими глазами, вопрошал ты. Что за смущающая тайна пробралась туда? Какая ржавчина или обман разъедали этот сложный механизм и превратили его порядок в хаос? Боже всемогущий, что с тобой происходит? Ты пристально смотрел в зеркало на свое отражение, и твои глаза показались вдруг дружелюбными и смелыми - но за ними что-то было, что-то такое, что заставило тебя заметно содрогнуться. Эрма была права, ты выглядел больным; довольно привлекательный мужчина, ты скоро перестанешь им быть, если твои посещения Миллисент будут продолжаться.

Теперь, с возвращением Эрмы, объяснял ты Миллисент, тебе труднее будет выбираться к ней днем. Когда Эрма живет в городе, ты всегда должен быть у нее под рукой, чтобы участвовать в бридже, сопровождать ее на обеды, в театр, оперу, на концерты и танцы. Конечно, бывали частые и длительные периоды, когда ты был, так сказать, на каникулах, но по своей природе они не давали тебе возможности сообщить о них заранее. На Восемьдесят пятой улице был телефон, и ты сказал, что, когда будет возможно, ты будешь днем сообщать ей, сможешь ли прийти на обед, хотя это не имело особого значения, потому что все равно вы всегда ходили обедать в ресторан.

С трудом находя занятие в свободное время, ты не представлял, как оно может быть до такой степени заполненным. По мере того как проходила осень и выпал первый снег, ты временами думал, что, в конце концов, все в порядке, что твоя связь с ней в течение двух месяцев скрутила тебя в узел, который теперь развязался возвращением к обычной жизни, но вдруг ты заставал себя за тем, что думаешь о ней, особенно когда танцуешь с кем-нибудь на вечеринке, или во время пьесы, или в доме Джейн, когда вокруг играют и кричат ее дети. Ты не мог выкинуть ее из головы. Это было в тебе самом; она не надоедала тебе. Ты звонил ей из телефона в табачном магазине на Бродвее, не желая звонить из дома или из офиса:

- Мне очень жаль, Мил, но я не смогу прийти ни сегодня, ни завтра, ни в четверг. Почти уверен, что приду в пятницу.

- Хорошо, - раздавался ее голос.

- Ты не скучаешь без меня? - Ты сам себя презирал за эти слова.

- Конечно, буду скучать, но Грейс ходит со мной на какое-нибудь шоу. Пришли мне еще книг.

Прежде чем вернуться в офис, ты переходил на другую сторону к Дональдсу и заказывал доставить ей дюжины книг, любые романы по усмотрению служащего.

Однажды, когда в посылку вложили "Лорда Джима", она даже это прочла, хотя ты не верил ей, пока она не доказала это, отвечая на твои вопросы.

Ты как-то прошелся вдоль полок с книгами, захотев что-нибудь почитать, - когда это было? В тот уик-энд она куда-то уехала вместе с Грейс. Они уехали в пятницу днем. Вас с Эрмой

пригласили к Шотуэллам, но ты отказался под каким-то предлогом, чтобы побыть здесь одному. Было это в начале декабря, меньше года назад.

Это было чудесно, ты получил самое настоящее удовольствие. Странно, какой тихой и пустынной казалась квартира без Миллисент. Пятница, суббота, воскресенье - ее не будет целых три ночи, говорил ты себе; ты подбирал ее разбросанную одежду и убирал подальше; ты даже положил ее шляпы на верхнюю полку. Это мой дом, думал ты, мои вещи, приводя в порядок все мелочи в ванной, вворачивая новую лампочку в коридоре вместо перегоревшей, снимая шелковое покрывало со своей кровати и аккуратно складывая его.

Сидя в кожаном кресле под торшером с романом на коленях, ты чувствовал себя в стороне от всего мира, довольным, почти счастливым. Как чудесно было бы здесь, думал ты, если бы не она. Быть здесь одному вот так, в своем собственном доме, чтобы никто не знал, где ты находишься! Почему ты не подумал об этом раньше - ты мог бы это сделать давным-давно. Она вернется в понедельник. Что, если она никогда не вернется? Эта мысль взволновала тебя; на какое-то мгновение ты даже затаил дыхание. Что, если она погибнет, например попадет в дорожную катастрофу? Боже, вот было бы замечательно - совершенно мертвая и навсегда. Твое имя не появится в печати, Грейс об этом позаботится. А знает ли Грейс твое настоящее имя? Мил клялась, что не знает. Пожалуй, так оно и есть, если судить по поведению Грейс; ничто не показывает, что она знает, напротив, она ведет себя так, как будто ей интересно узнать, кто ты на самом деле. Ты можешь отдать ей все вещи Миллисент, все-все, и дать ей много денег на похороны... может, ее собьет машина или она получит пневмонию или еще какое-нибудь серьезное заболевание и умрет...

Ты потер лоб и отодвинул торшер чуть в сторону, потому что тебя слепил отблеск света от гладкого мраморного чела бюста. Ты повернулся и посмотрел на него, внимательно изучая его, и вслух обратился к нему: "Такой удачи не подвернется, верно, старина? Ты бы не стал ждать счастливого случая, верно? Нет, ты настоящий вояка, ты бы не стал ждать, ты даже не стал бы затруднять себя тем, чтобы стрелять в нее или заколоть ее ножом, просто щелкнул бы пальцами - и конец, больше ее не было бы. Ты знаешь, кто ты такой? Ты шутка моего сына Пола, которую он выкинул над своим отцом, только он не знал, что это его отец, насмехаясь над ним.

Ты, самоуверенный черт, индюк надутый!"

Позднее, много позднее, ты так и уснул над книгой, сидя в кресле.

Неделя перед Рождеством была до отказа забита делами, которых невозможно было избежать. Эрма завела в горах множество новых знакомств, стала странно настаивать на твоём присутствии и помощи, хотя, может, это тебе только казалось. Безусловно, ее стала интересовать твоя внезапная страсть находить различные предлоги, чтобы улизнуть из дому; это забавляло ее, она не считала необходимым восставать против этого, но ее одолевало любопытство.

- Только я стала думать, что уже досконально тебя изучила, как ты подбросил мне новую загадку, - сказала она. - Раньше ты ничего не имел против Хэллерманов. Ты всегда соглашался поиграть с ними в бридж хотя бы два раза в неделю. У тебя развилось определенное нежелание посещать театры. Прежде ты никогда не отказывался от того, чтобы провести уик-энд в Холкомбе.

Ты нашел себе любовницу или учишься плавать?

- Я умею плавать, - рассмеялся ты.

- Клянусь святой Марией, вот в чем дело! - воскликнула она. - И ты повез ее в Пенсильванию, ходил с ней по ягоды, а теперь остается единственный вопрос - у вас будет мальчик или девочка. Bravo! - Она подошла к тебе, улыбаясь. - Пожалуйста, пусть это будет девочка, назови ее Эрмой, а я стану ей крестной матерью и подарю ей миллион долларов, - сказала она. - Seriously, Билл, мне кажется тебя встряхнет то, что ты окажешься отцом. Ты выглядишь очень усталым. Что с тобой?

Ты пожал плечами:

- Просто я беспокоюсь, как бы это не оказалось двойней.

- Значит, ты не хочешь мне сказать?

- Да нечего говорить.

- Ну, не говори, только в последнее время ты какой-то грустный. В моем преклонном возрасте это здорово беспокоит, я представляла нас с тобой сидящими рядышком на солнышке где-нибудь на Средиземном море. Мы вспоминаем молодые годы и всякие остроумные выходки.

Ты спустился в подземку, направляясь в офис, но сначала зашел в табачную лавочку и позвонил Миллисент.

Она ответила сонным голосом - ты вытащил ее из постели, как всегда, когда звонил утром.

- Извини, - сказал ты, - но я не смогу зайти ни сегодня, ни завтра. А в среду у нас дома будет вечеринка до самого утра, и на Рождество мы уедем к Дику на Лонг-Айленд.

- Хорошо, - сонно сказала она.

- : Мне очень жаль по поводу Рождества... Не знаю, что ты будешь делать, совсем одна...

- О, все в порядке. Мы с Грейс куда-нибудьходим.

В офисе, когда у тебя было не очень много дел, ты сидел в своем кабинете и смотрел в окно на серое небо.

Не ждут ли тебя проблемы со стороны Эрмы? Конечно нет, в обычном смысле, но она еще никогда не испытывала такой сильный интерес без того, чтобы не удовлетворить его. Это будет конец, но это будет слишком. Ты не можешь вынести и мысли о том, чтобы она увидела Миллисент. Но она этого добьется, если у нее слишком разгорится любопытство. Невыносимо думать, что она узнает о ней, может, даже будет с ней говорить. Почему Эрма не догадывается? Двусмысленным и неприемлемым вещам лучше оставаться в тайне, поскольку их открытие не даст ничего хорошего. Тебе нужно быть более осторожным, еще тоньше притворяться, может, стоит сочинить какую-нибудь сказку, которая удовлетворит ее, и она не станет совать свой нос туда, куда не следует...

В рождественское утро вы легли спать только в пять часов. Утром ты торопливо принял душ, оделся, выпил стакан апельсинового сока и чашку кофе. К Дику вас ожидали только к трем, и на машине ты вполне мог обернуться за два часа. Оставив Эрме записку, что вернешься домой вовремя, чтобы выехать в час, ты вышел из дома и взял такси до Восемьдесят пятой улицы. Ты не видел Миллисент три дня. Может, ты и осел, говорил ты себе, но сегодня Рождество, а она одна, и тебе ничего не стоит заскочить туда на минутку, сделать ей небольшой подарок и поздравить с Рождеством. "Какой бы она ни была, - сказал ты себе вслух, - она все-таки человек". Подарок лежал рядом с тобой на сиденье в большой коробке; ты был рад, что тебе удалось вынести его из дому, потому что Эрма, к несчастью, заметила, как накануне днем ты притащил коробку домой; это разожгло ее любопытство, которое возросло бы во сто крат, знай она, что в коробке дамская шубка.

Улицы, которые ты редко видел при дневном освещении, казались тебе незнакомыми. Попросив водителя подождать, потому что ты намеревался провести там всего несколько минут, подхватив под мышку неудобную коробку, ты взбежал по лестнице и вошел в квартиру. В гостиной ее не было. Ты огляделся и крикнул: "Привет, счастливого Рождества!" - и, поставив коробку на стул, двинулся по коридору, который вел к спальне. Ты ничего не слышал, как вдруг Миллисент возникла перед тобой босая, в ночной рубашке и перегородила тебе путь в коридор.

- Счастливого Рождества, - сказала она, улыбнувшись.

Эта улыбка ее и выдала - ты никогда не видел у нее такой вымученной улыбки, она встревожила и насторожила тебя. Ты продолжал идти вместе с ней.

- Не ходи туда, - спокойно сказала она, вытянув руку.

Ты остановился и поглядел на нее.

- Грейс еще спит, - сказала она.

Ты оттолкнул ее руку, рванулся мимо и прошел дальше по коридору. Оттуда ты смог увидеть, что действительно в твоей кровати у правой стены лежит кто-то скрытый под одеялом; ты видел только длинную нескладную глыбу. Но, переведя взгляд вниз, ты увидел на полу у кровати пару туфель, которые определенно принадлежали не Грейс, а на туалетном столике валялась сброшенная рубашка и брюки. Ты сделал еще шаг вперед, затем резко повернулся и вернулся в гостиную, где присел на краешек кресла, чувствуя, что тебя вот-вот вырвет, ты с трудом несколько раз сглотнул. Ты чувствовал, что она стоит перед тобой у выхода в коридор, хотя не глядел на нее.

- Если бы ты позвонил... - заговорила она медленно и тихо.

- Замолчи! - сказал ты.

Ты ничего к ней не испытывал, ярость охватила тебя из-за твоего дома, твоей кровати. Был поруган храм, а не жрица. Ха, жрица!

Ты встал и огляделся. Тебя тошнило, и ноги были какими-то ватными. Тебе на глаза попала коробка, брошенная на кресло, и ты кивком указал на нее.

- Это шуба, - сказал ты, - возьми ее. Забирай себе все. Надеюсь, я скорее увижу ад, чем еще раз это место.

Ты посмотрел прямо на нее; ее серо-голубые немигающие глаза невозмутимо встретили твой взгляд.

- Тебе следовало позвонить, - сказала она. - Я тебе никогда ничего не обещала. Ты прекрасно знаешь...

Ты пересек комнату, открыл дверь и, не отвечая ей, спустился вниз по лестнице. Эта лестница. Такси ожидало тебя у тротуара. Ты посмотрел на часы, увидел, что еще только начало первого.

- Поезжайте вокруг парка, - сказал ты и уселся в машину.

Перед твоим мысленным взором возникло мучительное воспоминание: ты видел самого себя в ту ночь, когда уехала Люси, сидящего на мокрой трубе, рыдающего, как ребенок, с залитым слезами лицом. Почему ты подумал об этом? Потому что сейчас тебе тоже хотелось плакать? Вряд ли. Скорее ты был близок к тому, чтобы рассмеяться, ты даже попытался это сделать, но у тебя вырвался только хрип. Почему ты подумал о том вечере? Во-первых, это было оскорблением памяти Люси - это было бы оскорблением памяти любой женщины.

И этот тип, кто бы он ни был, лежал на твоём матрасе, под твоим одеялом, на твоей подушке. Его туфли валялись на ковре, который ты старательно выбирал, потому что тебе нравится, когда из постели ты опускаешь ноги на мягкий и пушистый ковер. Внутри тебя все горело, готовое к взрыву бессильной ярости. Такое никто не смеет делать, это не по-человечески. "Ублюдок, ублюдок", - твердил ты вслух.

И среди этой злобы ты вдруг ощутил внезапное чувство облегчения; ты освободился от нее! Как только значение этого озарило тебя, возмущение исчезло, и весь ты, снаружи и внутри, стал спокойным, в этом подсакивающем на неровностях дороги такси. Казалось, у тебя почти перестало биться сердце; бодро, но осторожно, чтобы не вспугнуть это умиротворение, ты начал его исследовать. Возможно ли это? Почему твоя ярость не была направлена против нее? Ты намеренно воображал себе сцены с участием этих двоих - и ты задрожал, а это было опасно. Ты больше никогда туда не вернешься, больше никогда не увидишь этого дома. И ее тоже. И ее!

Тебя поражало то, что ты не просто говорил это себе, ты действительно так думал и верил этому. В первый раз убежденность в этом пришла к тебе изнутри, от сердца.

Ты чувствовал внутри великую свободу и очищенность - тебе хотелось смеяться вслух, - проклятые чары были разрушены!

У тебя оставались там некоторые вещи и одежда. Что ж, она может прислать их тебе, вольна продать или подарить своему гостю. Конечно, не в первый раз твой матрац служил для развлечения ее приятелей - ты был дураком, когда не понимал этого. Мистер Гоуэн, мистер Пефт и бог знает кто еще. Собственно, ты знал это. Нет, не так, ты не знал, что они бывали в твоём доме. В других местах, где-нибудь в гостинице, пожалуй. Ты с удивлением понял, что все это время, с самого начала, в глубине твоего сознания было определенное убеждение - она продолжает поддерживать отношения с другими мужчинами. Ты не испытывал из-за этого ни ревности, ни негодования - просто не думал об этом. Что же ты за рыба такая? Наверное, это стало твоей второй натурой после десяти лет жизни с Эрмой. Самая хорошая тренировка для благодушного мужа. Вздор! Ты никогда не любил Эрму, так какое для тебя это имело значение? И Миллисент тоже не любил. Господи, что за пышное имя - Миллисент! Ты никогда об этом не думал. Миллисент, леди Пемброук сэра Джошуа Рейнольдса.

Ты вернулся на Парк-авеню вовремя, и вы успели с Эрмой выпить кофе перед тем, как отправиться на Лонг-Айленд.

Это было веселое Рождество. Сначала легкая прогулка на такси, чтобы подарить Миллисент меховую шубку. Затем в машине всю дорогу до дома Дика Эрма грызла тебя за то, что ты был недостаточно вежлив с тем толстым немцем, который зашел накануне вечером в библиотеку.

Она была в плохом настроении и вымещала его на тебе, как обычно.

После того как вы оказались у Дика, все пошло нормально. Были все, кроме Ларри и Розы. Даже Маргарет появилась со своим знаменитым ученым - он оказался нормальным парнем. За столом тебя посадили между Джейн и Мэри Элейр Керью Беллоуз Карр, Джейн заняла место справа от тебя, и, когда она поблагодарила тебя за подарки, которые ты послал ее детям, похлопала тебя по руке и улыбнулась тебе, ты подумал: "Милая старая Джейн". У тебя так сдавило горло, что ты не мог говорить. Но тебе хотелось говорить, ты хотел рассказать ей о благословенном освобождении, которое обрушилось на тебя, ты хотел сказать ей: "Я счастлив, чист и свободен!" А потом, если бы она не поняла, как это для тебя важно, ты усмехнулся бы и повторил старую рождественскую шутку: "Дай мне печенье!"

N

Рука его, сжимавшая в кармане пальто рукоятку пистолета, разжалась, он попытался выпрямить пальцы в узком пространстве, затем снова обхватил рукоятку, стиснул ее еще крепче. И опять расслабил пальцы, они стали влажными и липкими. Он вынул руку и потер ладонь о пальто, поднес ее к самому лицу и стал рассматривать, в сумраке она казалась очень белой, а пальцы короткими. Он засунул руку в карман, касаясь пистолета, но не обхватывая его.

Ты боишься, вот в чем дело, сказал он себе, застенчивый, безответный, ты просто боишься...

14

И не только потому, что стоишь здесь, на лестнице, с пистолетом в кармане. Ты всегда боишься, когда необходимо что-нибудь сделать. Ты боишься даже слов, если они ведут к поступкам. Бескровная болтовня. Чушь.

"Надеюсь, скорее я увижу ад, чем это место". Разве ты не обсуждал это наедине сам с собой? "Вели своему парню одеться, сама тоже одевайся, и убирайтесь отсюда через пять минут, чтобы духу вашего здесь не было!" Это звучит так похоже на тебя; возможно, ты и сказал это, но она не слышала тебя.

У Дика было хорошее вино, лучше того, что поставляют Эрме. Мэри напилась до идиотизма, и, когда Дик сказал ей, что она ведет себя как истеричка из Армии спасения, она разозлилась и сразу протрезвела. Этот рождественский день, наверное, был первым за месяц, когда они разговаривали. Ты сам порядочно выпил, ровно столько, чтобы хорошо танцевать. Ты был почти пьян, Маргарет начала учить тебя новому степу, который подхватила в Гарлеме. Ты поскользнулся и упал бы на пол, если бы рядом не оказался стол. Джейн сказала:

- В чем дело, Билл? Я никогда не видела тебя таким веселым. На тебя подействовало зимнее солнцестояние?

- Нет, сегодня мое возрождение, - засмеялся ты и поцеловал ее.

Затем ты почувствовал желание расцеловать и остальных, и Мэри, эта шлюха, приняла твой поцелуй, встав с кресла. Дик это заметил и засмеялся, она так взбесилась, что чуть его не убила.

Вы уехали от Дика с Маргарет и ее гением. Он вполне нормальный парень, только из-за сильного акцента трудно понять, что он говорит. Уже за полночь ты высадил их на Одиннадцатой улице. По дороге домой Эрма сказала:

- Должно быть, это тройня.

- Что?

- Я говорю, такое ликование может быть только из-за тройни. Какого пола оказались младенцы?

- В полном соответствии с современными требованиями. По полтора каждого пола.

Она засмеялась, но была раздражена и снова стала приставать к тебе с вопросами. Господи милостивый, неужели она не понимала, что здесь не о чем говорить? Она никогда не была глупой, кроме таких случаев, когда ее терзало любопытство. Она бы разрезала тебя, чтобы вынуть тайну, если бы считала, что сможет ее понять.

В ту ночь или, вернее, в те несколько часов, которые от нее оставались, ты спал как мертвый. На следующий день в офисе от нее не было звонка; ты подумал, что и не будет никогда, ты на это надеялся. Тебя немного беспокоили твои одежда и вещи - ты не хотел, чтобы у нее был предлог появиться снова. Теперь, после того, как прошли сутки и ты отлично выспался, тебе казалось, что эта история отошла в прошлое, и ты спокойно обдумывал незначительные оставшиеся проблемы. Особенно тебя смущала молчаливая неопределенность. Необходимо было заявить ей, что все закончилось окончательно и бесповоротно. Ты не хотел писать ей - на пишущей машинке, без подписи? Нет, она ответит на письмо.

Лучше всего было бы позвонить. Это можно было сделать в двух-трех решительных фразах. Ты спустился на лифте и перешел на другую сторону в тот табачный магазин, где был телефон-автомат. Но ты не стал набирать номер, ты не смог. При мысли, что сейчас услышишь ее голос, тебя охватила слабость, в желудке поднялась тошнота. Ты просто не хочешь когда-либо слышать ее голос и не станешь. Ты, вернувшись в кабинет, стал расхаживать по нему, время от времени останавливаясь у окна и поглядывая вниз на пигмеев в глубокой бездне и обдумывая план действий.

Вскоре после пяти ты ушел из офиса и на такси отправился прямо на Восемьдесят пятую улицу; из-за пробок на дорогах ты прибыл туда только в четверть шестого и боялся, что уже не увидишь, как она выходит, но, к твоему облегчению, в комнате, выходящей на улицу, горел свет.

Ты попросил водителя остановиться напротив дома на другой стороне улицы и притаился в углу неосвещенного салона. Через несколько минут свет в окнах погас, чуть позже распахнулась парадная дверь, она вышла, одна, и направилась в сторону Бродвея. Она выглядела поникшей и неопрятной; тебя бесила ее дерганая походка. Ну ладно, больше тебе не придется этого видеть. Как только она скрылась из виду, ты быстро перебежал улицу, поднялся по лестнице и вошел в квартиру. Окликнув: "Есть кто-нибудь?" - и не получив ответа, ты прошел в спальню.

Кровати были аккуратно застелены; ты подошел к своей, откинул покрывало и одеяло и увидел, что простыня и наволочка были чистыми и свежими; из-под подушки торчал уголок твоей сложенной пижамы.

- Черта с два! - вслух заметил ты.

Чтобы сэкономить время, ты заранее напечатал в офисе записку: "Я забираю все, что мне нужно. Прилагаемые пятьсот долларов - мой подарок на прощание.

Я не хочу тебя слышать. Прощай". Ты заглянул в конверт, чтобы убедиться, что не забыл вложить деньги, и засунул его под ее подушку. На полу расстелил захваченную с собой газету и торопливо уложил в сверток несколько вещей, которые решил забрать: шелковый халат, тапочки, расческу и щетку для волос, несколько рубашек и галстуков, маленькую бронзовую вазу, которая тебе нравилась. Затем вернулся в гостиную, огляделся и, усмехаясь, снова прошел в спальню, достал конверт и добавил приписку: "Можешь оставить себе Уильяма Завоевателя. Укладывай его спать в кровать, когда она свободна". Надев шляпу и пальто, ты взял сверток под мышку. Стоя в дверях, оглянулся и подумал: это в последний раз... О, черт! Через минуту ты уже спустился и мчался в такси на Парк-авеню.

- Вот и все, - сказал ты вслух и повторил:

- Вот и все!

Ты с неудовольствием заметил, что все еще напряжен и дрожишь. Тебе хотелось, чтобы такси ехало быстрее.

Добравшись до дому, отнес сверток в свою комнату и бросил его в стенной шкаф и, пока переодевался к обеду, выпил подряд три коктейля.

Первый телефонный звонок от нее последовал на следующий день.

- Да?

- У телефона миссис Льюис.

- Миссис... Скажите ей, что меня нет, что я ушел на весь день.

- Да, сэр.

Миссис Льюис! Какого черта она не назвалась миссис Грин?! Ведь это было ее имя. Значит, она пытается достать тебя?

На следующее утро она звонила два раза, и, когда сразу после ленча последовал третий звонок, ты решил, что это бесполезно, и взял трубку:

- Алло?

- О... Это ты, Уилл?

- Да. Что тебе нужно?

- Не думаю, что с твоей стороны это любезно...

- Что тебе нужно?

- Ну, я просто хотела узнать, придешь ли ты сегодня вечером...

- Забудь об этом. И перестань трезвонить.

- Но мне приходится звонить, раз ты...

Ты отнял трубку от уха и, слыша невнятный звук ее голоса, медленно положил ее на рычажки. Через пару минут ты снова снял трубку и сказал миссис Кэрролл:

- Пожалуйста, скажите операторам, что, если мне снова позвонит миссис Льюис, меня нет. Или миссис Грин... Грин. В любое время. И не пишите мне записки о ее звонках.

Вот так и нужно поступать, думал ты. Как сказала бы Эрма, тебе нужно сложить руки на груди и выглядеть уверенным. Наплевать на жесты, важно то, что хотя бы раз в жизни ты решился

держаться решительно; если бы все это продлилось дольше, ты закончил бы свои дни в сумасшедшем доме.

Три-четыре дня прошло без малейших признаков. Ни звука, ничего. Ты испытывал беспокойство и замешательство, уверяя себя, что это из-за неуверенности в том, что она может выкинуть. Были десятки способов, которыми она могла тебе досажать, и она все их перепробовала бы, если бы считала это нужным. Она могла звонить на Парк-авеню, могла даже появиться там, и что, если Эрма увидит ее? Она же не выпустит ее из лап! Что за лакомый для нее кусочек! Каждый вечер, возвращаясь домой, ты ожидал, что Эрма встретит тебя с этой ужасной улыбочкой: "Сегодня сюда приходила мать тройняшек".

Но от Миллисент не было ни звука. Раздраженный оттого, что твое беспокойство и тревога все нарастают, ты дошел до такого состояния, которое уже невозможно было выносить. Ты подскакивал при телефонном звонке, ты не мог продиктовать ни единого письма, чтобы без всяких причин не всплыть на мисс Мэллоу - затем ты извинялся, отпускал ее, передавал письма Лаусону и сидел за своим столом, тупо глядя в окно.

Однажды днем, вернувшись после ленча в свой кабинет, ты стоял у окна и смотрел на Бродвей, шумящий тремястами футами ниже, и поймал себя на мысли:

"Если я открою сейчас окно и спрыгну с подоконника, через две секунды мое тело шлепнется на асфальт. Может, даже через одну секунду. И я никогда не узнаю, обо что разбился. Если я упаду на какого-нибудь прохожего, я и его убью вместе с собой. Не так давно на Тридцать девятой улице один парень выпрыгнул из окна магазина на двенадцатом этаже и угодил прямо на крышу седана".

Ты круто отвернулся от окна и вызвал мисс Мэллоу, чтобы сказать ей, что уходишь до конца дня. Тебе определенно нужно с кем-нибудь поговорить и взять себя в руки. Добравшись подземкой до угла Восьмой улицы и Бродвея, ты зашел к Джейн. К твоей крайней досаде, ее не было дома, но горничная сказала, что она вернется к четырем часам, и ты решил дождаться ее, нашел себе книгу и уселся с ней в кресло. Рэй, твой маленький крестник, который всегда был твоим любимцем, вошел в гостиную, и ты забавлялся, задавая ему разные вопросы о школе. Затем ты вернулся к своей книге, а он включил радио. Уже через минуту тебя это так взбесило, что ты закричал: "Выключи эту гадость!" С удивленным видом он выключил радио и собрался выйти.

Ты снова начал читать. Через минуту радио опять заорало у тебя над ухом. Подняв голову, ты увидел, что Рэй стоит у приемника и шаловливо смотрит на тебя.

Ты бросился к нему с криком: "Я тебе сказал, чтобы ты его выключил, или нет?!" - и ударил его по лицу с такой силой, что он чуть не упал. Ты в ужасе отпрянул, весь дрожа; он глядел на тебя с таким удивлением, что, видно, не чувствовал боли, пораженный тем, как ты вдруг у него на глазах превратился в какое-то чудовище. Ты круто отвернулся и двинулся в холл, где быстро оделся и зашагал по Пятой авеню.

"Теперь он все расскажет Джейн, - думал ты. - Господи, что же со мной творится?"

На Тридцать шестой улице ты зашел в магазин игрушек и купил набор для фехтования (недавно ты слышал, как Рэй просил Джейн купить это ему) и отослал ему с запиской: "Когда научишься как следует фехтовать, можешь вызвать меня на дуэль, если захочешь. Прости, я тебя люблю".

Ты был уже около дома, когда вдруг остановился, позвонил такси и дал шоферу адрес на Восемьдесят пятой улице. Ты удовлетворишь себя по меньшей мере в одном отношении. Поездка заняла всего несколько минут: через парк и дальше всего один квартал; когда машина остановилась, ты прижался лицом к стеклу и посмотрел наверх. Ага, в комнате горел свет! Значит, она дома.

Миллисент все еще жила там, сидя в твоих креслах и ложась спать в твоей кровати. Как обычно, она пренебрегла тем, чтобы опустить шторы; ты видел, как она ходила по комнате, видел ее руку, протянутую за каким-то предметом, находившимся на камине. Она не уехала, намереваясь и дальше торчать здесь, но, видимо, приняла на веру твои слова и решила оставить в покое. Господи! Хорошо, что у этой шлюхи оказалось больше здравого смысла, чем ты предполагал! Ты назвал водителю адрес на Парк-авеню и попросил его ехать поживее, так как только что вспомнил, что сегодня новогодний вечер и вас с Эрмой пригласили обедать Шотуэллы у себя дома на другом конце Доббс-Ферри, после этого должно было состояться шумное собрание с шампанским по поводу встречи Нового года, как сообщала в приглашении Фло.

Вы с Эрмой должны были остаться на весь день.

Все напились; в ту ночь Эрма легла спать с тобой, и как же тебе хотелось спать! В тот единственный раз она поняла" что лучше воздержаться от своей улыбки. В конце концов, когда ты голоден... хорошо быть циником после плотного обеда...

На следующий после Нового года день ты вернулся в город слишком поздно и не ходил на работу. Назавтра днем раздался телефонный звонок, и ты услышал:

- Здесь миссис Льюис.

Ты сразу смешался и сказал:

- Кажется, я просил ей ответить, что меня нет.

- Нет, мистер Сидни, она не на телефоне, она здесь, в приемной.

- А! Что ж, скажите ей, что меня не будет весь день.

- Да, сэр.

Так. Значит, она сидит в приемной, всего в нескольких футах от тебя... Сидит там... Ну, через минуту она уйдет...

Ты заставил себя внимательно прислушаться к Лаусону и двум бухгалтерам, которые явились обсудить, как перевести на резервный счет возмещение уплаты налогов. Ты слушал Лаусона, стараясь вникнуть в существо вопроса, зная, что он высокого мнения о твоей компетенции. "Какого черта, - думал ты, - это же чисто технический вопрос, почему они лезут с ним ко мне?" Один из бухгалтеров, Перри, невысокий смуглый тип с крупными ушами, все время постукивал ботинком по твоему столу, когда перекрещивал ноги, и это невыносимо раздражало тебя.

Снова зазвонил телефон; теперь на другом конце провода была мисс Мэллоу, которая говорила из своей комнатки, расположенной за твоим кабинетом:

- Эта женщина, миссис Льюис, видела, как вы поднимались на лифте, и знает, что вы здесь и что она будет ждать, пока вы ее примете.

- Да. Спасибо. Хорошо.

- И если мы сделаем три и восемь десятых по всему заводу, это принесет чистыми... - продолжал Лаусон, читая по бумаге, которую ему передал один из бухгалтеров.

На завтрашнем собрании правления тебе необходимо было высказать мнение по этому вопросу; ты прикрыл глаза и нахмурился: почему он говорит так быстро, что невозможно уследить за ходом его рассуждений?

Ваше совещание тянулось еще целый час. Когда наконец они собрали свои бумаги и ушли восвояси, ты нажал кнопку вызова, и в кабинете немедленно возникла мисс Мэллоу.

- Я хочу попросить вас об одной услуге, - сказал ты. - Вы не могли бы заглянуть в приемную и сказать миссис Льюис, что я не приму ее ни сейчас, ни в какой-либо другой раз, и проводить ее до лифта?

- А если она не уйдет?

- Уйдет. Только не устраивайте сцену. Просто скажите ей это.

- Да, сэр.

Деловитая и подтянутая, с невозмутимым выражением умных карих глаз, она вышла. Хорошая девушка.

Почти сразу же дверь опять открылась, и она возникла на пороге. "Миллисент уже ушла", - мелькнуло у тебя в голове.

- Она разговаривает с мистером Карром, - сказала мисс Мэллоу, - так что я решила подождать.

- Что?! С мистером Карром?

- Да, сэр. Они сидят на диване и беседуют.

- А, грязная шлюха! Прошу прощения, мисс Мэллоу.

- Да, сэр. - Мисс Мэллоу сдержанно улыбнулась.

Ты подошел к окну, затем к столу и уселся, но тут же снова встал и опять вернулся к окну. Наконец ты повернулся к ней:

- Пожалуйста, скажите мисс Дитрих, чтобы она направила миссис Льюис ко мне, как только она закончит разговор с мистером Карром.

- Да, сэр.

Мисс Мэллоу исчезла в своей комнате.

Жалкий осел, взбешенно сказал ты себе, ты должен был знать, что может произойти нечто в этом духе. Хорошенькое дело теперь завертится. Что она могла ему сказать? Ты представлял себе, как она скрипучим тонким голосом методично выбалтывает все подряд, якобы не соображая, что делает: "Мистер Сидни был очень любезен по отношению ко мне". Наверное, Дик беззлобно засмеялся: "Да, он человек порядочный". Правда, это было лучше, чем если бы она появилась у тебя дома и увиделась с Эрмой. Но она сможет сделать и это, она способна на все. Ты прикажешь арестовать ее, достанешь постановление суда или что там требуется, может, дашь ей кучу денег, чтобы она убиралась в Россию, Африку, куда угодно.

Минуты утекали одна за другой. Не собираются же они болтать весь день? Ты спросил по телефону у мисс Мэллоу, передала ли она твою просьбу мисс Дитрих. Да, сразу же. В этот момент дверь открылась, и на пороге появилась Миллисент, из коридора протянулась рука служащего в форме и аккуратно притворила за ней дверь.

Она сразу же направилась к столу, за которым ты сидел.

- Ты слишком долго заставил меня ждать, - сказала она.

Какое-то время ты безмолвно и беспомощно смотрел на нее. У тебя появилось ощущение, что ты никогда по-настоящему ее не видел. Она была так явно неуязвима - не как неподвижный камень, скорее как неделимый атом, для которого еще не найден растворитель. Затем внезапно у тебя стянуло виски, и ты спросил с холодной яростью:

- Что ты сказала Дику?

- Я ему ничего не говорила, - ответила она.

- Ты разговаривала с ним почти целый час.

- Да нет, не думаю. Всего несколько минут. Я сидела в приемной, а он проходил мимо и взглянул в мою сторону. Тогда я остановила его и сказала: "Простите, но вы, случайно, не Мул?" Он сразу меня узнал.

Значит, это был случай, редкое везение. Он проходит через приемную не чаще одного-двух раз в день. Или она лжет? Это можно будет выяснить.

- Тогда он сел рядом, и мы с ним потолковали о старых временах. Мне кажется, он несколько не изменился. Он очень красивый.

- А как ты ему объяснила, почему здесь оказалась?

Она усмехнулась:

- Я сказала ему, что у меня затруднения, что я случайно встретила тебя и надеюсь, что ты мне поможешь.

Зазвонил телефон. Это был Лаусон: у них готовы отчеты, он может принести их? Ты сказал, что перезвонишь ему. Снова обернулся к ней и упорно посмотрел в ее немигающие глаза; их выражение неуловимо изменилось, и ты невольно опустил взгляд.

- Слушай, Мил, - сказал ты, - у меня нет времени, я занят. Держись отсюда подальше и оставь меня в покое. Все кончено. Я устал. Если тебе нужны деньги, разумеется в пределах разумного, ты их получишь.

- Не нужны мне никакие деньги.

- Тогда скажи бога ради, что тебе надо?

- Нет, конечно, немного денег мне пригодилось бы, нужно же на что-то жить. - Она помолчала.
- Нам нужно поговорить на эту тему.

- А как же твои алименты?

- Он перестал их выплачивать.

- Сколько тебе нужно?

- Нам нужно поговорить, - повторила она. - Ты можешь прийти сегодня вечером?

- Нет, ни сегодня, ни когда-либо еще.

Она приподняла и опустила плечи; глубоко в ее глазах ты увидел мгновенный всплеск, как точку белого пламени за занавесом серо-голубого дыма.

- Лучше приходи, - спокойно сказала она. - Ты можешь прийти... Ты знаешь, что придешь. - И она добавила тоном, в котором слышалась полная уверенность, которая тебя ошеломила:

- Какой смысл этому противиться?

Опять затрезвонил телефон; мистер Эпуотер из "Нешнл сити" ожидает назначенной встречи.

Что же она на самом деле сказала Дику, спрашивал ты себя. Если ты пойдешь к ней - тогда ты от этого никогда не избавишься. Если не пойдешь - что она сделает? Должен быть какой-то способ справиться с ней. Ты не мог думать, когда Миллисент сидела и смотрела на тебя... И этот проклятый телефон...

- Приеду после обеда, - сказал ты. - Около девяти.

Ты открыл для нее дверь, и, стоя на пороге, эта женщина окинула взглядом твой кабинет и сказала:

- А у тебя очень приятный офис.

Ты уселся за стол, чтобы все обдумать, пытаясь во всем разобраться и честно решить, как поступить. Затем мисс Дитрих позвонила напомнить тебе об Эпуотере, и ты пригласил его зайти. Ты хотел под каким-нибудь предлогом зайти к Дику, чтобы услышать, что он скажет, но к тому моменту, как ты закончил с Эпуотером, а потом принял еще двух посетителей и Лаусона с отчетами, Дик уже ушел. Вспомнив, что дома к обеду соберется обычная толпа гостей, и ненавидя эту атмосферу бессмысленного веселья, ты позвонил Эрме и предупредил ее, что не будешь обедать дома, испытав при этом злорадное удовлетворение: теперь ей придется всего за два часа до назначенного времени подыскивать тебе замену.

Пусть хоть иногда удивится, это пойдет ей на пользу. Но оказалось, что тебе не хотелось есть в одиночестве. Ты позвонил Джейн, но они уже обедали где-то в ресторане. Наконец ты потащился в клуб Шварца.

Ты обещал Миллисент быть у нее около девяти; без четверти девять ты отпустил такси и стал подниматься по лестнице. У тебя не было никакого плана; ты барахтался в желе нерешительности.

В такси ты твердил себе, что это конец, но с таким же успехом мог повторять алфавит или таблицу умножения. Однако, поднимаясь по лестнице, опять повторял: это будет в последний раз.

Она сидела в голубом кресле под торшером, а на коленях у нее была небольшая картонная коробка, наполненная маленькими блестящими металлическими предметами. Ты в первый раз видел ее в ярком пурпурном дешевом халате, с оторочкой из перьев страуса на вороте и обшлагах. Полы халата, распахиваясь, обнаруживали сморщенные розовые чулки и темно-коричневые шлепанцы. Привыкнув к ее дурному вкусу, ты нашел этот наряд расчетливым и смешным. Неужели она намеревалась поразить и соблазнить тебя? Это было действительно смешно, но ты даже про себя не улыбнулся. Даже не открыв стеной шкафа, как делал обычно, ты положил шляпу и пальто на стул.

- Грейс дала мне коробку с головоломкой, - сказала она, - а у меня ничего не получается. Смотри.

Ты стоял напротив нее, закуривая сигарету:

- Я пришел сюда не играть с головоломкой.

- Все равно она идиотская. - Она опустила крышку и поставила коробку на стол. - Только меня злит, что у меня ничего не выходит. Грейс здорово с ними расправляется. Ты не сядешь?

Ты подтащил стул к дальнему концу стола и уселся. Ты пожалел, что пришел, нужно было сделать все, что угодно, только не приходить. Говорить с ней было бесполезно - всегда казалось, что она или не понимает значения слов, или уже знает все, что ты хочешь сказать, и даже больше.

Эти противоречивые ощущения были до такой степени смешаны, что их невозможно было разделить. Ты молча посмотрел на нее, затем спокойно сказал:

- Почему бы тебе не оставить меня в покое, Мил?

Она встретила твой взгляд молчанием, и ты продолжал:

- То, что ты принимала здесь мужчину, глупо и неприлично, но дело не только в этом. Я все равно собирался уйти. На самом деле мы никогда друг друга не любили.

Полагаю, у тебя на поводке десяток мужчин. Я ничего не имею против, это не мое дело, только хочу сказать, что я тебе тоже не нужен. Мы совершенно разные, нам неуютно и нерадостно вместе, нас ничего не связывает, кроме постели, которая тоже не принесла нам ничего хорошего, это все неестественно. Почему ты не хочешь оставить меня в покое? Если тебе нужны деньги, почему бы тебе так и не сказать, и я... то есть мы можем это обсудить. Думаю, что было бы достаточно оставить тебе все, что здесь есть, и эти пятьсот долларов.

После длительной паузы вот все, что она сказала:

- Мне не нужны деньги.

- В офисе ты сказала, что они тебе нужны. Ты сказала, что тебе нужно на что-то жить.

- Ну, я только хотела запугать тебя. Мне не нужна вся эта мебель и все остальное. Разумеется, я рада, что ты так богат, потому что это делает все намного приятнее.

Ты снова беспомощно воскликнул:

- Тогда чего же ты хочешь?

Она усмехнулась:

Ты такой смешной, Уилл. В первый раз кто-то здесь ночевал, но он сказал, что сегодня Рождество и ему не хочется идти домой, а Грейс уехала к своей тетке в Джерси. Но все равно он так себе. Это был мистер Мартин - помнишь, он продает страховки, я как-то говорила тебе о нем.

- Мне все равно, кто он такой. Он меня не интересует. Я сказал тебе, что это не имеет значения. Не сомневаюсь, что ты лжешь, когда говоришь, что это было в первый раз, - но и это не важно. Ты не ответила на мой вопрос: чего ты хочешь?

Она сразу сказала каким-то совершенно другим тоном:

- Я хочу своего старшего брата.

Вздвогнув, ты в полном недоумении уставился на нее, затем внезапно вспомнил, как она сказала тебе давным-давно, в твоей комнате в колледже: "Мы не целуемся и не говорим друг другу, что любим, мы просто как брат и сестра, за исключением тех случаев, когда развлекаемся. Ты мой старший брат". В то время инфантильная наивность этого заявления вызвала твое раздражение, но ты давно об этом забыл. Очевидно, для нее это было больше чем временная мечта...

- Я не лгу, это правда в первый раз, - говорила она. - Я сразу его выгнала, как только ты ушел. Я сказала ему...

- Господи, да мне наплевать, пусть он никогда бы не уходил! - закричал ты. - Забудь про него! - Ты замолчал, затем хотел насмешливо сказать: "Значит, ты в меня влюблена", но слова не шли у тебя с языка, они казались слишком нелепыми и неуместными. Вместо этого ты сказал:

- Значит, я тебе нужен.

Она кивнула:

- А я нужна тебе.

Она сказала это без какого-либо вызова или требования: она просто спокойно констатировала факт.

- Черта с два! - заорал ты и сразу замолчал.

"Я должен держать себя в руках, я становлюсь мальчишкой", - подумал ты. Ты хотел рассмеяться ей в лицо, злорадно и презрительно. Ты нагнулся к ней и, пристально глядя ей в глаза, проговорил более сдержанным тоном:

- Слушай, Мил, будем откровенны. Я больше не могу тебя выносить. Ты невежественна, глупа и ограничена. Я устал от тебя, устал еще до того, как застал здесь этого типа. Ты сводишь меня с ума. Я дошел до того, что от одного твоего прикосновения у меня по коже бегают мурашки. Говорю тебе, я схожу с ума! Я устал! - Ты пытался сохранять спокойствие, но твой голос постепенно повышался, и в конце ты уже кричал:

- Я устал, слышишь! Я устал!

Ты вскочил на ноги и закончил свой крик, стоя перед ней, наклонившись над ней с пылающим лицом и со стиснутыми кулаками.

Она смотрела на тебя серьезным взглядом, не говоря ни слова, и ты снова закричал, ты кричал, что никогда не хотел ее, что ты жалеешь, что познакомился с ней, что она отвратительная, извращенная, дурная, что она почти уничтожила тебя много лет назад, в колледже, еще до того, как стала достаточно взрослой, чтобы знать, что такое мужчина, и что она хочет закончить свое дело, но ей этого не сделать, потому что ты уже погиб. Ты рычал и орал на нее, нервно бегая по комнате, останавливаясь перед ней, затем снова продолжая бегать, вытирая лицо платком, запихивая его в карман и опять выдергивая.

Наконец, ты остановился в центре комнаты, глядя на нее, весь дрожа от ненависти, и замолчал.

Она все так же молча смотрела тебе в глаза.

- Понимаешь, Мил, - сказал ты дрожащим голосом, - видишь ли... Видишь ли...

Она произнесла все таким же спокойным и невозмутимым голосом:

- Ты наговорил ужасных вещей.

- Ну... Я и чувствую это.

- Это не я такая ужасная.

- Да, это так. Ты права, черт побери. Мы оба отвратительны.

Она покачала головой:

- Ты просто боишься. Мне все равно, что ты скажешь. Я знаю, на самом деле ты не можешь меня оставить, знаю, как ты поступишь, знаю, что ты думаешь. - Глубоко в ее глазах промелькнул огонек и пропал. - Я знаю, что ты чувствуешь, когда мы развлекаемся, но тебе это нравится, и, кроме того, - она усмехнулась, - ты мой старший брат.

Ты не мог говорить от тошноты, отвращения и изнеможения. Тебе хотелось снова кричать на нее, сказать, чтобы она замолчала, заткнулась, чтобы оставила тебя.

Неужели она была права? Неужели ты действительно не мог ее бросить? Может, ты пришел сюда сегодня, зная это? Вон на кресле твои пальто и шляпа, разве ты не можешь надеть их, уйти и больше никогда не возвращаться? Посмотри на нее, господи, ты только посмотри!

Черта с два, я не смогу тебя бросить! - сказал ты и опять стал бестолково кричать на Миллисент, осыпать ее проклятиями и оскорбительными эпитетами, совершенно потеряв голову и сходя с ума от понимания собственной беспомощности. Ты оттолкнул стул ногой, наклонился над ней, лицом к лицу, схватил ее кресло за спинку и начал трясти. Слова были недостаточно сильны, но ты продолжал швыряться ими, этакий безвредный словесный душ, падающий на кучу навоза. Поразительно, что ты не коснулся ее, не ударил, не задушил, когда она сидела, молчаливая и невозмутимая, спокойно и ровно дыша; она не отпрянула, когда ты с угрозой протянул к ней трясущиеся руки, ее словно не задевал этот поток брани и ненависти, который из тебя извергался. В ярости ты брызгал слюной, твое лицо едва не касалось ее, и вдруг ты заметил две блестящие капельки твоей слюны у нее на щеке, около рта, но она не подняла руку, чтобы стереть их; они оставались там, поблескивая, как серебристые пузырьки. Мгновение ты смотрел на них, словно прикованный, затем бросил ей на колени свой носовой платок и сказал:

- Вытри лицо.

Отодвинувшись от нее на шаг, ты не сводил с нее взгляда.

- Тебе не нужно было плевать на меня, - сказала она.

Как будто внезапно ввергнутый посредством гипноза в такую же неподвижность, как и она, ты стоял и смотрел, как она взяла платок, влажный от твоего пота, и стала тереть им щеку - все те же медленные, методические движения рук, вот так же она поела конфеты, которые ты приносил для нее, или расстегивала на тебе одежду...

О

Стоя на второй или третьей ступеньке ниже площадки, он смутно различал очертания холла: впереди в дальнем конце - дверь, ближе - дверь в ванную, а за ней - открытый проход в кухню. Собственно, это был общий холл, но, поскольку он находился на верхнем этаже, больше никто им не пользовался.

Сквозь абажур единственной лампочки на стене лился мягкий желтоватый свет. Застыв на месте, он различал доносившийся из кухни постоянный звук капель из крана с интервалом в две секунды, через окно кухни были слышны завывания бродячего кота во дворе.

Кап... кап... кап...

15

- Я знаю, что не красавица, - сказала она, когда ты разделся и сел рядом с ней на кровать. - Я знаю, что ты считаешь меня такой, о какой говоришь.

- Не говори об этом.

Ты в последний раз затянулся сигаретой, прошел к туалетному столику и загасил ее в пепельнице, потом вернулся к кровати, залез в постель и улегся. Ты уже предупредил Эрму по телефону, что не придешь домой.

Возможно, больше ты никогда туда не вернешься. Ты был слишком утомлен, чтобы думать о дальнейшем.

- Эта пижама - самая теплая из всех твоих пижам, - сказала Миллисент.

Она повернулась к тебе, засунула руку тебе в рукав до локтя и похлопала по руке. Затем начала гладить тебя по шее и по груди, и внезапно ты почувствовал знакомое льнувшее теплое и медленное движение ее руки по твоей ноге.

- За кого ты меня принимаешь? - слабо возразил ты.

- Не важно, просто ради развлечения, - сказала она.

Ты откинулся на подушки и закрыл глаза. Не важно. То, что от тебя еще оставалось, приветствовало ее.

В другой комнате час назад, когда ты еще весь дрожал после перенесенного бесполезного и бесплодного восстания, первое же прикосновение ее руки загло тебя всего, невероятная мгновенная вспышка ощущений заставила содрогаться так сильно, что ты судорожно схватил ее за запястье и какое-то время сдерживал ее.

Сейчас оно казалось мягче и спокойнее, живое, но не болезненное. Тем не менее через несколько секунд ты немного пошевелился, и ее рука последовала твоему движению; ты открыл глаза и увидел, что она наблюдает за твоим лицом, плотно сжав губы, опустив веки, слегка наклонив к тебе голову, и, когда ты вздохнул и закрыл глаза, ты услышал, как она удовлетворенно усмехнулась.

Позже, оказавшись один на кровати в темной и холодной комнате, ты лежал на спине с открытыми глазами, говоря себе, что на этой самой кровати лежал незнакомый мужчина в то утро, чуть больше недели назад. Ты не испытывал негодования по этому поводу, но было невозможно лежать здесь и не думать об этом. Итак, ты способен и на это, пожалуйста, и глазом не моргнул!

Что, мрачно рассуждал ты, что, если эти простыни и наволочку даже не сменили? Ты брезгливо поморщился, но подумал, да, кажется, для тебя все возможно. Ты знал, что среди родственников и знакомых ты слыл очень утонченным - в кружке эмансипированных на словах знакомых Джейн, - даже до смешного брезгливым. Утонченным и даже безупречным. Это позабавило бы их. Все это. Мгновенно твои мысли перенеслись к Миллисент, и ты почувствовал напряжение в мозгу: было ли это окончательным поражением, был ли ты... Ты оттолкнул эту мысль, - довольно, достаточно! Ты заставил себя вернуться к воспоминанию о ее рождественском госте как к сравнительно менее болезненному предмету...

Утром, когда ты уже оделся и собирался уходить, она все еще крепко спала.

Ты не долго пребывал в неизвестности относительно Дика, потому что в тот же самый день после совещания он двинулся в твой кабинет и после окончания обсуждения отчетов вдруг сказал:

- Кстати, что там насчет твоей старой подружки по колледжу? Ты вчера принял ее? Она сказала, что ты заставил ее ждать почти час.

- Да, она мне сказала, что виделась с тобой, - заранее приготовленный к этому разговору, ответил ты.

- Она рассказала тебе эту странную и дурацкую историю о своем муже?

- Ну... да... она была замужем.

- Черта с два! Уверен, она переспала с целым полком мужчин. И ты на это клюнул?

- Конечно. - Тебе удалось усмехнуться. - Я готов клюнуть на все, что угодно.

- Забавно. - Он направился к выходу. - Хотя мне следовало бы быть осторожнее, однажды ты ударил меня за то, что я оскорбил ее невинность. Помнишь? Храбрый Билл. - Он засмеялся, и ты в ответ тоже. Он продолжал:

- Я тогда сказал... что же я сказал?

- Ты сказал, что она пойдет по дурной дорожке.

- Боже мой, ты это запомнил! Я часто думал... Судя по ее виду, так оно и вышло. Странная женщина, чертовски блеклая, и все же в ее глазах есть нечто вызывающее любопытство. Ты бы был поосторожнее, Билл. Чего она хочет?

- Денег, конечно.

- Понятно, но сколько? Будешь давать ей денег, соблюдай осторожность. Хочешь, чтобы при этом я присутствовал?

Нет, сказал ты, в этом нет необходимости, речь идет приблизительно о тысяче долларов, чтобы помочь ей справиться с ее затруднительным положением. Какого черта он задает столько вопросов? Это его не касается. И все же это было естественно, хотя тебе никогда не приходило в голову, что, если бы не Миллисент, ты не был бы сейчас здесь, ты и не услышал бы о "Карр корпорейшн", никогда бы не встретился с Эрмой. Да, твое состояние и положение, твой успех, твое счастливое обладание богатой и красивой женой - всем этим ты был обязан страстному желанию защитить чистоту и невинность маленькой Миллисент. Приятная многообещающая мысль... Для Дика также этот эпизод имел свое значение, хотя и не до такой степени, как для тебя. Естественно, его заинтересовало новое появление этой маленькой шлюхи - так он ее тогда назвал, после стольких лет.

Ты читал душу Дика, как открытую книгу - он наверняка не подозревал в вашей встрече ничего, кроме сочувственного отношения к женщине, попавшей в трудное положение, ради памяти о прежних временах.

Это было почти год назад, да, прошло практически двенадцать месяцев с той ночи, и каждый день вступал в противоречие с другим, так как существует порядок вещей, который невозможно было выносить. "С моей стороны было не очень хорошо принимать здесь мистера Мартина, - сказала Миллисент в ту ночь. - Больше я этого никогда не допущу". Ты был до такой степени измученным и опустошенным, без сил распростершись в кожаном кресле, что даже сила притяжения казалась подавляющей и раздражала. Тебя не настолько интересовал этот мистер, чтобы отвечать ей. Все равно после этого случая ты довольно редко оставался здесь ночевать, иногда уходил домой, даже в два или три часа ночи. Бессознательно, так что сначала ты даже не понимал этого, у тебя изменилось отношение к этой квартире, она больше не была твоим домом, вещи больше не были твоими близкими и приветливыми, они больше тебе не принадлежали. Тогда как раньше ты отстранялся только от нее, только в ней чувствовал отчужденность и угрозу. Теперь все здесь стало чужим, каждый предмет был враждебным. Ты так и не вернул сюда маленькую бронзовую вазу, она по-прежнему стояла в твоей комнате на книжной полке.

Озабоченность ею, скорее, своей нерасторжимой связью все больше и больше занимала твои мысли. В театре посреди пьесы, за бриджем дома, за своим столом на работе ты обнаруживал, что мысли заняты Миллисент, несмотря на все усилия изгнать ее. Ненавидя, негодуя, мучаясь, ты все реже пытался ее понять; тысячу раз ты представлял ее умершей, с неистощимой изобретательностью придумывая подробности ее смерти. Она исчезала; ты читал в газете заметку о найденном трупе утонувшей женщины (в Гудзоне? Да, скорее всего), ты направлялся в морг, она лежала там под простыней с распухшим лицом; или, например, тебе звонили по телефону из полиции, чтобы сказать, что на Амстердам-авеню сбили женщину, в ее кошельке нашли твою визитную карточку с адресом, не мог бы ты приехать и опознать ее. А однажды вечером ты нашел ее в постели заболевшей и вызвал доктора, который сказал, что это сердце и что ей осталось жить всего несколько часов. В твоем присутствии она испускала последнее дыхание. Все эти картины

бесчисленное количество раз проплывали у тебя в голове, пока повторение не делало их бессмысленными, и ты изобретал другие сцены. Сама смерть становилась мерзкой, и ты представлял ее удалившейся, по сотне причин, в отдаленное и недоступное место - в конце концов, хотел, чтобы она умерла только для тебя; но в таких мечтах недоставало окончательности, что тебя не удовлетворяло. Миллисент всегда могла вернуться.

Чаще всего ты представлял себя влюбленным. Обычно это происходило в постели до того, как ты засыпал, особенно в те ночи, когда ты не ходил к ней. Это было во всех отношениях более волнующим и устраивающим тебя. По-настоящему ты никогда не влюблялся, но ближе всего к этому был в своих отношениях с Люси, и сейчас иногда в мечтах ты думал о ней: муж давно умер, следовала неожиданная встреча, и одного взгляда между вами было достаточно - полное взаимное слияние друг с другом, так что вокруг никого не существовало. По ее щекам текут слезы, и ты не можешь говорить от сдавливающих твое горло рыданий, хотя в этом и нет необходимости... Хотя в основном Люси редко входила в твою жизнь и твоя любовь была идеальной. Иногда это была прекрасная искусственная герцогиня, которую ты встретил в "Саль-Плейель" в Париже или в маленькой кофейне на Пиренеях; в другой раз это была невинная веселая девственница, сиявшая радостью девушка, полностью захватившая и ослепившая тебя, наконец она серьезно вздыхала и признавалась, что, несмотря на твой возраст, для нее ты навсегда останешься юным возлюбленным.

Была ли она герцогиней или девственницей, ты всегда воображал ее со светлыми волосами, серыми глазами, с чистой блестящей кожей, прелестной, как сама любовь; и конец всегда был один и тот же. Надумав, что гораздо лучше все рассказать ей, чем писать, ты идешь к Миллисент на Восемьдесят пятую улицу, и, в то время как она сидит в своем кресле и понимает, что ее постиг неизбежный конец, отчего постепенно глаза у нее заплывают слезами и черты лица искажаются, ты спокойно, но бесповоротно прощаешься с ней. Иногда ты приближаешься к ней, иногда нет; иногда ты оставляешь ей крупную сумму денег, иногда нет; но основное сохраняется.

Постепенно эти фантазии стали занимать большую часть твоей жизни. Мечта относительно Джейн редко варьировалась. Они с Виктором попадают в железнодорожную катастрофу, и, хотя он сразу погибает, она отделяется повреждениями, которые делают ее инвалидом на всю жизнь - не совсем инвалидом, но ее красота полностью пропадает, - физические детали виделись тебе смутно. Ты уходишь от Эрмы, устраиваешь дом для Джейн и ее детей и, совершенно безразличный к Миллисент, весь остаток своей жизни посвящаешь выполнению братского долга.

Эта трогательная мелодрама частенько грубо нарушалась твоим чувством юмора - несоответствие мечты и действительности слишком бросалось в глаза, - ты всегда негодовал на Джейн из-за того, что она отвергла твои великодушные планы для нее и для младших сестер, так что обычно ты усмехался себе, еще не достигнув финала грез. Тем не менее время от времени ты к ним возвращался...

Тем временем в офисе из всех твоих обязанностей осталась одна рутина, которой ты предоставлял заниматься Лаусону, день за днем сидел за столом или стоял у окна, вяло пытаясь отвлечься от этих надоевших инфантильных фантазий. Иногда в конце дня, иногда раньше, порой даже до ленча, не выдержав мучений, ты хватал шляпу и уходил домой, к Джейн или в клуб. Ты пытался предпринимать длительные пешие прогулки, но это было еще хуже, чем в офисе; ты чувствовал острее одиночество, которого боялся. Почти так же ты страшился находиться среди людей; все раздражало тебя, требуя, чтобы ты проявлял интерес к вещам, которые представлялись тебе совершенно нелепыми и неинтересными.

Особенно Джейн: никогда она еще не проявляла такой дурацкой активности. Прежде всего шли, конечно, ее дети, но ее напористость и энергия были неистощимы, и она обрушивала их на тебя. Когда ты приходил к ней днем, ты редко заставлял ее одну, чаще там находилась толпа гостей, собравшихся к чаю, или что-то случалось с одним из детей, или тебе приходилось чем-то сразу

заняться. Адлер должен пройти собеседование в Новой школе для социальных исследований, ты не хочешь сходить с ним? Или что ты думаешь по поводу предложения о регистрации иностранцев, не собираешься ли написать по этому поводу сенаторам или конгрессменам?

Однажды, когда тебе все это до черта надоело и ты раздраженно возразил, уже не в первый раз, она подошла к тебе, положила руки тебе на плечи и сказала:

- Уилл, дорогой, что с тобой?

- Что ты имеешь в виду? Ничего такого, насколько я знаю, - заявил ты.

- Нет, что-то происходит, - спокойно возразила она. - Тебя что-то тревожит. Думаю, если бы это было что-нибудь, то есть из моих проблем, ты бы сказал мне об этом, но что бы тебя ни огорчало, это касается и меня. Раньше мы всегда рассказывали все друг другу. Это касается Эрмы?

- Боже мой, нет! - И ты поспешно добавил:

- Да ничего, все в порядке.

- Ты не хочешь говорить, - помолчав, сказала она и продолжала стоять рядом с тобой, похлопывая по плечу.

Ты не ответил, у тебя не было желания отвечать ей.

Чем говорить ей, ты скорее рассказал бы Дику, Шварцу или даже Эрме! Но только не ей!

Эрма была слишком поглощена собой, чтобы замечать тебя. Она находилась в одном из своих трудных периодов. Он еще продолжается. Сколько же он продолжается?

В последний год в этом отношении вы соответствовали друг другу. Осознав этот физиологический феномен, ты занялся арифметикой и с недоверием установил, что ей было сорок три года, на два года больше, чем тебе. Она выглядела не старше тридцати. У нее была свежая и здоровая кожа, ее язычок не стал ворочаться медленнее.

Когда она внезапно решила поехать во Флориду, в прошлом январе, ты испытал огромное облегчение, но вскоре понял, что самая главная проблема заключалась в том, чтобы убивать свободное время, и ты с нетерпением желал ее скорейшего возвращения.

Ты переехал в клуб и время от времени продолжал ночевать на Восемьдесят пятой. Иногда ты ходил туда раз в неделю, иногда каждый вечер. Ты появлялся, обязательно заранее предупредив ее по телефону, и каждый раз, когда звонил ей, испытывал ощущение нереальности, ощущение, что ты делаешь что-то слишком не правдоподобное, чтобы этому верить. Поглощенный своими мучениями, ты ни разу не смог себе объяснить, почему это делаешь. Сидя за столом, ты тянулся рукой к телефону (потому что прекратил свою беготню к табачному магазину и обратно), ты отталкивал его и вопрошал себя: почему? Иногда ты с усмешкой отмахивался от вопроса и принимал решение: ладно, не пойду, и не шел, но это оттягивало твой приход лишь на сутки. Какую твою потребность она удовлетворяла, которую ты не мог бы удовлетворить где-то еще? Как может существовать между вами хоть какая-то связь; и если этой связи нет, если она существует только в твоём воображении, неужели ты не можешь взять себя в руки и разорвать ее? Некрасивая, вульгарная, ограниченная - как ты можешь так хорошо понимать это и вместе с тем оставаться к этому слепым?

Иногда ты говорил себе, что такое бывает, что это судьба. Многие люди связаны друг с другом такой глубоко скрытой связью, что им представляется глупым объяснить ее, и вместе с тем такой сильной, что ее невозможно разорвать. Ладно, если с тобой произошло именно такое, это не твоя вина. Почему бы тебе не примириться с этим и не положить конец своим размышлениям? В течение десяти лет ты жаловался на скуку жизни, что тебя ничего не интересует, но сейчас ты испытываешь к жизни сильнейший интерес, верно? Чего ты стыдился? Она некрасива, вульгарна, недоразвита, безграмотна... Ба, опять одни слова!

Она насквозь лжива и вероломна. А может, она не была бы такой, если бы ты принимал ее такой, какая она есть, - кто бы не стал такой при том, как ты поступаешь? Она порочная - что ты

под этим подразумеваешь? Нет, черт побери, пожалуйста, не криви физиономию, не убегай от вопроса, как последний трус, а отвечай - что ты имеешь в виду под порочностью? Извращенка... И снова лишь слова! Тогда Эрма тоже извращенка? И миссис Дэвис, особенно миссис Дэвис. И все живые, судя по тому, что ты слышал. Дик... Кажется, единственный раз ты слышал, как об этом говорил Дик, так вот он не стеснялся высказываться на этот счет. И что тогда сказал дирижер оркестра, когда во время войны его судили, - конечно, это дело другое, он европеец... Значит, ты пытаешься опять ускользнуть от ответа - нет, не пытаешься, Ах, не пытаешься - так что ты имеешь в виду под словом "порочная"? Ты не имеешь в виду "извращенная", это глупо. А что же?

Порочность не видна, она ощущается. Она непреодолима, передается, как заразная болезнь. Упаси нас от греха.

Это, конечно, зависит от того, что ты понимаешь под грехом. Она непристойна. Ты всегда принимаешь душ...

Дозволять грех. Вот оно! Она порочна, и ты получаешь от этого удовольствие. Нет. Ты испытываешь отвращение, тошноту, ненависть. Горькую и жгучую ненависть. Но ты берег воспоминание о ней в течение двадцати лет. Она успела было стать призраком, а потом снова вернулась. Ты ненавидел ее призрак? Ты ненавидел себя. На это нет ответа. Ты ненормальный. Иди и позвони ей, ты можешь это спокойно сделать. Скажи ей, что сегодня ненавидишь себя больше обычного, поэтому пойдешь к ней и поведешь ее на шоу...

Иногда ты заходил к ней сразу после работы и вел ее обедать, но чаще всего перед этим в одиночестве обедал в клубе. Но из-за ее ненасытной страсти к театру вечерами тебе оставалось только сидеть и читать, пока не наступала весна и вы могли отправиться за город, потому что в мире не существовало предмета, о котором она могла бы рассуждать. Ты пытался разговорить ее тысячи раз - она просто не разговаривала. Говорила ли она с кем-нибудь вообще, например с Грейс? Нет, если ты заходил к ней и заставлял там Грейс, ты приглашал ее пойти с вами на обед, и за все время еды Миллисент едва произносила двадцать слов. Раза два, когда Грейс возвращалась вместе с вами после обеда и ты удалялся в свое кресло с книгой, ты слышал их голоса в течение часа, который они проводили в спальне, - высокий голос Грейс, ее приятную и бесконечную болтовню ни о чем и через длинные интервалы серьезный тонкий голос Миллисент: "Это должно быть очень мило".

Казалось, она боялась слов. Если бы она могла, даже не отвечала бы на вопросы. Как в тот день, когда ты спросил ее про Дика. Это было весной, приблизительно в середине мая. Эрма вернулась из Флориды и говорила о поездке на лето в Шотландию, она хотела, чтобы ты поехал вместе с ней. Вы с ней обедали с Фултоном и его четвертой женой у них на крыше, и, соблаздившись свежим весенним воздухом, она предложила пройти пешком и отправила Дорста ждать вас на Пятьдесят девятой.

Когда вы переходили авеню у Пятьдесят седьмой, движение застало вас в центре мостовой, и ты стоял у самой кромки медленно движущегося потока автомобилей, небрежно скользя по ним глазами, как вдруг твой взгляд замер, увидев всего в десяти футах сидящих в такси Миллисент и Дика. Они смотрели в другую сторону и не видели тебя, Эрма тоже их не заметила.

- Долго нам еще идти? - сказала Эрма. - Я ужасно устала. К черту эту физкультуру. Поедем в Шотландию и будем разезжать там на пони - мы слишком старые, чтобы ходить пешком.

Ты не испытал никакого особого волнения, только любопытство. Было непостижимо, чтобы Дик - и ведь он был женат на Мэри Элейр Керью Беллоуз! Он и раньше проделывал подобные номера; когда дело доходило до женщин, он проявлял широту взглядов и фатализм.

Это было здорово! О, это было восхитительно! Вот тебе и невзрачная потаскушка!

На следующий день была суббота, и Дик не приходил.

Вечером ты рано поехал на Восемьдесят пятую, еще до обеда, и после того, как просмотрел вечернюю газету, воспользовался случаем и небрежно сказал, глядя на нее:

- Ты виделась с Диком в офисе?

У нее ничего не дрогнуло в лице.

- Дик? Ты имеешь в виду мистера Карра?

- Нет, я говорю о Моби Дике. Я имею в виду Дика Уиттингтона, трижды бывшего мэром Лондона.

Она спокойно смотрела на тебя и молчала.

- Да, я имею в виду Дика Карра. Ты его видела?

- А как же, помнишь, мы видели его в театре, в тот вечер?

- Нет, это было не со мной. Вероятно, ты была с мистером Пефтом, или мистером Рокфеллером, или мистером Бэрримором.

Она усмехнулась:

- Сейчас я вспомнила, со мной была Грейс. Она решила, что он очень интересный.

- Ну а после этого ты с ним виделась? Хотя какой смысл спрашивать? Мне просто интересно, как ты все это устраиваешь. Вчера вечером я видел тебя с Диком в такси на Пятой авеню.

Она взяла со стола книгу и хотела усесться с ней в кресло, но вместо этого положила ее на место и продолжала стоять. Ее движения были неторопливыми и методичными, но для нее это было безумным возбуждением.

- Полагаю, вы направлялись сюда? - усмехнулся ты, стараясь не волноваться.

Она неподвижно стояла, как делала часто, опустив руки вдоль тела, слегка приподняв голову, неподвижная, как серое облако в безветренный день.

- Жаль, что ты нас увидел, - сказала она. - Я не хотела, чтобы ты знал, пока все не будет закончено.

- В самом деле! - Ты отложил газету и уставился на нее. - В самом деле?!

- Думаю, он даст мне много денег, - продолжала она. - Я виделась с ним всего два раза, и мы не делали ничего такого, что тебе не понравилось бы. Даже если бы я этого захотела, он не стал бы. Он так и сказал. Он давал мне денег много времени назад, когда я знала тебя.

Он просто жалел меня, и он так богат...

- Я думал, тебя не интересуют деньги.

- Я этого не говорила. Я сказала, что не хочу денег от тебя. А от него я возьму все, что можно. Кажется, он собирается дать мне сто тысяч долларов. Он говорит, что тогда я смогу жить на проценты.

- И куда же вы вчера ехали?

- Мы пообедали с ним в ресторане, обсуждая это дело, а потом он отвез меня домой. Сюда он даже не поднимался.

- В каком ресторане вы обедали?

- Да я не обратила внимания. Он привез меня туда на машине.

- Где вы встретились?

- На углу Бродвея и Фултон-стрит.

Она отвернулась и уселась; она закончила объясняться. Ты посмотрел на нее, и очередной вопрос замер у тебя на губах; когда у нее вот так поджимались губы, а ее взгляд резко уходил от твоего, с таким же успехом ты мог допрашивать и березу. Кровь бросилась было тебе в голову, но ты подавил раздражение. Ты встал, засунул руки в карманы и стал расхаживать по комнате.

- Не верю ни единому твоему слову, - сказал ты.

Она не отвечала, она читала, но после долгой паузы, видя, что ты не собираешься снова говорить, она сказала:

- Все это правда. Я не стала бы тебе лгать насчет мистера Карра.

До этого, когда мы случайно упоминали о нем, она всегда называла его Диком.

И больше ты от нее ничего не добился. В ту же ночь, направляясь домой пешком, ты лениво размышлял над поразительным фактом, что, в то время как тебя нисколько не потрясло ее

признание, что Дик делил с тобой ее услуги, тебя невыразимо унижала мысль о его намерении сделать ей роскошный подарок, который сделает ее финансово независимой. Ба, подумал ты, здесь нет никакой опасности, вспомни ее сказку об алиментах ее мужа. Кроме того, при всем своем великодушии и щедрости Дик не был дураком. Следовательно, альтернатива... Ладно, какая разница, Дик или мистер Гоуэн, Дик или мистер Мартин... какая разница... Но под этими размышлениями скрывалось глубокое и сильное возмущение.

Больше она об этом не упоминала. Время от времени ты говорил:

- Когда получишь сто тысяч долларов, дай мне знать, мы закатим кутеж.

Но она ни разу не ответила мне или говорила: "Я их еще не получила", как будто речь шла о вещах, отданных в прачечную. Раз или два ты был близок к тому, чтобы спросить об этом у Дика, но слова застревали у тебя в горле. Если это было правдой, он так бы и сказал - и что тогда? А если это была одна из ее выдумок, это было бы неловко и вызвало бы затруднения. Но ты отчаянно хотел знать...

Ты знал, что Дик был здесь, в квартире? Нет, даже сейчас не знаешь этого наверняка, хотя какое-то время так думал, в тот вечер, когда обнаружил надпись на статуе. Это было в конце июня, как раз перед отъездом Эрмы в Шотландию. Ты приехал сюда до обеда и провел в квартире около двух часов, прежде чем заметил это. Ты подошел к полке взять книгу. На грубой неотполированной поверхности мраморного пьедестала была надпись, сделанная большими черными расплывающимися буквами: "Храбрый Билл". Вероятно, ты выдал свое удивление каким-то возгласом, потому что, обернувшись к Миллисент, увидел, что она смотрит на тебя. Ты был в ярости, все твои подозрения сразу снова всколыхнулись, но ты старался владеть голосом.

- Кто это сделал? - спросил ты, указывая на статую.

- Я, сегодня утром, просто мне пришло это в голову, - ответила она.

- Это ложь. Я хочу знать, кто это сделал?

Без малейшего возмущения в голосе, но произнося слова чуть медленнее и четче, чем обычно, она сказала:

- Нет смысла говорить мне каждый раз, что я лгу, - и снова углубилась в чтение.

Ты подошел к ней:

- Ладно, значит, это сделала ты. Зачем?

Она подняла на тебя взгляд, но ничего не ответила. Ты стоял, глядя на нее, затем снова пошел взглянуть на надпись, неровными буквами изображенную на камне, после чего пожал плечами, направился в ванную и вышел оттуда с полотенцем. Когда ты наклонился над статуей и стал стирать одну за другой буквы, стоя спиной к Миллисент, сзади раздался ее голос, совершенно ровный и спокойный:

- Это одна из девушек, которые живут ниже этажом и учатся живописи, дала мне карандаш. Она сказала, что это художественный карандаш. Наверное, поэтому я и подумала написать это, хотела попробовать его на чем-нибудь.

И все-таки ты думал, что это сделал Дик, у нее не хватило бы на это сообразительности. Неужели это был Дик, неужели он был здесь? Возможно, но так же возможно, что и не был. Об этом не стоило и говорить.

Вчера вечером ты не приходил сюда, он мог сделать это именно вчера. А может, она говорит правду...

С этим тривиальным эпизодом что-то, казалось, разбилось. Ты понимал, что должен что-то делать. Наконец ты был поставлен перед необходимостью что-то делать. Но тебе нечего делать, с горьким отчаянием говорил ты себе, ты ничего не можешь сделать. Ладно, ты должен как-то это сделать. Что угодно, не важно, что именно, но что-то определенное, прошло то время, когда это

можно было обсуждать. Ночь за ночью ты не спал, иногда даже не ложился в постель. Твои фантазии оставили тебя, и мозг пребывал в обнаженном и болезненном состоянии. Однажды глубокой ночью ты прошел пешком от Восемьдесят пятой улицы до Бэттери и стоял там, на самом краю пирса, размышляя, утонешь ли ты, если прыгнешь... Мимо прошли мужчина с женщиной, а потом к тебе подошел полицейский и заговорил с тобой...

Поехать в Шотландию с Эрмой? Упаси боже! Она уехала в более враждебном и нетерпимом состоянии, чем когда-либо прежде, все еще переживая свой трудный период, забрав с собой горничную, сиделку и целую дюжину чемоданов. Тогда почему бы тебе не смириться и не уехать навсегда с Миллисент? Это казалось тебе самым определенным и приемлемым. Это было бы самым разумным, говорил ты себе. Но ты даже не предложил ей этого - перспектива вашей совместной жизни казалась тебе полнейшей капитуляцией и окончательной деградацией. Тогда поезжай в Рим, к Полу, он твой сын, скажи ему об этом. А зачем тебе сын? Чтобы спрятать в его жизни свою. Конечно! Это вскоре обнаружится. Странно, как ты оживленно и разумно рассуждал на эту тему, - удивительно, что ты не сел на корабль и не пустился в погоню за этим фантомом, не попытался отчаянно ухватиться за него.

Ладно, но ты должен что-то сделать...

Ты боялся сказать Миллисент, что собираешься уйти от нее и больше никогда ее не увидишь, боялся увидеть равнодушное недоверие на ее лице. Ты просто сказал ей, что уезжаешь один и не знаешь, когда вернешься, но она должна была заметить, что манера, с которой ты это сказал, была странной. Когда ты коротко сказал Дику, что нуждаешься в перемене обстановки и уезжаешь на неопределенное время, он не выразил удивления, но был очень встревожен; ты даже не написал Джейн, которая отдыхала с детьми на море. Даже если бы тебе хотелось, ты не смог бы ответить определенно на вопросы встревоженного Дика, потому что у тебя не было определенных планов. Однажды вечером в середине июля ты отправился на Пенсильванский вокзал и сел на поезд, отправлявшийся на запад.

Активные приготовления к отъезду взбодрили тебя, упаковка вещей, устройство дел на работе, внушительная пачка чеков в банке - все это создавало впечатление определенности и целеустремленности; но в ту ночь, сидя в купе пульмановского вагона, ты чувствовал себя одиноким и несчастным, заключенным в своем маленьком ящике солидного дорогого поезда и корчился от страданий, как последний идиот. Ты убегал, как трус, но не это тревожило тебя. Куда ты едешь и что намерен делать? Проект с проблеском надежды теперь казался ребяческим, и пустым, и смешным. Тем не менее ты намеревался выполнить его. Завтра утром... Ты приглашал фантазии, но они не шли к тебе или, вымученные насильно, появлялись безжизненными, как марионетки на веревочках. И с отчаявшимся мазохизмом ты оторвался от них и бросился в мрачную реальность. Ты ехал - от ничего к ничему. Убегал - от ничего, потому что неотчетливо и неосознанно ты почувствовал глубочайшее убеждение, что то, от чего ты так слепо пытаешься убежать, навсегда останется с тобой, упорное, цепкое и вечное; это было в твоём сердце, в твоей крови и костях; не имели значения ни мучения, ни жертвы, ни безумные попытки убежать. У тебя не было никакого выхода.

Но выхода из чего? Господи, что же это было? Ты вдруг с силой ударил себя кулаком по колену, с безумной силой, и закричал, перекрывая грохот поезда: "Но это ужасно, ужасно! Это невыносимо! Клянусь, я что-нибудь сделаю!"

А затем сидел в купе, глядя в темное окно, устыженный и испуганный, всерьез размышляя, не сошел ли ты с ума.

Кот снова пронзительно взвыл, и опять в наступившей после этого тишине, стоя в центре холла при слабом освещении, он услышал звук капель воды, стучавших по раковине. Скорее в силу привычки, чем по необходимости (потому что мог определить его на ощупь), он подошел ближе к свету и посмотрел на ключ, чтобы убедиться, что это был тот самый ключ с двумя крупными зубчиками, другой ключ был от парадного. Он быстро взглянул вверх, когда из передней услышал, как она передвигает по ковру стул ближе к столу, чтобы читать. Это хорошо, значит, она будет сидеть.

"Это хорошо, - подумал он, - что ты хочешь этим сказать, какая разница, давай входи..."

16

Входи. Да, она будет сидеть, а ты снимешь пальто и шляпу, и она скажет: "Ты сегодня поздно, не забыл принести конфет?" - ты ничего не ответишь, встанешь и будешь смотреть на нее, а потом скажешь: "Мил, на этот раз я намерен добиться от тебя правды", и ты проведешь там час или два, потом оденешься и уйдешь домой... А может, и не пойдешь...

Приблизительно об этом ты думал, когда садился в тот поезд. Ты не произносил в уме слово "дом", но, пытаясь отыскать смысл, в ослеплении вернулся к этой идее. Сначала казалось, что в этом что-то есть. После бессонной ночи ты вышел из поезда ослепительно жарким июльским днем и взял такси до отеля. Несмотря на огромные перемены со времени твоего детства, все здесь казалось знакомым и приветливым, потому что прошло всего два года с тех пор, как ты приезжал сюда на похороны матери. В гостинице тебя никто не помнил, но после ленча, прогуливаясь по Купер-стрит, тебя узнал один из твоих школьных учителей, с которым ты возобновил знакомство в предыдущий приезд, еще ты встретил старого доктора Калпа, поседевшего и ссутулившегося, он потребовал, чтобы ты остановился и поболтал с ним... Вы вспоминали твоего отца...

Ты увидел свой дом, обветшавший, с облезшей краской, но все тот же. Окно в нише, у которого ты сидел зимой, занимаясь алгеброй, колонны над портиком с прикрепленным дверным молотком, место под кленом, где Джейн принимала своих подружек из школы, ставила летом маленький столик для чая, пренебрегая насмешками соседских мальчишек; окно, у которого ты стоял и смотрел на улицу в тот день, когда умер твой отец...

Агент по недвижимости сообщил тебе, что старый дом Сидни, как он его называл, - и это спустя двадцать лет! - сейчас принадлежал мистеру Мейзенстоду из Первого национального банка и сдавался на месяц человеку, которому принадлежала мясная лавка и у которого было восемь детей. Дом можно было купить задешево. На следующий день ты заключил сделку и тут же расплатился чеком на шесть тысяч двести долларов. Но мясник уплатил арендную плату до конца июля и просил, чтобы ему разрешили прожить здесь еще месяц сверх этого. Твоим планам приходилось подождать. Однако ты отправился к подрядчику и условился о полном обновлении дома, о ремонте, покраске, о новой печи и штукатурке - работы должны были начаться первого сентября. К этому моменту ты стал задаваться вопросом: уж не собираешься ли ты здесь жить? Ты отвечал на него уклончиво. В газете, которая теперь стала выходить ежедневно, появилась статья о невероятных усовершенствованиях, которые мистер Уильям Б. Сидни, известный нью-йоркский капиталист, намерен произвести в своем старом фамильном доме на Купер-стрит, который он недавно приобрел. Ничего не оставалось делать, ты бродил по городу, а его жители, по-видимому, недоумевали, какого черта ты здесь делаешь. Ты предпринимал прогулки за город и ходил ловить рыбу на озеро Хармон...

В середине августа ты поехал поездом в Дейтон, там нанял машину с шофером и велел ему везти тебя на запад по Милвейл-роуд. Дорога была настоящей транспортной артерией; милая деревенская дорога, по которой вы с Люси катили в ее старом родстере и подсказывали на ухабах, теперь исчезла. При езде по этой гладкой, великолепной дороге мили проскакивали так быстро,

что ты достиг фермы задолго до того, как ожидал ее увидеть; вы промчались мимо; на твой крик водитель остановился, развернулся и покатил назад, остановившись прямо перед домом. Здесь почти ничего не изменилось, за исключением появившихся вдали новых конюшен; дом по-прежнему слепил своей белизной среди вечнозеленых растений, а все остальные строения были выкрашены желтой краской. Все то же: позади фруктовый сад и теннисный корт. Ты хотел было выйти, пройтись по лугу и подняться на поросший лесом холм, оттуда спуститься вдоль ручья к озеру, где вы сидели с Люси в тот летний день, но ты подавил это желание. Пока ты сидел в машине, из-за угла конюшни появился всадник на лошади и стал мелкой рысью приближаться по подъездной дорожке. Это был отец Люси, постаревший, показавшийся тебе меньше ростом, но с прежней прямой осанкой. Ты ожидал увидеть его жену, но она не появилась. Когда он проскакал под воротами и в одиночестве стал удаляться по дороге, ты сказал себе, что она умерла. Никакая иная причина не могла разделить этих двоих, даже на время утренней прогулки.

Ты сказал водителю: "Назад в Дейтон". Высунулся из окна и смотрел назад, пока крупная надпись красными буквами по желтой доске "Милвейл сток фарм" не исчезла из виду. В ту ночь ты сидел нерешительный, полностью растерянный в номере гостиницы и тщетно пытался читать. Ты думал об Айдахо, но не хотел видеться с Ларри.

Тебе никого не хотелось видеть. И тем не менее ты должен кого-нибудь видеть, должен двигаться. Ты содрогнулся, вспомнив вечер, проведенный у тетушки Коры неделю назад, когда сидел на ее узком крыльце, ее кресло-качалка раскачивалась взад-вперед, пока она вела нескончаемый разговор своим пронзительным трескучим дискантом о последних часах твоей матери и о неизменном приготовлении на кухне кетчупа из томатов. Нет, возвращаться туда было бессмысленным. Не сейчас, по крайней мере, и не через месяц. С кем там разговаривать? Разве там был кто-нибудь, кому можно было бы что-то сказать?

Утром ты уехал поездом в Кливленд, прибыв туда в середине дня, направился со своим багажом в гостиницу "Огайо" и зарегистрировался. Было жарко и знойно, ни единого спасительного ветерка с озера, некоторое время ты бродил по улицам и наконец оказался перед Клубом охотников за соколами - но ты не зашел в него. Ты постоял там, затем с поникшими плечами ушел восвояси. Вскоре ты вернулся в отель, где десять минут провел у портье, изучая расписание поездов, затем поднялся в номер и собрал чемоданы, которые распаковал всего три часа назад. Присев на кровать, ты заказал разговор с подрядчиком, и тебе сообщили, что все готово к тому, чтобы начать работы по дому точно с первого сентября, в ту же минуту, как выедут мясник и его семейство. Часом позже поезд мчал тебя на восток.

Тебе пришлось сойти в Олбани в пять часов утра и около часа ждать поезда на Бостон, где ты сделал еще одну пересадку, на этот раз на поезд, отправлявшийся на север.

В ожидании очередного поезда ты провел ночь в гостинице в Портленде, и раннее утро застало тебя в дребезжащем местном поезде, двигавшемся в сторону лесов Мейна. Сойдя на станции в Пайнвилле около полудня и следуя указаниям, которые ты записал в офисе двумя месяцами раньше, ты нанял "форд" в небольшом гараже при дороге и минут двадцать трясся по узкой грязной дороге, забираясь в глубь леса. Наконец "форд" остановился перед маленьким коттеджем, располагавшимся в середине поляны; с одного конца громоздилась куча напиленных дров, поднимаясь выше крыши домика; из-за этой кучи появился какой-то человек и стал медленно приближаться к тебе.

Да, сказал он, его зовут Стив, и это его усадьба; да, сказал он, тропинка на Бакит-Лейк сворачивает вправо от дороги, как раз за опушкой этой поляны. Ты не пропустишь поворота; около трех миль налево уходит старая лесная дорога, а на Бакит-Лейк нужно свернуть вправо. Да, конечно, ты можешь оставить у него свои вещи, но он сможет доставить их только послезавтра. Ты достал из чемодана зубную щетку и расческу, передал ему вещи, расплатился с водителем

"форда", прошел по дороге несколько сотен футов до того места, где поворот на тропинку был отмечен упавшим деревом, и углубился в лес.

Первые две-три мили ты довольно уверенно шагал по тропинке, но затем стал сомневаться, в одном месте, когда внезапно тропинка вывела тебя на широкую поляну, которая в дождливый сезон, видимо, была болотом, ты рыскал по лесу около часу, прежде чем снова нашел тропу. Даже в лесу поддеревьями было жарко, пот стекал по твоему лицу и по спине, пока ты шагал, повесив пальто и пиджак на руку, в неуместном здесь и неудобном деловом костюме и в начищенных кожаных туфлях. Ты давно оставил позади дорогу; тропинка казалась бесконечной.

Предполагалось, что она тянется на семь миль, и ты начинал чувствовать беспокойство; ты взглянул на часы; может, ты сбился с пути? Ты зашагал быстрее, через несколько минут за стволами деревьев появился просвет, и ты вдруг оказался на краю зеленой лужайки, которая мягко спускалась вниз к берегу озера - миниатюрному круглому озерку не более трех сотен ярдов в диаметре, окруженному со всех сторон густым зеленым лесом. Невдалеке, справа от тебя, стояла небольшая хижина, и ты чуть ли не бегом кинулся к ней с криком: "Эй! Шварц! Привет!"

Он лежал в траве за хижиной и читал книгу. На твои крики он вскочил и бросился к тебе навстречу с удивленной и радостной улыбкой:

- Билл! Боже, как ты забавно выглядишь! - И он горячо пожал тебе руку. - Все-таки ты приехал!

За эти три недели десятки раз ты готов был все ему рассказать - для этого ты и полез в эту глушь. Тебе казалось, что, рассказав ему, ты испытаешь невероятное облегчение; если произнесешь все это вслух, все детали и случаи, а потом скажешь: "Вот что ты об этом думаешь? Разве это не чепуха?" Может, поэтому ты и не решился это сделать, потому что это было единственным концом, за который ты мог потянуть; если это казалось необъяснимым и нелепым самому тебе, как это будет выглядеть в рассказе, что он может сказать, только то, что ты сходишь с ума? Может, ты ожидал от него чего-то еще. В нем был какой-то свет, которого он никому не показывал - ты просто знал, что он у него есть. У него была какая-то тайна, всегда была; каждое лето он уезжал в эту хижину на два месяца, абсолютно один, - ты был единственным человеком, которого он пригласил сюда.

Когда ты плавал, ловил рыбу, бродил по лесу, читал его книги и лежал на траве, разговаривая с ним, на траве под открытым, усыпанным звездами небом, а над тобой пролетал мягкий шепот деревьев, у тебя было ощущение, что твое здравомыслие оказалось во власти дурного духа и ты ищешь слово, способное изгнать его. Уставший после дневного напряжения, так как Шварц был невероятно активным и ты с трудом поспевал за ним. Он сидел в лодке, вытащенной на берег озера, курил, вокруг спускались сумерки, и после долгого молчания говорил:

- Нет, не думаю, что это важно, но этого, конечно, никто не сможет доказать. Просто потому, что я не могу представить себе организм, который заставляет действовать кто-то, помимо его самого. Разве только стимулы, но это другое дело. Если ты дотронешься до меня раскаленным железом, я отпряну, но железо здесь только внешнее; пружина моего действия находится внутри - это желание отстраниться от того, что может причинить боль. Все моральные и этические нормы не что иное, как то же раскаленное железо - Христос и Магомет, Кант и Кальвин, и Энтони Комсток - все они, собственно, одинаковы - невротические кузнецы, которые бросают железо в пламя, раздувают кузнечные меха, затем выдергивают нас и куют.

Ха! По меньшей мере, только некоторые понимают, почему мы отпрыгиваем, - но остальные только скрываются за дерево и строят им рожи...

Это была его любимая тема. Ты молча сидел, курил, лениво прислушиваясь к его болтовне, размышляя, почти спокойный... Горячее железо... Слова... Чушь!

Его отпуск подходил к концу, на День труда Шварцу нужно было уезжать. Ты проводил его по тропинке до Уилсона. Довольный и обрадованный твоим решением остаться, он договорился со Стивом, что он будет снабжать тебя продуктами, а также чтобы он приготовил хижину и лодку на

зимовку, когда ты соберешься уезжать. Днем за ним пришел "форд", ты стоял и махал ему вслед, пока он не скрылся из виду, а потом один зашагал по тропе назад.

Ты вынес одиночество всего две недели. После первого же дня и ночи ты стал бояться, во всяком случае, тебе стало крайне неудобно. Все, что в его присутствии было таким приветливым и мирным, - лес, тихое крошечное озеро, обволакивающая тишина, время от времени нарушаемая только пением птиц, шорох невидимой белки или мускусной крысы, - все стало невероятно враждебным и угрожающим. Ты не хотел выходить на озеро в лодке, озеро казалось бездонным, запретным и ужасающим; а что касается леса, то однажды, когда ты направился к вершине холма, куда часто хаживал с Шварцем, ты повернул на полдороги, какой-то момент стоял, затаив дыхание, в самой чаще леса, а затем стремительно побежал назад по своим следам, чтобы поскорее увидеть сквозь редующий лес поляну с хижинкой и озеро. Хуже всего было по ночам: ты не мог заснуть и, лежа с открытыми глазами в темноте, глазел на квадрат окна, прислушиваясь к тишине...

Как-то, сидя в сгущающихся сумерках у самой воды, ты обнаружил, что раздумываешь о том, что произойдет, если ты выплывешь в лодке на середину озера и спрыгнешь в воду. Естественно, если ты не поплывешь, то утонешь; но сможешь ли ты удержаться от того, чтобы не плыть? Лодка будет находиться от тебя всего в нескольких футах. Сможешь ли ты устоять против желания ухватиться за ее борт?

Даже если тебе удастся захватить лодку и она затонет, до берега всего миля с небольшим. Сможешь ли ты держать неподвижными руки и ноги и уйти на дно? А что, если набить карманы камнями или привязать их в сумке к шее?

Это было бы ужасно, ты не смог бы этого сделать. Открыть глаза и увидеть хижину, лес и небо... Ты наклонился и пошлепал рукой по воде, вздрагивая, затем встал, вернулся в хижину и постелил себе постель, взяв еще одно одеяло, потому что ночи стали заметно холоднее.

Утром, сразу после завтрака, ты направился по тропинке к Уилсону. Он не мог прийти за твоим багажом в тот день, а для того, чтобы вызвать "форд", ему нужно было проехать шесть миль до ближайшего телефона. Ты был вынужден остаться в его коттедже до следующего дня, когда около полудня появился "форд" и доставил тебя в Пайнвилль. Стив встал на заре, чтобы привезти твои вещи. В Портленде ты сделал пересадку на Бостон и прибыл туда поздно вечером. Ты провел ночь в отеле, намереваясь доехать до Олбани на следующий день, а оттуда до Огайо, но, когда настало утро, ты решил, что лучше поехать в Нью-Йорк, и взял билет на скорый поезд.

По мере того как на южном берегу увеличивались в размере "Мерчантс лимитед", ты сообразил, что уже прошла середина сентября и что работы по ремонту дома, возможно, уже закончены - тебе сказали, что это займет всего две недели. Собственно, ты уже знал, хотя и не признавал, что больше никогда не вернешься в однажды оставленную тобой шелуху кокона. Как всегда, ты ничего не собирался делать. Значит, ты хотел остаться в Нью-Йорке? Нет. То есть - нет. Джейн и дети уже вернулись с моря; нет, занятия в их школе начинаются только ближе к октябрю.

Эрма, вероятно, еще в Европе, она не писала тебе по меньшей мере месяц. Дик... О, но какое это имеет значение?

На Гранд-Сентрал ты погрузил багаж в такси и назвал водителю адрес на Восемьдесят пятой улице. Улицы были забиты машинами, ты едва двинулся, и тобой все больше овладевало нетерпение; и ты понимал, что напряжение становится все сильнее, доходя до точки взрыва, с трудом принудил себя сохранять спокойствие: застанешь ли ты ее дома? Будет ли она одна? Лучше было позвонить ей из Бостона. Но в Бостоне ты собирался двинуться в Огайо... Господи, что же водитель не может объехать этот проклятый лимузин, который занял собой всю дорогу?!

Она была дома. Одна. Водитель такси отказался помочь тебе из-за замечания, которое ты ему сделал по поводу его мастерства, и ты запыхался, поднимая два тяжелых чемодана по лестнице.

Было не по сезону жарко. Руки у тебя дрожали, когда ты вставлял ключ. Она сидела в пурпурном кресле в одном халате, пришивала пуговицы и пила лимонад; оба окна были раскрыты настежь.

- Привет, - сказала она, - мог бы послать телеграмму, а то я могла уйти.

Поставив чемоданы в спальню, ты уселся и вытер пот со лба, а она принесла стакан лимонада и сказала, что тебе нужно принять душ. Еще она сказала, что совсем не выходила и что было очень тихо; Грейс уехала в Атлантик-Сити, но скоро вернется; появилась новая комедия, очень милая, она смотрела ее три раза. Ты сидел, слушал ее, смотрел на нее и думал, что просто невозможно, чтобы такое создание существовало... После того как ты вышел из ванной, она присоединилась к тебе в спальне... Потом ты поехал обедать.

Это было два месяца назад, день в день. К следующему утру ничего не изменилось; вместо того чтобы отсутствовать две недели, ты мог уйти всего на ночь. В первые два-три дня все казалось внове, но вскоре ощущение новизны исчезло. Шварц за своим столом - что ж, в этом не было ничего нового и волнующего. Нигде ничего нового. До середины октября ты оставался в клубе, но почти все ночи проводил у нее; затем возвратилась Эрма, и снова все пошло по кругу, в который уже раз. Обеды, бридж, собрания правления, Лаусон бегают по офису с этим всезнающим блеском в глазах - возможно, он этого вовсе не сознает...

И тем не менее перемена была. Ты не мог бы определить ее словами и не понимал ее смысла, только испытывал смутное ощущение завершения судьбы. Ушла надежда, а с ней и ирония. "Вот я пришел со своей сиятельной принцессой", - бывало, говорил ты себе, открыв дверь и пропуская вперед Миллисент в маленький ресторанчик на Бродвее, где вы обычно обедали. Это прошло - мрачная, но внезапная искра юмора была заменена чем-то, может, и не таким мрачным, но бесконечно более глубоким. Эта шутка была слишком старой. Однажды ты попытался сам себя уговорить на ироническое восприятие каприза судьбы; теперь смирение само тупо овладело тобой, но спасительная ирония исчезла. Только четыре вечера назад, в том же ресторане ты сидел и наблюдал, как она методично ломает хлеб на крошечные кусочки и бросает их в суп. И когда она сказала: "Я думаю, хлеб очень вкусен в супе", в тебе ничто не улыбнулось, не дернулось, вообще никакой реакции; это часто повторяющееся заявление, как и все остальное, казалось, потеряло даже банальность.

Еще одна зима; через месяц снова наступит Рождество. Тебе стоит купить ей еще одну шубку и подарить утром в Рождество. Эрма говорит, что ты чертовски плохо выглядишь и что у тебя нрав как у верблюда, на котором она в тот раз каталась в Хардае. Она говорит, что тебе нужно на год уехать за границу. Почему бы и нет?

Дик тоже два-три раза заговаривал об этом, хотя, кажется, его это смущает, то есть ты впервые видел его таким.

Уж не пытается ли он убрать тебя? Вряд ли, это не в его стиле. Тебе стоит прямо спросить его об этом, тогда ты будешь знать. Ты мог бы спросить его сегодня утром, когда он зашел к тебе в кабинет, казалось сам не зная зачем. Он сказал что-то насчет здравомыслия Джейн, но это тебе ни о чем не говорит.

Даже если они не знают, даже если она сказала тебе тогда всю правду, какое им до этого дело? Джейн с ее вечно важным видом человека, который видит вещи, которые ты не можешь увидеть! О, она знает, что для тебя хорошо! Конечно, она знает все, так же как и тридцать лет назад - даже больше, - когда ты упал и пытался не плакать и у нее было такое выражение на лице.

О, оно было достаточно добрым. Как она была добра, как добра и понятлива, тогда как твоя мать стояла рядом с идиотской, бессмысленной улыбкой...

Если не у Дика, почему бы тебе не спросить у Джейн?

Неужели это так важно? Но тебе нужно знать, знают ли они. Ты не собираешься и дальше, как жалкий идиот, терпеть, чтобы они обсуждали все это за твоей спиной, пытаешься решить, что им с тобой делать...

Что она в точности сказала? Она сказала, что виделась с Джейн? Да. Позапрошлым вечером, а кажется, год назад. Ты пришел после обеда, очень рано, а она еще не вернулась домой. Ты вспомнил, что не сказал Шварцу о машине, достал из шкафа телефонный справочник, чтобы найти его номер, затем сидел за столом, ожидая, когда он ответит по телефону, а справочник лежал перед тобой, и ты безразлично скользил взглядом по его обложке, беспорядочно исчерканной карандашом - это была привычка Миллисент, которая когда-то забавляла тебя; и вдруг ты увидел среди множества номеров один номер, который приковал твой взгляд: Челси 4-3-4-3. Ты бросил трубку, схватил справочник и внимательнее пригляделся к ее каракулям; безусловно, это не ты написал здесь этот номер, но никакой ошибки: Челси 4-3-4-3.

Это было за полчаса до того, как она стала отпирать дверь. Ты подождал, пока она снимет пальто и шляпу, затем протянул к ней справочник, указал на записанный телефон и спросил:

- Это ты записала его здесь?

Она взглянула и ничего не ответила.

- Послушай, - сказал ты, - если ты способна хоть однажды сказать правду, сделай это сейчас.

Это ты записала?

Она кивнула:

- Да, сейчас я вспомнила, я записала его однажды, когда...

- Зачем?

- Ну, иногда я нахожу номер, а потом забываю его, поэтому я записала его...

- Чей это номер?

Она не стала снова смотреть на номер, она упорно глядела на тебя и наконец сказала:

- Я не помню.

В течение получаса, пока ты ее ждал, ты клялся, что выколотишь из нее правду, выдавишь ее из нее, теперь ты даже не злился, был решителен и совершенно спокоен, только хотел знать правду.

- Тебе лучше сесть, нам придется разобраться с этим. - И подвинул свой стул ближе к ней. - Постарайся быть осторожнее с тем, что мне говоришь, потому что это тот момент, который я намерен выяснить. Я хочу знать, когда и зачем ты звонила моей сестре Джейн.

- Я действительно забыла, что это телефон твоей сестры, - сказала она.

- Хорошо, говори.

Целый час понадобилось, чтобы добиться от нее ответа, и каждый раз она давала разные ответы. Знала ли о нас Эрма? То знала, то не знала, во всяком случае, она с ней не виделась. Сначала она сказала, что встречалась с Джейн два раза, затем - что только один раз. В основном здесь был задействован Дик. Еще весной Дик послал за ней и предложил ей пятьдесят тысяч долларов, если она оставит тебя в покое, уедет куда-нибудь и не станет сообщать тебе, куда именно. Когда она не согласилась, он удвоил свое предложение. Этой осенью, совсем недавно, он снова пожелал с ней увидеться, на этот раз, когда она отказалась от денег, он стал ей угрожать. Затем пришла Джейн и умоляла ее. "Она упрашивала меня весь день", - сказала она. Она взяла день, чтобы все обдумать, и записала ее телефон всего неделю назад, когда звонила Джейн и сказала, что решила не уезжать.

Сначала ты этому поверил. После того как ты выбил из нее все, что смог, и попытался сложить все обрывки информации и решить, что было правдой, а что она придумала, ты оделся и направился на Десятую улицу. Она не спросила тебя, куда ты уходишь и вернешься ли, она просто сидела в кресле, спокойно наблюдая за тобой.

Может, уже через две минуты после твоего ухода она читала книжку. Ты так и не пошел к Джейн, прошел мимо, не решившись войти, потому что не мог придумать, как все сказать. А если

это была ложь? Нет, в ее рассказе было слишком много достоверных подробностей, несмотря на некоторые противоречия, она не могла бы все это придумать. Когда наконец ты удалился от дома Джейн и взял такси до Пятой авеню, ты подумал, что будет лучше всего спросить об этом Дика, а потом дать им всем знать, что ты не желаешь, чтобы кто-то совал нос в твои дела.

И после этого, вчера, ты вообще не пошел в офис, как паршивый трус, упаковал чемоданы! Ты нашел пистолет и сидел на кровати целый час, рассматривая его, как будто это могло придать тебе мужества. Днем ты поехал к Джейн, дома ее не оказалось, она должна была вернуться только после обеда. Это уже не имело значения.

Не обманывай себя.

Вчера вечером, увидев тебя, Миллисент была удивлена. Конечно, ты не позвонил, но не это удивило ее; кстати, ты понял это по тому, как она смотрела на тебя, хотя ничего не говорила. Ты сказал ей, что не стал спрашивать ни Джейн, ни Дика, но собираешься это сделать и, если выяснится, что она лгала, ты заставишь ее заплатить за это. Она сказала, что ты не будешь их расспрашивать. Она сказала так, как будто это не имело никакого значения: "Ты не будешь их расспрашивать". Ты спокойно сказал, что на этот раз она ошибается, ты обязательно их спросишь, самым решительным образом; и затем внезапно глубоко у нее в глазах промелькнул этот крохотный огонек, и она сказала без малейшего изменения в тоне:

- Все равно, я все решила.

Господи, да какое имеет значение, что она сказала? Ты должен был знать к этому времени! Что она говорит! Ты тоже это понимал, ты ни черта не верил ей, но ты набросился на нее, ты все начал снова, разрываясь на части...

Она спокойно заявила, что Дик никогда о тебе не говорил, что она не видела его несколько месяцев. Она никогда не виделась с Джейн, никогда ей не звонила; этот телефон она записала как-то раз летом, когда захотела написать тебе о чем-то письмо и не смогла получить твой адрес в офисе. Она надумала позвонить Джейн, а когда нашла телефон, вспомнила, что Джейн на взморье. Дик никогда не предлагал ей денег за то, чтобы она оставила тебя, но все равно она думает, что может получить от него деньги, потому что он ей сочувствует...

И в конце, после всего этого, когда ты превратился в плачущего идиота, она действительно думала, что все это может как-то касаться тебя. Господи, она так подумала.

Это выдали ее глаза, они не закрылись, а только стали чуть поуже. Ты тысячу раз видел, как она прикрывает глаза. Ах ты, жалкий, грязный трус! Вчера вечером тебе казалось, что она говорит правду. Если она лгала, если Дик и Джейн... умоляли ее... не важно! Что они значат? Если бы они пришли прямо сюда и вы втроем вошли бы в квартиру - ха, стоило бы так сделать. И Эрма тоже - вся чертова шайка.

Ты сидел бы в уголке и слушал бы их, и они могли бы продолжать это всю ночь, завтра и всегда, они бы никогда уже не вышли отсюда. Умолять ее. Не имеет значения, что они хотели заставить ее сделать, - они могли бы отправить ее на самые высокие вершины мира или в самую чашу джунглей, и ты бы ее нашел. И она это знает. Вот почему, вот что она знает. Так проглоти это; проглоти это наконец, открой дверь, войди и скажи ей об этом. Она станет уважать тебя за это. Вот почему она презирает тебя, она видит, как ты корчишься и извиваешься, вот почему она сказала, что Джейн умоляла ее...

Она будет уважать тебя! Господи Иисусе! Шлюха, проклятая шлюха!

Забудь об этом, выбрось это из головы! Спокойно...

Спокойно...

Он повернул ключ в скважине и, войдя, тихонько закрыл за собой дверь. Миллисент, с раскрытым журналом в руках и с коробкой конфет на коленях, сидела у стола в голубом кресле при свете настольной лампы. Странно, подумал он, шторы уже опущены, она становится скромнее.

- Сегодня ты поздно, - сказала она ему. - Ты не позвонил, так что я чуть не ушла на шоу. Снимай пальто и побудь немного.

Пока его левая рука скользила в брючный карман, выпускала ключ и снова появлялась, правая вдруг вылезла из кармана пальто и повисла вдоль тела, она спросила по-прежнему ровным голосом:

- Что у тебя там?

Он поднял правую руку, и дрожь охватила его, когда он понял, что держит в ней пистолет. Наблюдая за ее лицом, до сих пор молча, он теперь заговорил:

- На что это похоже, а? На что это похоже, Мил?

И в то время, когда он говорил себе: "Будь осторожен, проклятый дурак, зачем ты его достал, ты же не соображаешь, что делаешь!" - он приближался к ней и вдруг, почти касаясь ее, остановился перед креслом.

- Ты пытаешься напугать меня? - сказала она, пристально глядя ему в глаза, и в ее взгляде было спокойствие.

Он сказал:

- Ты же не думаешь, что я тебя застрелю?

- Нет, думаю, ты бы мог. Думаю, ты должен выстрелить. - Не спуская с него глаз, она подняла руку и указала на мраморный бюст, белый и сверкающий, стоящий рядом с ней на столе. - Почему бы тебе не выстрелить в Храброго Билла? Ты ведь так ненавидишь его.

Он перевел взгляд на бюст, а потом, не отвечая ей, но испытывая громадное облегчение, пронизавшее все его существо, старательно навел дуло пистолета в лицо Храброго Билла и нажал на спуск. Раздался оглушительный выстрел; бюст слегка закачался, но удержался на столе уже с отколотым носом; пистолет выпал у него из руки и с грохотом упал на пол. Миллисент молниеносно вскочила на ноги и схватила оружие. Она посмотрела на него и усмехнулась. Услышав довольный смешок и увидев пистолет у нее в руке, он вдруг с силой ударил ее кулаком по лицу. С легким вскриком она отлетела назад, к креслу, он снова кулаком сбил ее с ног и, высоко подняв над собой тяжелый бюст, с ужасающей точностью обрушил его ей на голову. Раздался треск, как будто сломалась хрупкая доска; забрызганный кровью бюст откатился на мягкий ковер и там замер, уставившись отколотым носом в потолок.

"Нет, боже мой, - подумал он, - нет..."

Он шагнул вперед, подобрал с пола пистолет и мгновение стоял с ним в руке, затем внезапно бросился к двери. Открыв ее, он услышал шаркающие шаги поднимавшейся миссис Джордан и ее голос: "Мистер Льюис, это вы? Что там такое?" Он отшатнулся и замер в двух шагах от открытой двери, все еще с пистолетом в руке, не в состоянии ни двигаться, ни говорить; в сумраке лестницы он увидел лицо миссис Джордан, услышал ее вскрик, а в следующую секунду она судорожно запрыгала вниз по лестнице с криком: "Полиция! На помощь!"

Полиция!"

Он медленно поднял руку и посмотрел на пистолет - вопросительно, как будто тот мог сказать ему нечто, что он хотел знать; затем с жестокой судорожной дрожью, потрясшей все его тело, он разжал пальцы, и пистолет упал. Он бросился в холл, хотел сбежать по лестнице, но голоса внизу заставили его вернуться в комнату; и, не глядя на то, что лежало на полу рядом с бюстом, он подошел к окну, поднял раму и высунулся наружу. Он услышал крики и при смутном свете уличных фонарей увидел быстро бегущих людей в форме. Он закрыл окно, старательно опустил штору, затем повернулся и быстро подошел к маленькому столику в углу, где стоял телефон, поднял аппарат, снял трубку и поднес ее к уху.

Через открытую дверь ворвались громкие голоса, звуки тяжелых торопливых шагов, когда он произнес в трубку:

- Челси 4-3-4-3.